

СКИТСКИЙ ПЯТЕРИК

О СТЯЖАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

СКИТСКИЙ ПАТЕРИК

О СТЯЖАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ
ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

СКАЗАНИЯ
ОБ ИЗРЕЧЕНИЯХ И ДЕЛАХ
СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ОТЦОВ
ХРИСТОВОЙ ЦЕРКВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
СВЯТО-ТРОИЦКОМ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Москва • 2001

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II*

В этой книге изложены обязанности христианина, данные нам в Нагорной проповеди Господом и Богом нашим Иисусом Христом (см.: Мф. 5–7), а также некоторые изречения и дела святых и блаженных отцов Христовой Церкви, живших в IV–V веках преимущественно в странах Египта, показывающие, как они понимали и исполняли обязанности христианина. Да соревнуют святым отцам, учатся у них и подражают им стремящиеся наследовать Царство Небесное.

Текст печатается по изданию: Скитский патерик. Сказания об изречениях и делах святых и блаженных отцов, избранные из Скитского патерика. М., 1875.

ISBN 5-7789-0125-9

© Московское Подворье
Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры. 2001

Благочестивому читателю

Хочешь ли я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни святых, облеченных в власяницы, живущих в пустынях. Они-то носят брачные одежды. Ты увидишь, что они не согласятся взять порфиры, если будешь давать им. И это потому, что знают красоту своей одежды. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, ты упал бы на землю, не вынес бы сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести...

Они убегают городов и общественных собраний, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но должно жить в таком жилище, которое легко оставить; они, если нужно, оставляют его, как воины оставляют лагерь во время мира. Но приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели стан воинов, раскидывающих в поле шатры. В палатках воинов Христовых мы не увидим ни растянутых покровов, ни

острых копий, ни золотых тканей, покрывающих палатку царскую. Но если бы кто простер на земле, которая обширнее и неизмеримее нашей, многие небеса, тот представил бы подобное жилищам иноков. Ибо их обитель ничем не хуже небес, потому что к ним сходят Ангелы, даже Сам Господь Ангелов. Сии подвижники, как воины, живут в шатрах не с копьями, не со щитами и бронями, и, однако ж, они совершают такие подвиги, каких те и с оружием произвести не могут. Они каждый день сражаются и побеждают все восстающие на них похоти. Одним хотением они побеждают врагов, которыми воины побеждаются. Пьянство и пресыщение побеждено у них питьем воды и лежит повержено и мертво. А это — многовидный и многоглавый зверь... В воинстве духовном каждый воин одерживает победу. Кто сам не нанес врагу смертоносного удара, того он не перестает беспокоить всячески. Каждый из сих воинов воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные со всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безрасудное — безумные слова, неистовые и отвратительные болезни, кичение и все, чем вооружа-

ется против человека пьянство. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности... Они довольствуются хлебом и водою. Смятение, шум и беспокойство совершенно от них изгнаны, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина. И не только над сладострастием одержали победу святые мужи, но и над любостязанием, славолубием, завистью и вообще над всеми болезнями душевными. Итак, трапеза сих воинов не лучше ли трапезы воинов царя земного? Трапеза мужей святых возводит на небо; ее приготовляет Христос; правила для нее дает любомудрие и целомудрие. Пустынножители не женятся, не посягают иметь много, не предаются изнеженности, но, кроме самых неизбежных нужд для существа телесного, живут как бестелесные. Трапеза их готовится праведными трудами; будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; ищет пользы своих соучастников; не попускает оскорбить Бога. Нет у иноков никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева: все тихо, все мирно, везде великая тишина, великое безмолвие. Постелью инокам служит трава:

многие спят, не имея крова — небо служит им вместо крова, и луна вместо светильника. У них нет господина и раба: все — рабы и все — свободные. Они — рабы друг другу и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, не нужно запира́ть дверь, боя́ться разбойников. Разговор их исполнен такого же споко́йствия. Они всегда разговари́вают и любому́дрствуют о будущем, и как бы не здешние, как бы переселившиеся на небо и там живущие, всегда рассу́ждают о небесном, а об настоящем нет ни поми́на, ни слова. Они говорят о Небесном Царстве, о настоящей брани и кознях дьявола, о великих подвигах, совершенных святы́ми.

Хотите ли, пойти в град добродетели, в селения святых, то есть в горы и леса? Там-то мы и увидим высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги и во всей жизни явственными чертами изображают смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, удалено отсюда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу,

сами служат проходящим. Там все слуги, каждый омывает ноги странников и один перед другим старается оказывать им услуги; не разбирают они, кто к ним пришел, раб или свободный, но делают это для всех равно; нет там ни больших, ни малых. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их, и чрез то делается большим. У всех один стол, как у пользующихся услугами, так и у служащих им: у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Большой там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там не говорят: это — мое, это — твое. Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиной бесчисленного множества распрей. И чему удивиться, что у пустынных один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда у них и душа одна, не по природе только, но и по любви, а любовь может ли возгордиться сама пред собою? Там нет ни бедности, ни богатства, ни славы, ни бесчестия. Хотя и есть там низшие и высшие по добродетели, но никто не смотрит на свое превосходство: низших там не оскорбляют презрением, ибо там никто не унижает других. А если бы их кто унижал, они тем более

научаются переносить презрение, поругание и унижение — и в словах и в делах. Любят обращаться с пищими и увечными, и за столом их много таких гостей, а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев; там даже не знают, что такое лесть... Все усилия употребляют на то, чтобы не иметь первенства, но быть в унижении... Впрочем, и самые их занятия приводят их к смирению. Ибо, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергается сему недугу? Как в мире трудно соблюсти скромность, по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так в пустыне это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня; он видит летающих птиц, колеблемые веянием ветерка древа, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, что может возбудить к гордости человека, живущего среди такой пустыни?

Между монашеской и мирской жизнью такое же различие, какое находится между

пристанью и морем, непрестанно волнуемым ветрами. Смотри — самые жилища монахов предувещивают о их благоденствии: избегая рынков и городов, и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горестям, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют только уже о Царствии Небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а паче всего с Богом. Жилища их чужды всякого шума. Душа, свободная от всех страстей, тонка, легка и чище всякого тонкого воздуха. Занятия у них такие же, какие были вначале и до падения у Адама, когда облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в блаженном рае. И в самом деле, жизнь монахов — чем хуже жизни Адама, когда он, до преступления, введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот — нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом; так и

монахи — даже больше, чем Адам, имеют дерзновения, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святаго.

В мире свирепствует буря, а отшельники сидят в пристани спокойно и в великой безопасности, смотря, как бы с неба, на кораблекрушения, постигающие других. Они и жизнь избрали, достойную неба, и живут не хуже Ангелов. Как между Ангелами нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром и радостью, и славою: так и здесь никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством; своекорыстие изгнано отсюда; все у них общее: и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда у них и самая душа одна и та же? Все они благородны одинаковым благородством, рабы — одинаковым рабством, свободны — одинаковою свободою. Там у всех одно богатство — истинное богатство; одна слава — истинная слава, потому что блага у них не в именах, а в делах; одна радость, одно стремление, одна надежда у всех. Все у них устроено как бы по какому правилу и мере, и нет ни в чем неправильности, но во всем порядок, стройность

и гармония — самое точное согласие и прочное основание для всегдашнего благодушия...

Опишу хотя одну часть образа их жизни, ибо всей их жизни описать невозможно. Сии светильники мира, едва начинает восходить солнце или еще до рассвета, встают с ложа здоровы, бодры и свежи. Ибо их не возмущает ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дел; но они живут как Ангелы на небе. Итак, встав с ложа бодрые и веселые, они со светлым лицом и чистою совестью составляют вместе один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния как частные, так и общие. Спрошу вас: «Чем различествует от Ангелов сей лик на земле поющих и восклицающих: *слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение* (Лк. 2, 14)?». И одежда у них соответствует их мужеству. Одежды их приготовлены, как у блаженных оных Ангелов — Илии, Елисея, Иоанна, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то ветхой. Потом, пропевши свои песни с коленопреклонением, прославленного ими Бога призывают на помощь в таких делах, которые другим не скоро

бы и пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем; у них не бывало об этом и слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, чтобы никому из них не услышать сего страшного гласа: *не вем вас* — и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить сию трудную жизнь и благополучно переплыть сие бурное море. Потом, как, вставши, окончат сии священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным идет каждый к своему делу, и трудами многое приобретает для бедных. Монахи не только когда поют и молятся, но и когда сидят за книгами, доставляют зрителям приятное зрелище. Когда пение кончится, один берет Исаию, другой беседует с апостолами, третий читает книги других писателей и любомудрствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей. Они питаются словом Божиим, сладчайшим *меда и сота* (Пс. 18, 11). Это чудный мед, и гораздо лучше того, каким некогда Иоанн питался в пустыне. Ибо не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают

сей мед, но приготовляет оный благодать Святаго Духа и, вместо сотов, ульев и дупла, полагает в душах святых. Подобно пчелам, они облетают соты священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Принимая такую пищу, уста их не могут произнести ни одного дурного слова, ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба... Таково их настоящее состояние. А будущее — какое слово может выразить? Какой ум — постигнуть?..

Приди и учись у иноков. Это — светильники, сияющие по всей земле: стены, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились в пустыню, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиной и среди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя мало отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущих благ... Как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы и очень мал был, кажется большим, так и те, восходя в беседах

к высоким помыслам праведных, и сами кажутся такими же, пока с ними пребывают.

Монах и бедным и богатым дает дары, он равно щедр для обоих. Хотя целый год носит одну одежду и охотнее пьет воду, нежели вино, но не просит для себя ни большой, ни малой милости от богачей, но для бедных он испрашивает многих постоянных милостей, полезных как для дающих, так и для получающих. Таким образом, он является общим врачом и для богатого, и для бедного, одного освобождая от грехов добрым наставлением, другого избавляя от нужды. Он раздает дары Духа, освобождает молитвою души, угнетенные тиранством демонов. К ним прибегают и цари в своих нуждах, прося их молитв. Монах носит залог спасения в своей воле, в своей ревности, в своем расположении, по слову Писания: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Смерть для него не страшна; ибо для того, кто презирает богатства, удовольствия и радости, не тяжело разлучиться с этим миром.

Святитель Иоанн Златоуст.
Из бесед на Евангелие от Матфея

Будь нищим духом

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Мф. 5, 3

Стяжи смиренномудрие, самоуничижение, страх Божий и молитвенное настроение дүха.

Не дүмай о себе, что ты имеешь что-либо доброе в себе или что делаешь что-либо доброе от себя, но сознавай и чувствуј, как и есть на деле, что у тебя нет ничего своего, кроме греха.

Авва Иоанн из Келлий говорил: «Должно прежде всего стяжать смиренномудрие, ибо это есть первая заповедь Спасителя. *Блажени нищии духом,* — говорил Он, — *яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3)».

Авва Ор говорил: «Венец христианина есть смиренномудрие».

Авва Исидор Пелусиот говорил: «Велика высота смиренномудрия и глубоко падение высокоумия».

Авва Антоний говорил: «Видел я однажды все сети врага, распростерты по земле, и со вздохом сказал: “Кто же избегнет их?” Но услышал глас, говорящий мне: “Смиренномудрие”».

Однажды демон напал на авву Макария с большим мечом и хотел отсечь ему ногу. Но по причине смирения аввы не мог сделать сего и сказал ему: «Все, что имеете вы, имеем и мы; одним только смиренномудрием отличаетесь от нас и побеждаете».

Брат спросил авву Сисоя Петрейского о наставлении, которое дал ему авва Сисой Фивейский. Старец отвечал ему: «Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь».

Авва Матой говорил: «Чем ближе человек к Богу, тем более сознает себя грешником. Пророк Исаия, увидев Бога, назвал себя *окаянным и нечистым* (ср.: Ис. 6, 5)».

Он же говорил: «Когда я был юн, думал о себе: может быть, я делаю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарился, вижу, что я не имею в себе ни одного доброго дела».

Однажды демоны приступили к авве Арсению в келии и смущали его. Прислужники его пришли к нему и, став вне келии, слышали, как он взывал к Богу и говорил: «Боже! Не оставь меня; я не сделал пред Тобой ничего доброго, но даруй мне по милости Твоей положить начало».

Рассказывали об авве Памво: приближаясь к смерти, в самый час кончины своей, говорил он стоявшим около него святым мужам: «С того времени как, придя в эту пустыню, я построил себе келию и поселился в ней, не помню, чтобы когда-либо ел я иной хлеб, кроме приобретенного моими руками, и никогда не раскаивался в словах, которые говорил я когда-либо даже до сего часа. А теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинал служить Ему».

Рассказывали об авве Сисое: перед смертью аввы, когда сидели около него отцы, лицо его просияло как солнце. И он говорил отцам: «Вот пришел авва Антоний». Немного после опять говорит: «Вот пришел лик пророков». И лицо его заблестало еще светлее. Потом он сказал: «Вот вижу лик апостолов». Свет лица его удвоился, и он с кем-то разговаривал. Тогда старцы стали спрашивать его: «С кем ты, отец, беседуешь?». Он отвечал: «Вот пришли Ангелы взять меня, а я прошу, чтобы на несколько времени оставили меня для покаяния». Старцы сказали ему: «Ты, отец, не имеешь нужды в покаянии». Он отвечал им: «Нет, я уверен, что еще не начинал покаяния».

А все знали, что он совершен. Вдруг лицо его опять заблестало подобно солнцу. Все пришли в ужас, а он говорит им: «Смотрите, вот Господь... Он говорит: “Несите ко Мне избранный сосуд пустыни”», — и тотчас предал дух и был светел как молния. Вся храмина исполнилась благоухания.

|| Обвиняй себя во всем. ||

Авва Иоанн говорил: «Оставив легкое бремя осуждать самих себя, мы понесли тяжкое — стали оправдывать самих себя».

Авва Пимен говорил со вздохом: «Все добродетели вошли в сей дом, кроме одной, без которой едва ли устоит человек». — «Какая же это добродетель?» — спросили его. «Самоосуждение», — отвечал старец.

Блаженный архиепископ Феофил посетил некогда гору Нитрийскую. К нему пришел авва горы той. Архиепископ спросил его: «Что нашел ты, отец, лучшего на пути сем?». Старец отвечал ему: «Постоянное обвинение и осуждение самого себя». А авва Феофил говорит ему: «Нет другого пути, кроме сего».

Авва Пимен говорил: «Мы подвергаемся столь многим искушениям потому, что не сохра-

няем своих имен и своего чина, как свидетельствует и Писание. Не видим ли, что жена хананейская приняла данное ей имя, и Спаситель утешил ее (см.: Мф. 15, 27—28)? Также Авигея сказала Давиду: «Во мне неправда моя (см.: 1 Цар. 25, 24)», — и Давид, выслушав слова, возлюбил ее. Авигея представляет душу, Давид — Бога: если душа обвинит себя пред Богом, Господь возлюбит ее».

Он же повторял следующее изречение блаженного аввы Арсения: «Велико могущество человека, если он обвиняет себя во всех грехах своих пред Господом и ожидает искушения до последнего издыхания».

Еще говорил: «Если человек во всем будет винить самого себя, то везде устоит».

Рассказывали об авве Моисее: когда он был сделан клириком и облекли его в стихарь, архиепископ сказал ему: «Вот ты теперь весь стал белым, авва Моисей (у древних стихарь обыкновенно употреблялся белого цвета)!». Он отвечал: «О если бы, владыко, и изнутри так же, как извне!». Архиепископ, желая испытать авву Моисея, сказал клирикам: «Когда взойдет авва Моисей в алтарь, изгоните его и идите за ним, чтобы услышать, что

станет он говорить». Старец вошел; клирики начали поносить его и выгнали, говоря: «Ступай вон, эфиоп!». Старец, выходя, говорил самому себе: «По правде с тобою сделано, чернокожий эфиоп — ты не человек, зачем же ходишь с людьми?».

Три старца, услышав об авве Сисое, пришли к нему, и первый говорит ему: «Как мне избавиться от огненной реки?». Старец не отвечал ему. Второй говорит ему: «Отец! Как мне избавиться от скрежета зубов и червя неусыпающего?». Третий говорил: «Отец! Что мне делать? Меня мучит воспоминание о тьме кромешной?». Авва Сисой сказал им в ответ: «Я не помню ни об одном из сих мучений. Бог милосерд; уповаю, что Он сотворит со мною милость». Старцы, услышав сие, пошли от него со скорбью. Но авва, не желая отпустить их в огорчении, воротил их и сказал: «Блаженны вы, братья! Я позавидовал вам: один из вас говорил об огненной реке, другой о преисподней, третий о тьме. Если душа у вас проникнута таким воспоминанием, то вам невозможно грешить. Что же делать мне, жестокосердному, которому не дано знать, что есть наказание человекам? Оттого я каждый час и согрешаю». Старцы, поклонившись ему, сказали: «Что мы слышали, то и видим».

Один брат сказал авве Феодору Фермейскому: «Я хочу исполнять заповеди». Старец отвечал ему: «И авва Феона также некогда говорил: “Хочу, при помощи Божией, выполнить намерение мое”. Принеся в пекарню муки, он испек из нее хлебы. Когда попросили у него бедные, он отдал им хлебы, когда попросили еще другие, отдал им корзины и одежду, которую носил, и вошел в келию свою лишь опоясанный мафорием; а при всем том он осуждал себя за то, что не исполнил заповеди Божией».

Авва Нил говорил: «Блажен из людей тот, который почитает себя хуже всех».

Брат говорил авве Сисою: «Я замечаю за собой, что памятование о Боге всегда со мной». Старец отвечал ему на это: «Не важное дело, что ты размышляешь о Боге, но то важно — видеть себя ниже всякой твари. Ибо такое уничижение и труд телесный приводят к смиренномудрию».

Брат спросил авву Тифоя: «Какой путь ведет к смирению?». Старец отвечал: «Путь к смирению есть воздержание, молитва и признание себя ниже всякой твари».

Авва Пимен сказывал: один брат спросил авву Арсения: «Что значит уничижать себя?». И старец отвечал: «Ставить себя ниже бессловесных и знать, что они не подлежат осуждению».

Авва Сисой просил авву Ора: «Дай мне наставление». — «Имеешь ли ко мне доверие?» — спросил его авва Ор. «Имею», — отвечал авва Сисой. «Пойди же, — сказал ему авва Ор, — и делай то же, что, как видишь, делаю я». — «Что же вижу я в тебе, отец?» — спросил его авва Сисой. Старец сказал ему: «Я почитаю себя ниже всех людей».

Авва Ор говорил: «Не помышляй в сердце своем против брата своего, не говори: “Я живу воздержаннее и строже его”, а покорись благодати Христовой в духе нищеты и нелицемерной любви, дабы не пасть тебе от тщеславия и не погубить трудов своих. Ибо в Писании сказано: *Мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Будь приправлен солью о Господе».

Авва Пимен говорил: «Если человек достигнет того состояния, о котором сказал Апостол: *Вся убо чиста чистым* (Тит. 1, 15), то увидит, что сам хуже всякой твари». Брат спрашивает старца: «Как могу думать о себе, что я хуже убийцы?». Старец отвечал: «Если человек дойдет до состояния, указанного Апостолом, и увидит человека, совершившего убийство, то скажет: “Он однажды сделал сей грех, а я убиваю каждый день”».

Брат спросил о том же предмете авву Анувия и пересказал ему слова аввы Пимена. Авва Анувий отвечал: «Если человек дойдет до состояния такой чистоты и увидит грехи брата своего, то праведность его поглотит их». Брат спросил: «В чем праведность его?». Старец отвечал: «Это всегдашнее обвинение самого себя».

Авва Иаков сказывал: «Пришел я однажды к авве Матою и, уходя, сказал ему, что хочу отпра-виться в Келлии. Авва Матой сказал: “Поклонись от меня авве Иоанну”. Я пришел к авве Иоанну и говорю ему: “Авва Матой тебе кланяется”. Старец говорит мне: “Да, авва Матой *воистинну израиль-тянин, в немже льсти несть* (Ин. 1, 47)”. Через год опять пошел я к авве Матою и передал ему поклон от аввы Иоанна. Старец сказал мне: “Я недостойн приветствия от такого старца”. Если услышишь, что какой-нибудь старец почитает ближнего выше себя, то знай, что он достиг уже великого совершенства. Ибо в том-то и состоит совершенство, чтобы предпочитать себе ближнего».

Рассказывали об авве Пимене, что он никогда не хотел давать наставления своего после другого старца, но обыкновенно всячески восхвалял дав-шего наставление.

Рассказывали старцы, что однажды прислано было в Скит несколько мелких смокв, и их, как ничего не стоящих, не послали к авве Арсению, чтобы он не обиделся. Старец, услышав об этом, не пошел в церковь и сказал: «Вы отлучили меня, лишив благословения, которое Бог послал братиям, и которого я не удостоился получить». Все, услы-

шав о сем, получили пользу от смирения старца. После того пресвитер пошел, отнес ему смоквы и с радостью привел его в церковь.

Брат пришел к авве Матою и спрашивает его: «Почему живущие в Скиту более делают, чем велит Писание, любя врагов своих более, нежели себя?» Авва отвечает ему: «А я и того, кто любит меня, не могу еще любить, как самого себя».

Один брат спросил авву Пимена: «Почему демоны увлекают душу мою к тому, кто выше меня, и заставляют презирать того, кто ниже меня?» Старец отвечает: «Потому, говорит Апостол, что в велице́м же дому не точию сосуди злати и серебряни суть, но и древяни и глиняни ... *Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце, на всякое дело благое уготован* (ср.: 2 Тим. 2, 20, 21)».

Не хвались успе́хом в добрых делах и не думай о своем каком-либо достоинстве. ||

Авва Петр Пионитский говорил: «Не должно превозноситься, ежели Господь что-либо сделает через нас, но лучше благодарить Его за то, что мы удостоились призвания Его. Полезно так думать при совершении всякого доброго дела».

Авва Ксонфий сказал: «Разбойник был на кресте — и одним словом оправдался; Иуда был в числе апостолов — и в одну ночь погубил весь труд свой и с небес сошел во ад. Посему никто не должен хвалиться успехом в добрых делах. Ибо все уповающие на себя пали».

Авва Антоний говорил: «Я знаю монахов, которые после многих трудов пали и подверглись безумию, потому что понадеялись на свои дела».

Авва Ор говорил: «Если придет к тебе помысл высокоумия и гордости, то испытывай свою совесть, все ли исполнил ты заповеди, любишь ли врагов своих, болезнуешь ли о их несчастьях и считаешь ли себя рабом непотребным, грешнейшим из всех? Тогда не будешь гордо думать о себе, будто все исполнил. При том знай, что помысл гордости все разрушает».

Авва Пимен говорил: «Не думай о своем достоинстве, а прилепись к человеку, который хорошо живет».

Он же говорил: «Если будешь смиренно думать о себе, то найдешь покой везде, где бы ты ни был».

Рассказывали о матери Сарре: однажды демон блуда сильно восставал против нее, представляя ей суетные предметы мира. Сарра, вооружаясь стра-

хом Божиим и подвигом, никак не уступала ему; и в один день взошла на верх дома своего молиться. Здесь дух блуда явился ей видимым образом и сказал: «Победила ты меня, Сарра!». — «Не я победила тебя, — сказала она, — но Господь мой Христос».

Авва Антоний услышал об одном молодом монахе, что сей сотворил на пути такое чудо: увидев некоторых старцев, которые путешествовали и от пути утомились, он велел диким ослам подойти и на себе нести старцев, пока дойдут до Антония. Старцы рассказали об этом авве Антонию. А он отвечал им: «Монах этот, как мне кажется, есть корабль, полный груза; но не знаю, взойдет ли он в пристань». Спустя несколько времени авва Антоний вдруг начал плакать, рвать на себе волосы и рыдать. Ученики спросили его: «О чем плачешь, авва?». Старец отвечал им: «Сейчас пал великий столп Церкви! — это он говорил о молодом монахе. — Но пойдите сами к нему, — продолжал он, — и посмотрите на случившееся!». Ученики идут и находят монаха сидящим на рогоже и оплакивающим сделанный грех. Увидев учеников старца, монах говорил им: «Скажите старцу, чтоб он умолил Бога дать мне десять дней жизни, и я

надеюсь очистить грех свой». Но не прошло и пяти дней, как он скончался.

Один брат жил вне села своего и в продолжение многих лет не входил в село. Он говаривал братьям: «Вот уже сколько прошло лет, и я не входил в село, а вы так часто туда ходите». Сказали о нем авве Пимену. Старец отвечал: «Я пошел бы ночью и кругом обошел село, чтобы не тщеславиться мыслью, что не хожу в село».

В одно время пришли к матери Сарре два старца, великие отшельники Пелузские. Отходя от нее, сказали они друг другу: «Поучим старицу смирению». И говорят ей: «Смотри, не превозносись умом твоим и не говори: “Вот и отшельники ходят ко мне — женщине”». Мать Сарра отвечала им: «Я женщина по телу, а не по уму».

Авва Пимен рассказывал об авве Исидоре: «Помыслы говорили ему: “Ты великий человек”. Но Авва Исидор отвечал: “Неужели я подобен авве Антонию? Или я сравнился с аввой Памво или с другими благоугодившими Богу?”. Говоря так, он успокаивался».

Некогда авва Матой отправился из Раифа в страну магдолов. С ним был брат его. Там епископ задержал старца и сделал пресвитером.

Однажды в беседе епископ сказал авве: «Прости меня, авва! Знаю, что ты не желал быть пресвитером, но я осмелился это сделать, дабы получить от тебя благословение». Старец сказал ему со смирением: «В сердце у меня было небольшое желание, но вот что меня затрудняет: я должен расстаться с братом своим, а один не могу исполнить всех молитв». Епископ сказал старцу: «Ежели ты знаешь, что он достоин, я рукоположу и его». Авва Матой отвечал: «Достойн ли он, я не знаю. Одно только знаю, что он лучше меня». Епископ рукоположил и брата его. Но оба они почили, не приступив к престолу для совершения Евхаристии. Старец же говорил: «Верую в Бога, что я не подвергнусь великому осуждению за то, что по рукоположении ни разу не совершил литургии; ибо рукоположение есть достояние людей чистых».

Когда хвалят тебя другие, помышляй о грехах своих и признавай себя недостойным похвал. ||

Авва Иаков говорил: «Кого хвалят, тот должен помышлять о грехах своих и признавать себя недостойным похвал».

Авва Пимен сказывал: «Некогда старцы сидели за обедом. Авва Алоний стал прислуживать им. Старцы, видя это, похвалили его, но он ничего

им не отвечал. После один из них наедине спрашивает его: “Почему ты не отвечал на похвалы старцев?”. Авва Алоний говорит им: “Если бы я отвечал им, то показалось бы, будто я почитаю себя достойным похвалы”».

Однажды по какому-то делу было собрание в Келлиях и авва Евагрий говорил тут. Пресвитер говорит ему: «Мы знаем, авва, что если бы ты жил в своей стране, уже давно бы мог быть епископом и начальником над многими, а теперь ты сидишь здесь, как странник». Авва Евагрий, хотя был тронут сим, не смутился и, кивнув головой, сказал ему: «Точно так, отец! Но *единою глаголах, вторицею не приложу* (Иов. 39, 35)».

|| Будь молчалив и терпелив. ||

Брат спросил авву Сисоя: «Что мне делать?». Авва отвечает: «Нужное для тебя дело — совершенное безмолвие и смирение. Ибо в Писании сказано: *блажени вси пребывающии в Нем* (Ис. 30, 18). Тогда ты можешь устоять».

Авва Иоанн спросил: «Кто продал Иосифа?». Один брат отвечал: «Братия его». — «Не братия, — сказал старец, — но смирение его продало его; ибо мог говорить, что он брат их, мог

противоречить; но он молчал и по смирению продал себя. И смирение поставило его в Египте правителем».

Не старайся показывать себя отличным от других. ||

Авва Матой говорил одному брату: «Где ни будешь жить, иди со всеми наравне, и что делают люди благочестивые, в которых ты уверен, то и сам делай. В том и состоит смирение, чтобы не отличаться от других».

Смирись вполне, отвергнись всего себя — не имей ни своего ума, ни своей воли и действий. ||

Авва Моисей сказал некогда брату Захарии: «Наставь меня, что мне делать?». Захария, услышав, повергся на землю к ногам его и сказал: «Тебе ли спрашивать меня, отец!». Старец отвечал ему: «Поверь мне, сын мой Захария, я видел Духа Святаго, сходящего на тебя, и это заставляет меня спросить тебя». Тогда Захария снял со своей головы куколь, положил его под ноги и, попирая его, сказал: «Ежели не сокрушится таким образом человек, не может быть воином Христа».

Бойся суда Божия и адских мучений. ||

Авва Иоанн Колов говорил: «Смиренномудрие и страх Божий выше всех добродетелей».

Авва Пимен говорил: «Человеку так же необходимо иметь смиренномудрие и страх Божий, как необходимо дышать воздухом».

Авва Антоний говорил: «Всегда имей страх Божий пред очами. Помни Того, Кто *мертвит и живит* (1 Цар. 2, 6)».

Авва Пимен сказывал, что авва Антоний говорил об авве Памво: «Имея страх Божий, он устроил в себе обитель для Духа Божия».

Авва Иаков говорил: «Как светильник, поставленный в темной ложнице, освещает ее, так и страх Божий, когда вселяется в сердце человека, просвещает его и научает всем добродетелям и заповедям Божиим».

Авва Серапион говорил: «Как воины, стоя пред царем своим, не могут уклониться ни вправо, ни влево, так и человек, если стоит пред Богом и каждый час взирает на Него со страхом, не может страшиться своего врага».

Авва Евагрий говорил: «Помни всегда об исходе твоём, не забывая вечного суда — и не будет греха в душе твоей».

Авва Сисой говорил: «Если душа наша проникнута воспоминанием об огненной реке, о

преисподней и тьме, скрежете зубов и черве несусыпаемом, то нам невозможно грешить».

Один брат просил авву Аммона: «Скажи мне что-нибудь в наставление». Старец отвечал ему: «Поди, имей такие мысли, какие имеют преступники, находясь в тюрьме. Они всегда спрашивают других: “Где судья? Когда он придет?” — и плачут от ожидания. Так должен и ты непрестанно внимать и обличать душу свою, говоря: “Увы мне! Как я предстану на суд Христов и чем буду оправдываться пред Ним?”. Если всегда будешь так размышлять, можешь спастись».

Авва Агафон сказал: «Человеку должно каждый час размышлять о Суде Божиим».

Авва Илия говорил: «Я боюсь трех событий: когда душа моя будет выходить из тела, когда предстану Богу и когда будет произнесено последнее определение обо мне».

Авва Феофил, архиепископ, приближаясь к смерти говорил: «Блажен ты, авва Арсений, что всегда помнил о сем часе».

Он же говорил: «Какой увидим мы страх и трепет и какую нужду, когда душа будет разлучаться с телом! Тогда придет к нам сильное воинство противных сил, князя тьмы, злобные миродержатели,

начальства, власти духа злобы и некоторым образом по праву овладеют душой, представляя ей все грехи, сделанные в ведении и неведении, от юности до конца жизни. Предстанут ей и обличат все дела ее. Кроме того, каким, ты думаешь, трепетом объята бывает душа в то время, доколе не произнесется над нею приговор и не совершится ее освобождение? Это есть время тесноты ее, пока не узнает она, что будет с ней. Далее лицом к лицу с силами противными стоят Силы Божественные и со своей стороны выставляют благие дела ее. Подумай же, какие трепет и страх мучают душу, находящуюся среди оных сил, пока суд над нею не будет решен Праведным Судией. Если душа окажется достойной, то бесы посрамляются и она восхищается Ангелами. Тогда наконец душа успокаивается и будет жить по Писанию, *яко веселящихся всех жилище в тебе* (Пс. 86, 7). Тогда исполняются слова Писания: *отбеже болезнь и печаль и въздыхание* (Ис. 35, 10). Тогда освободившаяся душа восходит в ту неизглаголанную радость и славу, в которой и водворится. Если же душа будет застигнута в беспечной жизни, то услышит оный ужасный глас: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10): тогда постигнет ее

день гнева, день скорби, день тьмы и мрака. Преданная во тьму кромешную и осужденная на вечный огонь, она будет терпеть наказание в бесконечные веки. Где будет тогда радость мирская? Где тщеславие? Где роскошь? Где наслаждение? Где хвастовство? Где нега? Где пышность? Где богатство? Где благородие? Где отец? Где мать? Где брат? Кто может избавить от сих мук душу, горящую в огне и терпящую ужасные мучения? Если так, то как свято и благочестиво должно быть наше житие? Какую любовь должны стяжать мы? Какова должна быть наша жизнь? Каково обращение? Какое шествие? Каково должно быть наше прилежание? Какова молитва? Какое постоянство? Ибо *сих чающе*, говорит Апостол, *потщитесь нескверни и непорочни тому обрестися в мире* (2 Пет. 3, 14), чтобы удостоиться нам услышать глас Господа, говорящего: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34) во веки веков. Аминь».

Брат спросил авву Евпрепия: «Как страх Божий приходит в душу?». Старец отвечал: «Если человек будет иметь смирение, нестяжательность, не будет осуждать, то придет к нему страх Божий».

Авва Пимен рассказывал: «Некто спросил авву Паисия: “Что мне делать со своей душой? Она бесчувственна и не страшится Бога”. Старец отвечал ему: “Пойди, прилепись к человеку, боящемуся Бога: когда сблужишься с ним, он и тебя научит бояться Бога”».

Авва Антоний сказал: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его; ибо любовь вон изгоняет страх».

Никогда не оставляй сердца своего без молитвы, но делай так, чтобы оно всегда просило милости у Бога, ради Христа, славил и благодарило Его за Его дары.

Для приобретения молитвенного настроения духа и для сохранения сего настроения часто молись молитвой Господней и прочими молитвами Святой Церкви, произнося их со вниманием и благоговением и возбуждая в себе соответственные им чувства.

Авва Нистерой говорил: «Старайся каждый день стоять пред Богом без греха. Молись Богу так, как бы ты был с Ним лицом к лицу. И действительно Он всегда с нами».

Авва одной обители, находящейся в Палестине, доносил блаженному Епифанию, епископу Кипрскому: «Молитвами твоими мы не оставляем правила, но прилежно исполняем его в третий, шестой и девятый час». В обличение их

Епифаний сказал: «Видно, что другие часы дня вы проводите в праздности, без молитвы. А непрестанно должно совершать в сердце своем молитву и псалмопение».

Авва Иперехий говорил: «Живи постоянно умом своим в Царствии Небесном, и ты скоро наследуешь сие Царствие».

Авва Вениамин, умирая, говорил чадам своим: «Вот что делайте, и можете спастись: *Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. О всем благодарите* (1 Сол. 5, 16–18)».

Рассказывали, что авва Ор и авва Феодор всегда успешно начинали дела свои и всегда благодарили Бога.

Однажды пришли к авве Лукию в Еннат монахи из так называемых евхитов. Старец спросил их: «Какое у вас рукоделие?».— «Мы не занимаемся рукоделием,— отвечали они,— но непрестанно молимся, как заповедует Апостол».— «Ужели вы и не едите?» — спросил старец.— «Едим»,— отвечали они.— «Кто же молится за вас тогда, когда вы едите?» — сказал им авва. Еще спросил их: — «Вы и не спите?».— «Спим»,— отвечали евхиты. «Кто же молится за вас, когда вы спите?» — сказал старец. Евхиты не нашлись, что отвечать на это. Тогда авва отвечал им: «Простите мне, вы не делаете, как говорите. А я вам покажу, что, и занимаясь своим рукоделием, непрестанно молюсь. Размочив немного прутьев, с Богом сажусь я и плету из них веревку, а между тем читаю: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50, 3). Не молитва ли это?» — спросил старец.— «Молитва»,— отвечали евхиты. Старец продолжал: «Проводя целый день в работе и молитве, я зараба-

тываю около шестнадцати монет. Две из них я подаю за дверь, а остальные употребляю в пищу. Кто примет у меня две монеты, молится за меня, когда ем или сплю; и таким образом, по милости Божией, исполняю непрестанно молитву».

Авва Исидор говорил: «Когда я был молод и жил в своей келии, не определял времени для молитвословия: день и ночь проходили у меня в молитвословии».

Некогда авва Макарий в продолжение целых четырех месяцев каждодневно посещал одного брата и всегда заставлял его в молитве. Старец, удивившись сему, сказал: «Вот земной Ангел».

Сказывали об авве Арсении, что по вечерам в субботу и воскресный день он становился задом к солнцу и, подняв руки свои к небу, молился до того времени, как солнце начинало светить ему в лицо, после сего он садился.

Авва Дула, ученик аввы Виссариона, рассказывал: «Вошел я к старцу в келию и застал его стоящим на молитве, руки его были простерты к небу, и он оставался в этом подвиге четырнадцать дней».

Авва Елифаний, епископ Кипрский, говорил: «Пророк Давид молился в начале ночи, вставал

на молитву в полночь, перед рассветом, на рассвете, молился поутру, вечером и в полдень. Поэтому он сказал: *Седмерицею днем хвалих Тя (Пс. 118, 164)».*

Авва Агафон перед смертью своей три дня сряду неподвижно смотрел на небо.

Помни, что нищим духом, то есть смиренным, боящимся Бога и непрестанно молящимся душам, Господь обещает Царство Небесное, начинающееся на земле посредством веры и надежды, совершающееся в будущей жизни посредством участия в блаженстве небожителей.

Будь плачущим

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Мф. 5, 4

Сокрушайся сердцем своим и имей действительные слезы о себе и о других, что несовершенно и недостойно служим Богу и даже заслуживаем гнев Его своими грехами.

Помни, что за такой плач Господь обещает благодатное утешение, состоящее в прощении грехов и мире совести. Для приобретения и сохранения сего спасительного плача утром и вечером давай себе отчет в том, какие дела сделал ты из числа тех, которые требует от нас Бог, и каких не сделал из числа тех, которые Бог запрещает. Так проводи всю свою жизнь.

Авва Евпрепий говорил: «Страх и смирение, лишение в пище и плач не должны оставлять тебя».

Брат просил авву Матоя: «Дай мне наставление». Старец сказал ему: «Не входи в состязание ни о каком предмете, но плачь и сокрушайся, ибо время близко».

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать?». Старец отвечал ему: «Авраам, когда пришел в землю обетования, купил себе место для погребения и

через гробницу наследовал землю». «Что же значит эта гробница?» — спросил брат. Старец отвечал: «Место плача и рыдания».

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать с грехами своими?» Старец отвечал: «Кто хочет очистить себя от грехов своих, очищает себя слезами; и желающий стяжать добродетели, стяживает их слезами. Ибо плач есть путь, указанный нам Писанием и отцами нашими, которые говорили: «Плачьте — кроме сего пути, нет другого».

Сказывали об авве Арсении, что во все время жизни своей, сидя за рукоделием, он имел платок на груди, по причине слез, падавших из очей его. Авва Пимен, когда услышал, что он почил, прослезившись, сказал: «Блажен ты, авва Арсений, что оплакал себя в здешнем мире! Ибо кто здесь не плачет о себе, тот вечно будет плакать там. И так необходимо плакать или здесь добровольно, или там от мучений».

Авва Даниил сказывал, что ресницы выпали у аввы Арсения от слез.

Когда приблизилась кончина аввы Арсения, братья увидели, что старец плачет. Они говорят ему: «Правда ли, что и ты, отец, страшишься?». Он отвечал им: «Правда, настоящий мой страх всегда

был со мною с того самого времени, как я сделался монахом». И таким образом он почил.

Рассказывали об авве Оре и авве Феодоре: однажды, бросая глину в келию, они сказали друг другу: «Что, если теперь посетит нас Бог? Что мы станем делать?». Заплакав, они оставили глину и удалились каждый в свою келию.

Некогда старцы из Горы послали в Скит к авве Макарию просить его к себе. Посланные говорят ему: «Чтобы не докучать тебе, во множестве приходя к тебе порознь, просим тебя — приди ты сам к нам, дабы нам видеть тебя прежде отшествия твоего ко Господу». Когда Макарий пришел в Гору, собралось к нему множество братий. Старцы просили дать наставление братии. Макарий, выслушав просьбу, сказал: «Восплачем, братия; очи наши да проливают слезы прежде, нежели отойдем туда, где наши слезы будут жечь тела наши». И все зарыдали, пали на лица свои и сказали: «Отче! Помолись о нас».

Авва Силуан, беседа однажды с братией, пришел в исступление и пал на лицо свое. Долго лежал на земле, потом встал и начал плакать. Братия спросили его: «Что с тобой, отец, сделалось?». Он молчал и плакал. Когда же братия принудили

его говорить, сказал: «Я восхищен был на суд и видел, что многие из нашего сословия шли на муку, а многие из мирян шли в Царствие Небесное». Старец продолжал плакать и не хотел выходить из келии своей. Если принуждали его выходить, всегда закрывал лицо свое кукулем и говорил: «Зачем мне смотреть на этот временный свет, от которого нет мне никакой пользы».

Рассказывали об авве Сисое: когда он сделался болен, сиживали у него старцы и с некоторыми он разговаривал. Старцы спрашивают у него: «Что ты видишь, авва?».— «Вижу,— отвечал он,— что идут за мной, и прошу их, чтобы дали мне несколько времени на покаяние». Один из старцев говорит ему: «Если и дадут тебе несколько времени, можешь ли теперь принести спасительное покаяние?».— «Хотя и не могу сего сделать,— отвечал старец,— но поплачу несколько о душе моей — и сего довольно для меня».

Авва Павел Великий говорил: «Я погряз по самую шею в тину. И плачу пред Богом, взывая: помилуй меня».

Об одном авве Аполлоне, жившем в Скиту, рассказывали следующее: он был грубый пастух; находясь в поле, увидал жену свою, которая была

беременна, и по внушению диавола сказал: «Хочу видеть, как лежит младенец во чреве ее». Расторгнув ее, он увидел младенца. Но тотчас же совесть стала мучить его: в сокрушении пришел он в Скит и рассказал отцам о своем деле. Тут услышал он, что отцы поют: *Дние лет наших, в нихже седьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь* (Пс. 89, 10). «Мне сорок лет, — сказал он, — и я ни разу не молился; а теперь, если проживу другие сорок лет, непрестанно буду молиться Богу, да отпустит мне грех мой». И он не занимался никаким рукоделием, но всегда молился, говоря: «Аз яко человек согреших, Ты же яко Бог помилуй меня». В сей молитве проводил день и ночь. С ним жил один брат и слышал, как он говорил: «Тяжко я оскорбил Тебя, Господи, но прости мне, чтобы я хотя несколько успокоился». Он получил уверение, что Бог простил ему все грехи его и даже убийство жены. Но о младенце ничего не было открыто. Один из старцев сказал ему: «Бог простил тебе и убиение младенца, но Он оставляет тебя в томлении, ибо это полезно душе твоей».

Авва Павел Простой, ученик святого Антония, рассказывал отцам о следующем событии:

однажды пришел он в монастырь для посещения и ради пользы братии; после обыкновенных взаимных приветствий они пошли в святую Божию церковь для совершения обычной службы. Блаженный Павел внимательно смотрел на каждого входящего в церковь, с каким кто расположением души приходил к службе. Ибо он имел такую благодать, данную ему от Господа, что в каждом видел, какова душа его, как мы друг у друга видим лица. Все входили со светлым взором и веселым лицом; с каждым шел Ангел, радуясь о нем. Но увидал он одного брата мрачным, все тело у него было черно; с обеих сторон держали его демоны и влекли за собой, надевая намордник на лицо его; а святой Ангел шел поодаль с печальным и поникшим взором. Павел прослезился и, сидя у церкви, ударял себя в грудь и горько оплакивал того, кого он видел в таком жалком состоянии. Братия, увидев такую необычайную и внезапную перемену в старце, его скорбь и слезы, убеждали его сказать, отчего он плачет, думали, не плачет ли он, заметив в них какой-нибудь порок общий. Упрашивали его идти с ними к службе, но Павел, отвергнув их, молча сидел вне церкви и горько плакал о том, кого он видел в таком жалком состоянии. Спустя

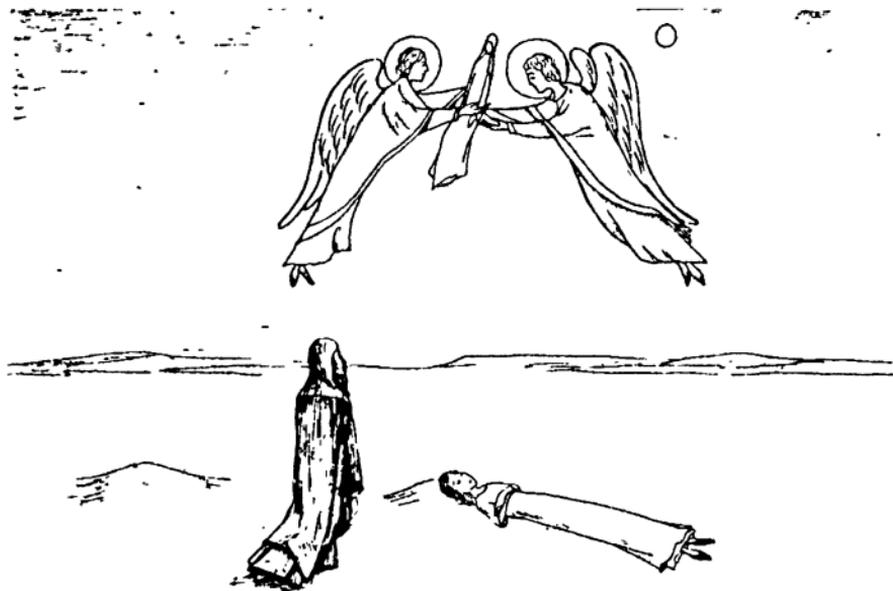
немного, когда кончилось служение и все выходили, Павел опять внимательно смотрел на каждого, желая узнать, в каком состоянии выходят из церкви. И вот видит, выходит из церкви брат, который прежде был мрачен и имел все тело черное; теперь лицо его светло, тело бело, демоны идут за ним издали, а святой Ангел идет рядом с ним и светло радуется о нем. Павел воспрянул от радости и, благословляя Бога, взывал: «О неизреченное Божие человеколюбие и благодать!». Он побежал, стал на высокой лестнице и громким голосом восклицал: «*Приидите и видите дела Божия* (Пс. 45, 9), как они страшны и сильны. *Приидите и видите Того, Иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. 2, 4). *Приидите, поклонимся и припадем Ему* (Пс. 94, 6) и скажем: “Ты один можешь отпустить грехи!”». Братия с поспешностью сбежались, желая слышать, что говорит Павел. И когда собрались все, Павел рассказал, что открыто было ему при входе в церковь и что после того. Он просил брата открыть причину, почему Бог внезапно благоволил сделать с ним такую перемену. Изобличенный Павлом, брат откровенно пред всеми исповедал дела свои. «Я,— говорил он,— человек

грешный, с давнего времени и доселе предавался блудодеянию. Войдя ныне в святую Божию церковь, услышал я слова святого пророка Исаии, или, лучше, слова Самого Бога, говорящего чрез Пророка: *Измойтесь, и чисти будите, отимите лукавства от душ ваших пред очима Моима... научитесь добро творити... и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю... и аще хотите и послушаете Мене, благая земли снесите* (Ис. 1, 16—19). Я блудник, — продолжал он, — пораженный до глубины души словами Пророка, сокрушаясь в сердце, сказал Богу: “О Боже! Пришедый в мир грешники спасти (1 Тим. 1, 15), исполни и на мне, грешном и недостойном, то, что Ты обещал ныне чрез Пророка Твоего. Вот отныне даю Тебе слово, что впредь не буду делать греха сего, отвергая всякое беззаконие, буду отныне служить Тебе с чистой совестью! Ныне, Владыко, от сего часа прими меня, кающегося Тебе и обещающего удаляться от всякого греха!”. С такими обетами, — говорил брат, — вышел я из церкви, положив в душе своей не делать более ничего худого пред Богом».

Об авве Иоанне рассказывали: у одной юной девицы умерли родители, и осталась она сиротой. Имя ей Паисия. Вздумала она в доме своем

сделать странноприимницу для отцов Скита. Она жила так немало времени, принимала отцов и служила им. Со временем истощилось ее имущество, и она начала нуждаться. Сблизились с ней развратные люди и совратили ее с доброго пути, и после того она стала жить так худо, что дошла до блудодействия. Отцы слышали об этом и очень опечалились. Призвали они авву Иоанна Колова и говорят ему: «Мы слышали о той сестре, что она живет худо. Когда могла, она оказывала нам любовь свою, а теперь мы окажем ей свою любовь и поможем ей. Потрудись сходить к ней и по мудрости, дарованной тебе от Бога, устрой ее состояние». Авва Иоанн пошел к ней и говорит старухе придвернице: «Скажи обо мне своей госпоже». Старуха отказывала ему, говоря: «Вы прежде объедали ее, а теперь она уже бедна». Авва Иоанн отвечал ей: «Скажи госпоже: я много могу помочь ей». Слути ее, насмехаясь над старцем, спрашивали его: «А что ты можешь дать ей, домогаясь так видеться с ней?». Старец отвечал: «Зачем вам знать, что я хочу дать ей?». Старуха пошла и сказала о старце госпоже своей. Девица сказала ей: «Сии монахи всегда ходят около Красного моря и находят жемчужины». Потом, нарядившись, сказала

придвернице: «Впусти ко мне старца». Когда старец вошел, девица, приняв его, села на ложе. Авва Иоанн, приблизясь, сел подле нее и, внимательно смотря ей в лицо, сказал: «Что худого нашла ты в Иисусе, что дошла до такого состояния?». Девица, услышав это, вся побледнела. Авва Иоанн, преклонив свою голову, начал сильно плакать. Девица говорит ему: «Что ты плачешь, авва?». Старец поднял голову, а потом опять наклонился и, рыдая, говорит ей: «Вижу, что сатана играет лицом твоим; как же мне не плакать?». Услышав это, девица говорит ему: «Есть ли, авва, для меня покаяние?». — «Есть», — отвечал он. — «Веди же меня, куда ты хочешь», — сказала девица. — «Пойдем», — отвечал старец. Она встала, чтобы следовать за ним. Авва Иоанн удивился, заметив, что девица не сделала никакого распоряжения и даже ни слова не сказала о своем доме. Когда пришли они в пустыню, наступил вечер. Авва сделал небольшое возглавие из песка для девицы и, перекрестив оное, говорит ей: «Усни здесь». В малом расстоянии от нее и для себя сделал такое же возглавие и, окончив молитвы свои, уснул. Проснувшись в полночь, он видит светлый путь, простиравшийся с неба до самой девицы, и видит

Ангелов Божиих, которые возносили душу ее. Встав, подошел к девице и толкнул ее. Когда узнал, что она умерла, повергся лицом на землю и молил Бога. И был ему глас, что один час покаяния ее принят лучше покаяния многих, долго кающихся, но не показывающих такой горячности в покаянии.

Сказывали, что келия аввы Арсения отстояла от общежития на тридцать две мили. Он редко выходил из нее, потому что другие прислуживали ему. Когда же Скит был опустошен, он вышел из келии и со слезами сказал: «Мир погубил Рим, а монахи погубили Скит».

Блаженной памяти Афанасий, архиепископ Александрийский, просил авву Памво из пустыни прийти в Александрию. Авва, придя в город, увидел там актрису и заплакал. Бывшие с ним спросили его, отчего он заплакал. Старец отвечал: «Две вещи тронули меня: во-первых, гибель этой женщины, а во-вторых, то, что я не имею столько ревности делать угодное Богу, сколько имеет эта женщина, чтобы угождать развратным людям».

Отцы сказывали однажды: когда братия ели на вечери любви, один брат рассмеялся за столом. Авва Иоанн, увидев его, заплакал и сказал: «Что это у брата на сердце, что он рассмеялся, когда ему надлежало бы лучше плакать, потому что ест милостыню».

Рассказывали об авве Памво, что никогда не было улыбки на лице его. В один день демоны, желая рассмешить его, привязали к дереву перо и несли его с большим шумом и восклицаниями. Видя их, авва Памво рассмеялся. Демоны начали торжествовать, крича: «Э! Э! Памво засмеялся!». «Не смеялся, — отвечал он им, — а осмеял ваше бессилие: столько вас и вы несете одно перо».

Авва Нистерой Великий говорил: «Христианину должен быть чужд смех».

Будь кротким

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Мф. 5, 5

Будь тих, молчалив, уступчив. ||

Авва Пимен говорил: «Если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил».

Один брат, живущий с другими братьями, спросил авву Виссариона: «Что мне делать?». Старец отвечал ему: «Молчи и не меряйся с другими».

Брат спросил авву Матоя: «Дай мне наставление». Авва Матой между другими наставлениями сказал ему: «Если кто будет говорить о каком-либо деле, не спорь с ним; ежели он говорит хорошо, скажи: “Так”; а ежели не хорошо, то скажи: “Сам знаешь, что говоришь”. Не спорь с ним о том, о чем он говорит».

Авва Пимен говорил об авве Нистерое: «Как медный змей, сделанный Моисеем, исцелял народ, так и сей старец: он полон был силы и молча врачевал всех».

Авва Пимен спросил авву Нистероя, как он приобрел такую силу, что какая бы напасть ни

случилась в монастыре, всегда молчал и не вмешивался в дела? Авва отвечал: «Прости мне, авва! В самом начале, когда пришел в эту киновию, сказал я самому себе: подражай ослу. Как осел терпит побои и не говорит, слышит брань и ничего не отвечает — так делай и ты, как говорит псалом: *скотен бых у Тебе. И аз выну с Тобою* (Пс. 72, 22—23)».

|| **Будь доволен своим жребием.** ||

Авва Пимен говорил: «Не воин Христов тот, кто жалуется на жребий свой».

Один брат спросил авву Пимена: «Как должно мне жить?» Старец между другими наставлениями сказал ему: «Надобно везде, где бы ни случилось быть тебе, подавлять в себе недовольство».

Брат пришел к авве Пимену и спрашивает его: «Что мне делать?» — «Пойди, — сказал ему старец, — сблизься с тем, который говорит: “Чего более желать мне?” — и найдешь покой».

Авва Ор говорил: «В каком бы искушении ни был ты, не жалуйся ни на кого, кроме себя, и говори: это случилось со мной по грехам моим».

|| **Будь послушлив.** ||

Пришли однажды к великому Памво из Скита четыре брата, одетые в кожу, и каждый из них

рассказывал ему о добродетели другого. Один постился много, другой был нестяжателен, третий стяжал великую любовь, о четвертом они говорили, что он уже двадцать два года прожил в повиновении старцу. Авва Памво отвечал им: «Скажу вам, что выше всех добродетель последнего: каждый из вас по своей воле приобрел ту добродетель, которую имеет, а сей, отвергнувшись своей воли, исполняет волю другого. Такие люди подобны исповедникам, если они до самого конца пребудут в послушании».

Рассказывали об авве Силуане: однажды, прогуливаясь в Скиту со старцами, захотел он показать им послушание ученика своего Марка (за что он любил его). Увидев небольшого вепря, старец сказал Марку: «Видишь ли ты, сын мой, этого малого буйвола?».— «Вижу, авва»,— отвечал он.— «Как хороши у него рога!».— «Так, авва!»— сказал Марк. Старцы подивились ответу его, и назидательно было для них послушание его.

Авва Сисой рассказывал: «Авва Ор и авва Афре жили в большом согласии до самой смерти. Авва Афре имел великое послушание, авва Ор великое смирение. Провел я у них несколько дней, наблюдая за ними, и увидел я весьма чудное дело, которое сделал авва Афре. Кто-то принес

им небольшую рыбу. Авве Афре хотелось приготовить ее для старца; он разрезал ножом рыбу, как вдруг позвал его к себе авва Ор. Афре оставил нож в рыбе и не стал дорезывать остального. Я подивился его великому послушанию, почему он не сказал: “Подожди немного, пока я разрежу рыбу”. Я спросил его: “Авва Афре! Откуда ты приобрел такое послушание?” — “Это не мое, — отвечал он, — а старцево”. Потом он взял меня и сказал: “Пойди, посмотри, каково его послушание”. Он сварил немного рыбы и, нарочно испортив варево, подал его старцу. Старец ел, не говоря ни слова. Авва Афре спросил его: “Хорошо ли, старец?” — “Весьма хорошо”, — отвечал авва Ор. Потом авва Афре принес ему рыбы, весьма хорошо приготовленной, и сказал ему: “Испортил я, старец!” — “Да, — отвечал он, — немного испортил”. Тогда сказал мне авва Афре: “Видишь ли, каково послушание старца!”. После сего я ушел от них и по силам моим старался исполнять, что видел у них».

Помни, что за кротость Господь обещает наследие, по выражению Псалмопевца, на земли живых (Пс. 26. 13), — там, где живут и не умирают, вечно радуются с Божественным Агнцем — Иисусом Христом.

Будь алчущим и жаждущим правды

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Мф. 5, 6

Всегда имей сильное желание и заботу отобразить в себе Христа — правду и освящение наше — живой верой в Него, то есть исполнением заповедей Его и в особенности достойным Причащением Тела и Крови Его и молитвой об оправдании чрез Него.

Помни, что имеющим такое желание и заботу Господь обещает в здешней жизни внутреннее успокоение, какое чувствует помилованный грешник, и приобретение сил к деланию добра, даруемых благодатно оправдывающей; в будущей же жизни — полное удовлетворение души. Насыщуся, внегда явитимися славе Твоей, — говорит Псалмопевец (Пс. 16, 15).

Авва Григорий говорил: «От всякого человека, получившего крещение, Бог требует правой веры».

Авва Елифаный говорил: «Если Мелхиседек, образ Христа, благословил Авраама, корень иудеев, тем более сама Истина — Христос — благословляет и освящает всех верующих в Него».

Авва Пимен говорил: «В Писании сказано: *Имже образом желает елень на источники*

водная, сие желает душа моя к Тебе, Боже (Пс. 41, 2)! Олени в пустынях едят много змей, и потому, когда яд змеиный начинает жечь их, они быстро бегут к воде — и, когда напьются, воспаление проходит. Так и монахов, живущих в пустыне, жжет яд злых демонов, и они с нетерпением ждут субботы и воскресенья, чтобы идти на источники водные, то есть приступить к Телу и Крови Господним, дабы очиститься от скверн лукавого».

Будь милостивым

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Мф. 5, 7

Делай дела милости телесной: напитай алчущего, напни жаждущего, одень имеющего недостаток в необходимой или приличной одежде, посети находящегося в темнице, посети больного, послужи ему, помоги выздоровлению или христианскому приготовлению к смерти; прими странника в дом и упокой его, погребви умершего в нищете.

Делай дела милости духовной: увещанием обрати грешника от заблуждения пути его (Иак. 5, 20), неведущего научи истине и добру, подай благовременный добрый совет ближнему, находящемуся в затруднении, сим же предостереги его в непримечаемой им опасности; молись Богу за ближнего, утешь печального, не воздавай за зло, от сердца прощай обиду. Помни, что милостивые помилованы будут Богом, не сотворшему же милости будет суд без милости (ср.: Иак. 2, 13).

Авва Пимен говорил: «Страх Господень, молитва и благотворение ближнему — вот три основания совершенства».

Брат просил авву Пимена: «Дай мне наставление». Старец сказал: «Сколько позволяют силы,

работай, чтобы от своего рукоделия подавать милостыню. Ибо написано: *милостыня и вера очищает грехи* (ср.: Притч. 15, 27)». Брат спросил: «Что такое вера?».— «Веровать — значит жить смиренномудренно и подавать милостыню»,— отвечал старец.

Авва Феодор Фермейский просил авву Памво: «Дай мне наставление». Старец ответил: «Феодор! Ступай и будь милосерд ко всем, ибо милосердие имеет дерзновение пред Богом».

Один мирянин весьма благочестивой жизни пришел к авве Пимену. У старца случились и другие братья, желавшие послушать беседы его. Старец сказал благочестивому мирянину: «Скажи братьям что-нибудь в наставление». Мирянин отказывался и говорил: «Прости мне, авва! Я сам пришел учиться». Но старец принудил, и он начал говорить: «Я человек мирской, продаю овощи: развязываю пуки зелени, делаю из них небольшие связки — покупаю дешево и продаю дорого. Не умею говорить от Писания, а скажу вам притчу: один человек сказал своему другу: “Я желаю видеть царя, пойдем со мной”. Друг отвечал ему: “Пройду с тобой половину дороги”. Сказал он и другому своему другу: “Пойди проводи меня к

царю”. Он отвечал: “Доведу тебя до царского дворца”. Он сказал и третьему другу: “Пойдем со мной к царю”. — “Пойдем, — отвечал третий друг, — я доведу тебя до дворца, введу в него, скажу о тебе царю и представлю тебя ему”». Братия спросили мирянина: «Что значит эта притча?». Он отвечал: «Первый друг есть подвижничество, которое доводит до истинного пути; второй — чистота, которая достигает до небес; третий друг — милостыня, которая с дерзновением приводит к Самому Царю Богу». Таким образом братия получили назидание и разошлись.

Авва Елифаній, епископ Кипрский, говорил: «Бог за эту самую малую цену продает оправдание тем, которые ищут купить оное, как то: за малый кусок хлеба, за убогую одежду, за чашу холодной воды, за один овол».

Сказывали об авве Пафнутии: он не любит пить вина. Однажды в дороге, встретившись с шайкой разбойников, увидел он, что разбойники пьют вино. Атаман разбойничий знал старца, знал также, что он не пьет вина. Но видя Пафнутия в великом утомлении, наполнил чашу вином и, взяв в руку меч, сказал старцу: «Если не выпьешь, убью тебя». Старец, поняв, что разбойник хочет исполнить

заповедь Божию, и желая обратить его на путь спасения, принял чашу и выпил. Тогда атаман раскаялся пред старцем и говорил: «Прости мне, авва! Оскорбил я тебя». Старец отвечал: «Уповаю, что Бог за эту чашу сотворит с тобой милость Свою и в сем веке и в будущем». — «И я надеюсь на Бога, — сказал атаман, — что с сего времени никому не сделаю зла». Таким образом, старец, отказавшись от своей воли для Господа, обратил всю шайку разбойников.

Авва Тимофей, пресвитер, говорил авве Пимену: «Есть одна женщина в Египте, которая живет блудно и доходы свои подает в милостыню». — «Она не останется блудницей, — сказал авва Пимен, — ибо в ней виден плод веры». Вскоре после сего пришла к пресвитеру Тимофею мать его. Он спросил ее: «Что еще та женщина продолжает блудодействовать?». — «Да, — отвечала ему мать, — у нее стало еще более любовников, но она все отдает на милостыню». Авва Тимофей сказал об этом авве Пимену. А авва Пимен опять отвечал ему: «Не останется она блудницей». Мать аввы Тимофея пришла в другой раз к нему и сказала: «Знаешь ли, блудница та хотела идти со мной просить тебя, чтобы ты помолился о

ней, но я не взяла ее». Авва Тимофей сказал об этом авве Пимену, а сей говорит: «Лучше сам пойд и навести ее». Авва Тимофей пошел и был у нее. Блудница, увидев авву Тимофея и услышав от него слово Божие, пришла в сокрушение и плакала. Потом сказала ему: «Отныне я прилеплюсь к Богу и не стану более блудодействовать». Вскоре после сего поступила она в монастырь и вела жизнь богоугодную.

Был один старец в Келлиях, по имени Аполлон. Если кто приходил звать его на какую-нибудь работу, он шел с радостью, говоря: «Со Христом я ныне буду работать ради души моей, ибо она получит награду».

Он же говорил о принятии братий: «Должно кланяться приходящим братиям; ибо не им кланяемся, а Богу. Видя брата твоего, видишь Господа Бога твоего, и это, — говорит он, — приняли мы от Авраама (см.: Быт. 18, 2). Приняв братий, убеждайте их к успокоению, сему научились мы у Лота, который *принуди* Ангелов (см.: Быт. 19, 3)».

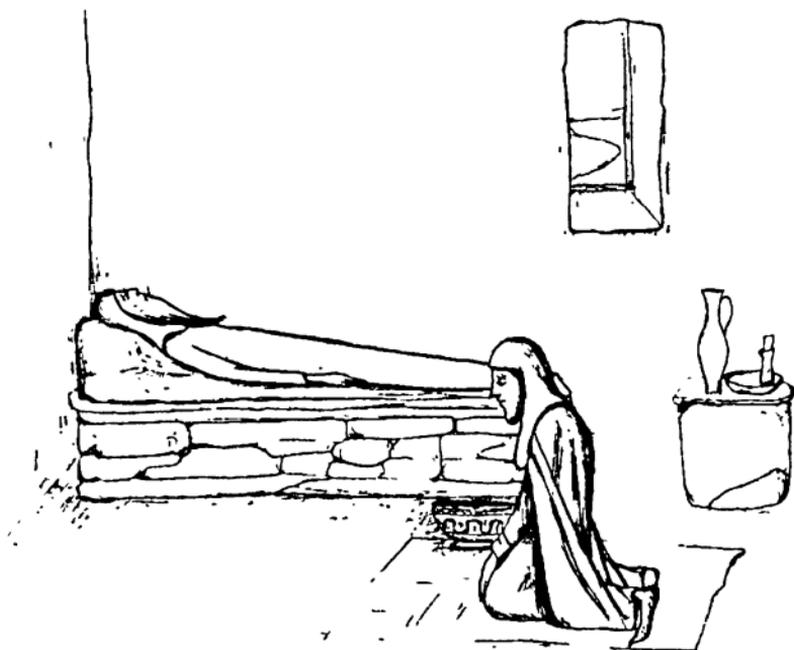
Авва Кроний говорил: «Рассказывал нам Иосиф Пелусийский: “Когда жил я на Синае, один брат ходил в церковь на службу, прикрываясь только малым мафорием (монашеский узкий капюшон,

покрывающий шею и плечи) и то таким ветхим, что был весь в заплатах. Однажды, увидев, что он идет в таком виде к богослужению, я говорю ему: “Брат, не видишь ли, что прочие братья стоят в церкви во время службы, как Ангелы? Почему же ты всегда приходишь сюда в такой одежде?”. Брат отвечал: “Прости меня, авва! У меня нет другой одежды”. Я взял его в свою келию и дал ему левитон и все, в чем он нуждался”».

Авва Петр рассказывал о святом Макарии: «Пришел он некогда к одному отшельнику и, найдя его больным, спросил: не хочет ли он съесть чего-либо? — хотя в келии у больного ничего не было. Больной отвечал: “Хочу пастилы” (душистая лепешка). Мужественный старец не поленился сходить в Александрию, чтобы доставить больному желаемое».

Сказывали об авве Иоанне Фивейском, младшем ученике аввы Аммона, что он двенадцать лет служил больному старцу, до самой смерти, сидя с ним на рогоже.

Об авве Агафоне рассказывали: придя однажды в город для продажи вещей своих, нашел он лежащего на улице больного странника, о котором никто не заботился. Старец нанял для него небольшой

покой, остался при нем, платил за покой из денег, получаемых за рукоделье, а что за тем оставалось, употреблял на другие нужды больного. Старец пробыл с больным три месяца, пока сей выздоровел, и после возвратился с миром в свою келию.

Он сам говорил: «Если бы я нашел прокаженного и мог отдать ему свое тело, а его тело взять себе, охотно бы сделал это, ибо такова совершенная любовь».

Некоторые старцы спрашивали авву Пимена: «Если мы увидим братий, дремлющих во время службы, позволишь ли толкать их, чтобы они проснулись и бдели?». Старец отвечал им: «Если я увижу брата дремлющего, то положу голову его на колена мои и успокою его».

Авва Феодор Еннатский рассказывал о себе: «Когда в юности моей жил я в пустыне, однажды пошел в хлебню приготовить себе два пшеничных хлеба и застал там брата, который хотел испечь хлеба, но не имел никого, кто бы ему помог. Я оставил свое дело и пособил ему. Но только кончил с ним, пришел другой брат, и сему я помог и испек хлеба. После того пришел третий, и я то же сделал. Таким образом делал я для каждого из приходящих и приготовил шесть хлебов. Наконец, когда уже никого не было из приходящих, испек я и свои два хлеба».

Авва Дула, ученик аввы Виссариона, рассказывал: «Когда мы вошли в пещеру, узнали, что старец, в ней пребывавший, умер. Авва Виссарион говорит мне: “Пойдем, брат, приготовим тело его к погребению, ибо для этого нас призвал сюда Бог”. Когда мы готовили его к погребению, нашли, что это была женщина, спасавшаяся под образом мужским».

Авва Иоанн говорил: «Сидеть в келии и всегда памятовать о Боге — то же, что быть в темнице. Вот что может означать изречение: *в темнице бех, и приидосте ко Мне* (Мф. 25, 36)».

Авва Агафон говорил: «Я никогда не давал вечери любви, но подавать и принимать советы было для меня вечерею любви. Ибо думаю, что польза брата твоего заменяет приношение плодов».

Некто рассказывал, что один брат, впавший в грех, пришел к авве Лоту и не мог сидеть, а в смущении входил и опять выходил из келии. Тогда авва Лот спрашивает его: «Что ты имеешь, брат?». Брат отвечал ему: «Я сделал большой грех и не могу открыть его отцам». Старец сказал ему: «Исповедуй грех свой мне, и я возьму его на себя». Тогда брат сказал старцу: «Я пал в блуд и неистово стремился достигь его». — «Не унывай, — сказал ему старец, — еще есть время на покаяние. Пойди, пребывай в пещере и постись по два дня, а я принимаю на себя половину греха твоего». По прошествии трех недель, старцу было открыто, что Бог принял покаяние брата, и брат пребыл в послушании у старца до самой смерти своей.

Однажды авва Даниил рассказывал об одном великом старце, жившем в нижних странах Египта.

Он по простоте своей говорил, что Мелхиседек есть Сын Божий. Известили о нем блаженного Кирилла, архиепископа Александрийского. Сей послал за ним. Зная, что старец творит чудеса, и Бог открывает ему, если он о чем просит Его, и что по простоте он говорит слово сие, Кирилл употребил такую мудрую меру: «Авва, — сказал ему Кирилл, — у меня есть к тебе просьба: иногда помысл мне говорит, что Мелхиседек был Сын Божий, а иногда помысл говорит другое — что он был не Сын Божий, а человек, первосвященник Божий. Колеблясь между сими мыслями, я послал за тобой, чтобы ты помолился Богу, да откроет Он тебе сие». Старец, ободряемый своими добродетелями, сказал с дерзновением: «Дай мне три дня; я вопрошу о сем Бога и скажу тебе: кто таков Мелхиседек». Возвратясь, он молился Богу о сем. Спустя три дня пришел к блаженному Кириллу и говорит ему: «Мелхиседек был человек». Архиепископ спросил его: «Как ты узнал это, авва?». Старец отвечал: «Бог показал мне всех патриархов, так, что каждый по одному проходил предо мной, начиная от Адама до Мелхиседека, и Ангел сказал мне: “Вот Мелхиседек!”. Будь уверен — так было». Старец, возвратясь от Кирилла, начал сам

проповедовать, что Мелхиседек был человек. Блаженный Кирилл весьма этому обрадовался.

Авва Даниил Фаранский рассказывал: «Отец наш авва Арсений говорил об одном, жившем в Скиту, что он был великий подвижник, но прост в вере и от простоты погрешал. Он говорил: “Хлеб, который мы принимаем, не есть существенно Тело Христово, а только вместообразное”. Два старца услышали, что он так говорит, и, зная его великим по жизни, уразумели, что говорит сие не по злобе, а от простоты. Они пришли к нему и говорят: “Авва! Мы слышали об одном старце, что он учит противно вере, ибо говорит, что хлеб, который мы принимаем, не есть существенно Тело Христово, а один только образ”. Старец отвечал: “Это я говорил”. Тогда они начали его увещевать, говоря: “Не так принимай, авва! Но как передала нам Вселенская Церковь. Ибо мы веруем, что самый хлеб есть Тело Христово и чаша есть самая Кровь Христова, истинно, а не вместообразно. Как вначале Бог, взявши персть от земли, создал из нее человека по образу Своему, и хотя сей образ Божий для нас непостижим, никто однако же не может сказать, что нет его в человеке: так точно мы веруем, что и хлеб, о коем сказал Иисус Христос: *сие есть Тело*

Мое (Мф. 26, 26), — истинно есть Тело Христо-
во”. Старец отвечал: “Если не уверюсь самым
делом, не могу вполне убедиться”. Они сказали
ему: “Помолимся Богу сию неделю о Таинстве сем
и надеемся, что Бог откроет нам”. Старец принял
слово сие с радостью и молился Богу так: “Госпо-
ди! Ты знаешь, что я не верю не по злобе, но чтобы
не заблуждаться по неведению, открой мне, Госпо-
ди Иисусе Христе!”. Старцы, возвратясь в свои
келии, и сами молились Богу таким образом: “Гос-
поди Иисусе Христе! Открой старцу Таинство сие,
да уверует он и не погубит труда своего!”. Бог
услышал их. По прошествии недели они пришли в
воскресенье в церковь и отдельно от других стали
трое вместе, а старец посреди них; и им отверзлись
очи. Когда хлеб положен был на святой престол,
он представился троим братьям в виде Младенца.
Когда же священник простер руку для преломле-
ния хлеба, Ангел Господень сошел с неба с ножом,
заклал Младенца и Кровь Его вылил в чашу.
Когда же священник раздроблял хлеб на малые
части — тогда и Ангел отсекал от Младенца ма-
лые части. Когда они приступили к принятию
Таинства, старцу одному подана была Плоть с
Кровью. Увидев сие, он ужаснулся, и воскликнул:

“Верую, Господи, что хлеб сей есть Тело Твое и чаша сия есть Кровь Твоя”. И тотчас плоть в руке его стала хлебом, как бывает в Таинстве, и он приобщился, благодаря Бога. После сего старцы говорят ему: “Бог знает, что человек по природе своей не может есть сырой плоти, а потому и преподает Тело Свое под видом хлеба и Кровь Свою под видом вина принимающим с верой”. Возблагодарили Бога, что Он не попустил старцу погубить своих трудов, и все трое с радостью возвратились в келии».

В Скиту был один старец — труженик по телесным подвигам, но неискусный в помыслах. Потому пришел он к авве Иоанну Колову спросить его о забывчивости. Выслушав его наставления, возвратился в свою келию и забыл, что говорил ему авва Иоанн. Опять пошел спросить его и, услышав то же самое, пошел назад, но, дойдя до своей келии, опять забыл. Таким образом много раз приходил к авве Иоанну, и на возвратном пути овладевала им забывчивость. После, встретившись с ним, он сказал: «Знаешь ли, авва? Я опять забыл, что ты говорил мне, но чтобы не беспокоить тебя, я уже не приходил к тебе». Тогда авва Иоанн говорит ему: «Пойди зажги свечу».

Он зажег. Авва сказал ему: «Еще принеси другие свечи и зажги этой». Он сделал так. Тогда авва Иоанн спросил старца: «Ведь не перестала эта свеча гореть от того, что ты зажег ею другие свечи?».— «Нет»,— отвечал старец. «Так не угаснет и Иоанн,— сказал он,— хотя бы весь Скит ходил ко мне, не отдалил бы он меня от благодати Христовой. Потому приходи ко мне, когда хочешь, нимало не сомневаясь». Таковы были дела живших в Скиту. Они ободряли искушаемых и делали себе принуждение, чтобы взаимно одним других совершенствовать в добре.

Шел некогда авва Серапион через одну египетскую деревню и, увидев блудницу, которая стояла у своей горницы, сказал ей: «Ожидай меня вечером; приду к тебе и ночью с тобой».— «Хорошо, авва!»— отвечала блудница. И вот она приготовилась и постелила ложе. Вечером старец пошел к ней и, войдя в ее горницу, спросил: «Приготовили ли ложе?».— «Приготовила, авва»,— отвечала блудница. Старец запер дверь и сказал ей: «Поджди немного, я только исполню наше обычное правило». И старец начал свое молитвословие. Читал он Псалтирь, после каждого псалма молился Богу о ней, прося Бога, да дарует ей покаяние и

спасение, — и Бог услышал его. Блудница стояла в трепете и молилась подле старца. Когда старец окончил всю Псалтирь, она пала на землю. Старец взял Апостол, много прочитал из него и окончил свое молитвословие. Блудница пришла в сокрушение и, узнав, что старец пришел к ней не для греха, но чтобы спасти душу ее, поверглась пред ним ниц и просила: «Сделай милость, авва! Отведи меня туда, где могу я угодить Богу». Старец повел ее в женский монастырь и поручил матери настоятельнице, сказав ей: «Прими сию сестру и не налагай на нее бремени или заповеди, как на других сестер, но давай ей, чего она захочет, и если захочет уйти, позволь ей». По прошествии немногих дней женщина сказала: «Я грешница, желаю вкушать пищу через два дня». Еще несколько дней спустя она сказала: «Много грехов у меня, и я желаю поститься по сорок дней». Наконец еще через несколько дней она упрашивала настоятельницу так: «Сильно оскорбила я Бога моими беззакониями; сделай же милость — отведи меня в келию, запрети ее и подавай мне в окно немного хлеба и рукоделие». Мать настоятельница исполнила ее просьбу, и бывшая блудницей в остальное время своей жизни благоугождала Богу.

До прихода аввы Пимена с учениками в Египет жил там один старец, который имел большую известность и был уважаем. Но люди оставили его и стали ходить к авве Пимену, когда тот с братией пришел из Скита. Это огорчило Пимена. Он сказал братьям: «Что нам делать с тем великим старцем? Прискорбно нам, что все оставили старца и обратились к нам, людям ничтожным. Как бы нам утешить старца? Приготовьте несколько снедей,— сказал Пимен,— и возьмите мерку вина, пойдем к старцу и разделим вместе с ним трапезу. Может быть, через это утешим его». И так взяли пищу и отправились. Когда постучались в дверь к старцу, ученик его, услышав, спросил: «Кто вы?». Они отвечали: «Скажи авве, что Пимен желает принять благословение от него». Когда ученик сказал об этом старцу, тот отвечал: «Пойди, мне недосуг». Авва же Пимен и братия стояли на жару и говорили: «Не пойдем отсюда, пока не удостоимся видеть старца». Старец, видя их смирение и терпение, умилился и отворил им свою келию. Они вошли и обедали вместе с ним. Во время обеда старец сказал им: «Истинно говорю вам: много я слышал о вас, но на деле вижу в вас во сто раз более». С того дня он сделался другом их.

Пришли однажды к авве Ахиле три старца, из коих об одном шла худая молва. Один из старцев сказал авве Ахиле: «Авва, сделай мне невод!». Ахила отвечал: «Не сделаю». Другой старец сказал: «Окажи эту милость, чтобы в монастыре нам иметь что-нибудь на память о тебе». Авва отвечал: «Мне недосуг». Наконец сказал и тот самый, о котором была худая молва: «Сделай, авва, мне невод, чтобы мне иметь что-нибудь из рук твоих!». Ахила тотчас отвечал ему: «Для тебя сделаю». После два старца спросили наедине авву Ахилу: «Почему, когда мы просили тебя, ты не захотел для нас сделать, а ему сказал: “Для тебя сделаю”?»». Авва Ахила отвечал им: «Я сказал вам: “Не сделаю”, — и вы не оскорбились сим, веря, что мне недосуг, а если ему я не сделаю, то он скажет: “Старец, услышав о моих грехах, не захотел сделать для меня”. Я тотчас стал отрезывать веревку и через то ободрил душу его, чтоб он не был поглощен печалью».

Дабы в надежде на благотворительность не вознерадеть о других заповедях любви христианской, внимай Апостолу: И аще раздам вся имения моя... любве же не имаю, ни кая польза ми есть (1 Кор. 13, 3).

Дабы из страха человекоугодия не остаться без творения милости, помни, что лучше творить ее по побуждению и не совсем чистому, чем не давать брату нужного.

Пришли однажды к авве Памво два брата. Один из них сказал ему: «Авва, я пощусь по два дня и ем только по два куска хлеба: спасу ли через это душу мою или я в заблуждении?».— «А я, авва,— сказал другой брат,— от рукоделия своего зарабатываю по два стручка каждый день, немного оставляю в пищу себе, а прочее отдаю в милостыню: спасусь ли или погибну?».— Авва не дал ответа им, хотя они долго просили его. По прошествии четырех дней они хотели возвратиться в свое место, но клирики утешали их: «Не печальтесь, братия,— говорили они,— Бог не оставит вас без награды; у старца такой обычай: он ничего не говорит, если не внушит ему Сам Бог». Братия вошли к старцу и сказали ему: «Помолись о нас, авва!».— «Вы хотите идти от нас?» — спросил старец.— «Да»,— отвечали они. Размышляя о их подвигах, авва Памво писал на земле и говорил: «Памво постится по два дня и ест два куска хлеба: хорош ли он из-за этого? Нет! Памво вырабатывает два стручка и дает их в милосты-

ню: хорош ли он из-за этого? Нет еще!». Потом он сказал им: «И сии дела хороши, но если при этом и совесть твоя будет безукоризненна перед ближним твоим, тогда спасешься». Братия, довольные таким наставлением, пошли с радостью.

Брат сказал авве Пимену: «Когда я подаю брату моему немного хлеба или другого чего, то демоны укоряют мою милостыню, будто она подается из человекоугодия». Старец отвечал ему: «Хотя бы твоя милостыня подавалась из человекоугодия, но мы все же должны брату давать нужное». И рассказал ему следующую притчу: «Два земледельца жили в одном месте. Один из них посеял и собрал немного хлеба, хотя нечистого, а другой, поленившись сеять, не собрал ничего. В случае голода кто из них будет иметь пропитание?». Брат отвечал: «Тот, кто собрал немного хлеба, хотя и нечистого». Старец сказал: «Так будем же и мы сеять немного, хотя даже и нечистого, дабы не умереть от голода».

Мать Сарра также говорила: «Хорошо подавать милостыню и для людей: ибо хотя подается она и по человекоугодию, но после может послужить к умиловлению Бога».

Будь чист сердцем

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Мф. 5, 8

Не обольщай себя пагубной мыслью о своей безгрешности, но борись с живущей в тебе греховной порчей и противостой ей до самой смерти.

Рассказывали об одном старце, что он прожил пятьдесят лет и во все это время едва ли ел хлеб и пил вино. Говорил он: «Я умертвил в себе блуд, сребролюбие и тщеславие». И пришел к нему авва Авраам, услышав слова сии, и говорит ему: «Ты говорил это?». — «Да», — отвечал старец. Авва Авраам отвечал ему: «Вот тыходишь в келию и находишь на рогоже своей женщину — можешь ли не думать, что у тебя женщина?». — «Нет, — отвечал старец, — но я борюсь с помыслом, чтобы не прикасаться к ней». Тогда сказал авва Авраам: «Итак, ты не умертвил страсть, но она живет, хотя и обуздана. Далее, когда ты идешь и видишь камни и черепки и посреди них золото — может ли ум твой мыслить о золоте, как о камнях и черепках?». — «Нет, — отвечал старец, — но я борюсь

с помыслом, чтобы не взять золота». Старец Авраам опять говорит: «Итак, страсть жива, только обуздана». Наконец сказал авва Авраам: «Вот ты слышишь о двух братьях, что один любит тебя, а другой ненавидит тебя и злословит; если они придут к тебе, равно ли ты примешь их обоих?».— «Нет,— отвечал старец,— но я борюсь с помыслом, чтобы благотворить ненавидящему меня так же, как и любящему». И говорит ему авва Авраам: «Итак, страсти живут и в святых, только они ими обуздываются».

Один брат пришел к авве Пимену и говорит ему: «Авва, у меня много помыслов, и я в опасности от них». Старец выводит его на воздух и говорит ему: «Раскрой свою пазуху и не впускай ветра!».— «Не могу этого сделать»,— отвечал брат.— «Если сего не можешь сделать,— сказал старец,— то не можешь остановить и прилива помыслов; но твое дело противостоять им».

Постоянно держи стражу над сердцем своим, чтобы оно не склонялось любовью ко греху; воспитывай в душе своей одно лишь святое и поражай до возможного истощения все греховное в себе.

Авва Нистерой говорил: «Чего желает по Богу душа твоя, то и делай, и блюди свое сердце».

Авва Руф говорил: «Неизвестно, в кий час тать придет (Лк. 12, 39), бди над своей душой».

Авва Орсисий говорил: «Я думаю, что если человек не будет тщательно блюсти своего сердца, то все, что он ни услышит, забывается у него и остается в небрежении, а таким образом враг, найдя в нем место себе, испровергает его. Когда приготовят и зажгут лампаду, то если не станут подливать в нее масла, мало-помалу свет ее слабеет и наконец совсем погасает. Кроме сего, случается иногда, что мышь ходит около нее и ищет съест свечильню, но доколе не погаснет масло, не может сего сделать; если же увидит, что лампада не только погасла, но уже и охладела, тогда, желая унести свечильню, сваливает и лампаду. Если лампада глиняная, она разбивается; если же медная, то хозяин ставит ее по-прежнему. То же бывает и с нерадивой душой: мало-помалу удаляется от нее Святой Дух, доколе совсем не потеряет она горячность свою; а потом враг истребляет расположение души к добру и самое тело оскверняет злом. Впрочем, если человек не совсем оскудел в любви к Богу и дошел до нерадения только по слабости, то милосердый Бог, посылая в душу его страх Свой и памятование о муках, побуждает его

бодрствовать над собой и блюсти себя с большей осторожностью впредь до посещения Своего».

Брат просил авву Пимена: «Дай мне наставление». Старец говорит ему: «Когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое насекомое не может прикоснуться к нему; когда же простывает, тогда они садятся на него. То же бывает и с человеком: доколе он пребывает в духовном делании, враг не может поразить его».

У аввы Арсения один брат просил наставления. Старец сказал ему: «Всеми силами своими подвизайся так, чтобы внутреннее твое делание было богоугодно, и победишь внешние искушения».

Брат сказал авве Пимену: «Тело мое уже ослабело, но страсти не ослабевают». Старец отвечал ему: «Страсти суть терновые иглы».

Брат спросил авву Сисоя: «Что мне делать со страстями?». Старец сказал: «Каждый искушается от своей похоти».

Авраам, брат аввы Агафона, спросил авву Пимена: «Отчего демоны нападают на меня?». — «На тебя нападают демоны?» — сказал ему авва Пимен. — Демоны не нападают на нас, если мы исполняем свои хотения: наши хотения делаются для нас демонами, они-то и мучают нас, чтоб мы

исполняли их. Если же хочешь знать, с кем воевали демоны, так это с Моисеем и подобными ему».

Брат спросил авву Сисоя: «Почему страсти не оставляют меня?».— «Потому, что сосуды их внутри тебя,— отвечал старец,— отдай им задаток, и они удалятся».

Авва Матой говорил: «Сатана не знает, какой страстью будет побеждена душа; он сеет, но не знает, пожнет ли. Сеет он помыслы блуда, помыслы злословия и также другие страсти. К какой страсти склонной покажет себя душа, ту и внушает он ей».

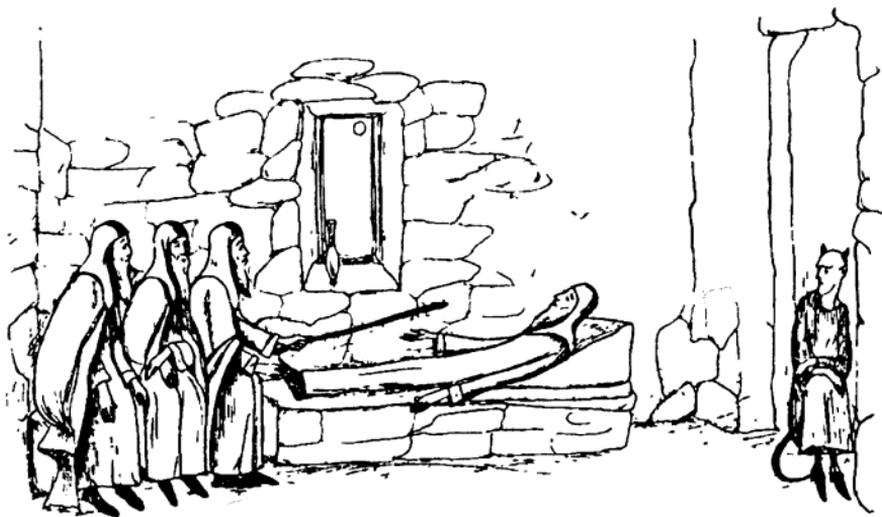
Авва Иосиф спросил авву Сисоя: «Во сколько времени человек должен отсекал свои страсти?».— «Ты хочешь знать о времени?» — спросил его старец. «Да»,— отвечал авва Иосиф. «Как скоро придет страсть,— сказал старец,— тотчас отсекай ее».

Авва Пимен спросил авву Иосифа: «Что мне делать, когда приступают ко мне страсти: противиться ли им или дозволить им войти и потом бороться с ними?».— Старец отвечал: «Дозволь им войти и потом борись с ними». С сим ответом авва Пимен возвратился в Скит и жил там. Кто-то из фивян пришел в Скит и рассказал братьям:

«Спрашивал я авву Иосифа: “Ежели приступит ко мне страсть, противиться ли ей или позволить ей войти?”». И он отвечал мне: “Никак не позволяй входить страстям, но тотчас отсекай их”». Авва Пимен, услышав, что так отвечал фивянину авва Иосиф, встал и пошел к нему в Панефос и говорит ему: «Авва! Я поверил тебе свои помыслы, и ты сказал мне одно, а фивянину другое». Старец сказал ему: «Неужели ты не знаешь, что я люблю тебя?».— «Знаю»,— сказал Пимен. «Не ты ли говорил мне: “Скажи мне то же, что сказал бы себе”?».— «Так точно»,— отвечал Пимен. Тогда старец говорит ему: «Когда войдут в тебя страсти и ты дашь им место, а потом будешь бороться с ними, то чрез это делаешься искуснее. Я говорил это тебе, как себе. Но есть люди, для которых полезно, чтобы и не приступали к ним страсти — таким нужно тотчас отсекаать их».

Брат спросил авву Пимена: «Может ли человек удерживать все свои помыслы и ни в одном из них не уступать врагу?».— Старец отвечал: «Есть человек, который десять удерживает, а в одном уступает».

Тот же брат спросил о том же авву Сисоя. Старец отвечал ему: «Действительно есть человек, который ни в чем не уступает врагу».

Авва Пимен говорил: «Скажу вам, куда ни бросается сатана, я всюду настигаю его».

Авва Феодор Скитский говорил: «Приходит помысл, смущает меня, занимает меня, но не может побудить к делу, а только затрудняет меня в добродетели. Муж бодрствующий, отрясши помысл, восстает на молитву».

Авва Иперехий говорил: «Как лев страшен для диких ослов, так опытный подвижник для нечистых помыслов».

Рассказывали, что когда авва Иосиф Панефосский был при смерти и у него сидели старцы, то, глядя на дверь, он увидел диавола, сидевшего у

двери. Подозвав ученика своего, авва сказал: «Поддай мне палку: он думает, что я состарился и не могу одолеть его». Как только авва взял палку, старцы увидели, что диавол, как собака, прокрался через дверь и исчез.

Однажды собрались братья к авве Иосифу. Они сидели и спрашивали его. Старец был рад и с любовью сказал: «Сегодня я царь, ибо воцарился над страстями».

Однажды спросили авву Силуана: «Какую ты, отец, проводил жизнь, что достиг такого благоразумия?». Авва отвечал: «Никогда не впускал я в сердце свое помыслов, прогневающих Бога».

Авва Анувий спросил авву Пимена о нечистых помыслах, рождающихся в сердце человеческом и о суетных пожеланиях; авва Пимен отвечал ему: «*Еда прославится секира без секущего ею* (Ис. 10, 15). Не подавай руки им, и они ничего не сделают».

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать с суетными пожеланиями, которые овладели мною?». Старец отвечал: «Иной засыпает уже смертным сном и все еще думает о сладостях мира сего. Не приближайся к ним и не касайся их, и они сами собой удалятся от тебя».

Авва Исаия спросил авву Пимена о нечистых помыслах. Авва Пимен сказал ему: «Если сундук с платьем будет оставлен без попеченья, то платье со временем истлеет; так и помыслы, если не будем исполнять их на самом деле, со временем исчезнут или как бы истлеют».

Авва Иосиф спросил авву Пимена о том же. Старец отвечал: «Если кто положит в кувшин змия и скорпиона и закроет его, то гады со временем издохнут, так и худые помыслы, происходя от демонов, исчезают от терпения».

Брат спросил авву Пимена: «Почему не могу откровенно говорить со старцами о своих помыслах?». Старец отвечал: «Иоанн Колов говорит: “Ни о ком так не радуется враг, как о тех, которые не открывают своих помыслов”».

Рассказывали об одном брате: он искушаем был худыми помыслами, но стыдился говорить об этом. Где бы ни услышал о великих старцах, он ходил к ним с намерением открыть их, но когда приходил, стыдился исповедать пред ними свои помыслы. Часто ходил он и к авве Пимену. Старец видел, что брат мучается помыслами, и скорбел о том, что он не открывает их. В один день отозвал его старец и сказал: «Вот столько уже

времени ты ходишь сюда, желая открыть мне свои помыслы, но когда приходишь, не хочешь сказать о них и уходишь опять с ними, мучимый по-прежнему. Скажи мне, сын мой: что у тебя на сердце?». Брат отвечал старцу: «Дьявол искушает меня богохульными помыслами, и я стыдился говорить об этом». Потом рассказал старцу свои богохульные помыслы и тотчас почувствовал облегчение. Старец сказал ему: «Не скорби, сын мой! Но когда придет к тебе такой помысл, говори: я не виноват; хула твоя, сатана, да падет на тебя. Душа моя не хочет сего. А все, чего душа не хочет, скоро проходит». Таким образом брат пошел от старца, утратив душу свою.

Авва Макарий жил в глубокой пустыне; он один жил в ней отшельником; а несколько ниже была другая пустыня, в которой жили много братьев. Однажды старец смотрел на дорогу к ней и увидел — идет сатана в образе человеческом и проходит мимо него. Явился он в длинной льняной одежде, которая была вся в дырах, и в дырах висели сосуды. Великий старец спросил его: «Куда идешь?». Сатана отвечал: «Иду навестить братию». «Для чего же у тебя сии сосуды?» — спросил опять старец. Он отвечал: «Несу пищу

для братьев». Старец спросил: «И все это с пищей?».— «Да»,— отвечал сатана,— если кому одно не понравится, дам другое; если не это, дам еще иное. Хоть что-нибудь одно из сих, конечно, понравится». Сказав это, он пошел. Старец же продолжал смотреть на дорогу, доколе он не пошел назад, и как только старец увидел его, говорит ему: «Здравствуй!».— «Как мне здравствовать?» — отвечал сатана.— «Почему же?» — спросил ста-

рец. «Потому,— сказал сатана,— что все обошлись со мной сурово, и никто не принимает меня». Старец спросил его: «Итак, нет у тебя там ни одного друга?».— «Да,— отвечал сатана,— один только монах у меня там приятель — он слушается меня и, когда увидит меня, кружится, как ветер». Старец спросил его: «Как называется этот брат?».— «Феопемпт»,— отвечал сатана и, сказав это, ушел. Авва Макарий встал и пошел в пустыню, несколько ниже лежащую. Братия, узнав об этом, взяли пальмовые ветви и вышли навстречу ему (у древних было обыкновение встречать пришельцев с пальмовыми или другими какими-либо ветвями). Между тем каждый из них готовился, думая, что старец остановится у него. Но он спросил: «Кто на горе называется Феопемптом?». И когда нашел келию его, вошел к нему. Феопемпт принял его с радостью. Оставшись с ним наедине, старец спрашивает его: «Каково живешь, брат?».— «Молитвами твоими — хорошо»,— отвечал брат. Старец спросил: «Не искушают ли тебя помыслы?».— «Пока еще нет»,— отвечал брат: он стыдился признаться. Тогда старец сказал: «Вот сколько уже лет я подвигаюсь, и все уважают меня, а и меня, старика, еще беспокоит дух блуда». Феопемпт отвечал: «Поверь, авва, и

меня также беспокоит». Старец говорил то же и о других помыслах, будто искушают его, и брата приводил в сознание. Потом спрашивает его: «Как ты постишься?». Брат отвечал: «До девятого часа». — «Постись до вечера, — сказал старец, — и подвизайся, перечитывай Евангелие и другие писания. Если же придет к тебе помысл, не смотри вниз, но всегда устремляй взор свой горé — и Господь тотчас поможет тебе». Сделав наставление брату, старец пошел в свою пустыню. Наблюдая по-прежнему за дорогой, старец опять видит того же демона и спрашивает его: «Куда опять идешь?». — «Навестить братию», — отвечал демон и ушел. Когда же сатана возвращался, святой спросил его: «В каком состоянии братия?». — «В худом», — отвечал он. Старец спросил: «Почему так?». — «Все они суровы, — сказал демон, — и что всего хуже, и тот приятель мой, который слушался меня, не знаю почему, развратился и не только не слушается меня, но сделался всех суровей. Я поклялся не ходить более туда, разве по времени». Сказав это, демон оставил старца и ушел, а святой пошел в свою келию.

Авва Моисей однажды был искушаем от блудного помысла. Не имея сил сидеть в келии, он пошел и рассказал об искушении своем авве

Исидору. Старец убеждал его возвратиться в свою келию, но он не соглашался и говорил: «Не могу». Авва Исидор взял его с собой, возвел на крышу и говорит ему: «Смотри на запад». Моисей взглянул и увидел там бесчисленное множество демонов. Они были в смятении и с шумом стремились на брань. Авва Исидор опять говорит ему: «Посмотри и на восток». Авва Моисей взглянул и увидел бесчисленное множество святых Ангелов, облеченных славой. Затем сказал ему авва Исидор: «Вот те, которых посылает Господь на помощь святым; а те, которые на западе, воздвигают брань против нас. Но помощников наших гораздо более». Тогда авва Моисей, возблагодарив Бога, ободрился и возвратился в свою келию.

Один брат, живя в Келлиях, был возмущаем в уединении. Пошел он к авве Феодору Фермейскому и рассказал ему о своем искушении. Старец сказал ему: «Иди усмиряй свой помысл — неси послушание и живи с другими». Брат опять пришел к старцу и сказал: «Не нахожу покоя и среди людей». Старец отвечал ему: «Если ты ни один, ни с другими не находишь покоя, то зачем пошел ты в монашество? Не для того ли, чтобы переносить скорби? Скажи мне, сколько лет ты монах?». —

«Восемь», — отвечал брат. Старец сказал ему: «Я семьдесят лет монах и ни в один день не находил покоя, а ты через восемь лет хочешь иметь покой». Услышав это, брат ободрился и пошел.

Авва Пимен, еще будучи юношей, пошел некогда к одному старцу спросить его о трех помыслах. Когда же пришел к старцу, забыл один помысл. Он возвратился в свою келию. Но только что взялся за ключ, чтобы отпереть келию, как вспомнил то, о чем забыл сказать старцу. Оставив ключ в двери, он опять возвратился к старцу. Старец сказал ему: «Брат, ты скоро пришел сюда». Пимен отвечал ему: «Я взялся уже за ключ, как вспомнил о забытом помысле и, не отворяя келии, возвратился сюда». (Расстояние между келиями было очень большое.) Старец сказал ему: «Ты Ангельский пастырь. Имя твое прославится по всей земле Египетской».

Брат спрашивает авву Моисея: «Что делать человеку, когда нападает на него искушение или вражеский помысл?». Старец отвечал ему: «Тогда человек должен умолять со слезами благодать Божию о помощи, и он скоро успокоится, если будет просить разумно. Ибо Писание говорит: *Господь мне помощник, и не убоюсь: что сотворит мне человек* (Пс. 117, 6)?».

Один брат спрашивал авву Пимена о борьбе с восстающими помыслами. Старец отвечал ему: «Это дело подобно тому, как если бы у человека в левой руке был огонь, а в правой — чаша с водой: если запылает огонь, то он берет из чаши воду и гасит огонь. Огонь — это внушения врага; а вода — усердная молитва пред Богом».

Святой авва Антоний, пребывая некогда в пустыне, впал в уныние и глубокую тьму помыслов и взывал к Богу: «Господи! Я хочу спастись, а помыслы не дают мне. Что мне делать в моей скорби? Как спастись?». И вскоре Антоний, встав, пошел далее. И вот видит кого-то похожего на себя; он сидел и работал, потом встал из-за работы и молился, после опять сел и вил веревку, далее опять встал на молитву. Это был Ангел Господень, посланный для наставления и подкрепления Антония. И Ангел сказал вслух ему: «И ты делай так и спасешься». Услышав сие, Антоний весьма обрадовался. Стал так делать и спасался.

Мать Феодора говорила: «Как скоро начинает кто-либо безмолвствовать, тотчас приходит лукавый и отягчает душу унынием, малодушием и помыслами; отягчает и тело болезнями, усталостью, расслаблением колен и всех членов, расслабляет

силы души и тела. Посему говорят: я болен, не могу прочесть молитв. Но если будем мы бодрствовать, все это исчезнет. Скажу об одном монахе: когда пришел он на правило, бросило его в озноб и в жар, а в голове его сделался сильный шум. Монах говорил сам себе: «Вот я теперь болен и, может быть, умру, встану же пред смертью, совершу мое молитвословие». Сей мыслью он принудил себя и прочитал молитвы. Когда же кончилось молитвословие, кончилась и огневица. Брат сей и после противоборствовал этому помыслу, читая правило, и таким образом побеждал искушение».

Сказывали об авве Феодоре: когда жил он в Скиту, пришел бес и хотел войти к нему, но Феодор связал его вне келии. Потом пришел другой бес и также хотел войти к нему — и этого связал. Далее пришел третий бес и, увидев первых двух связанными, говорит им: «Что вы стоите тут за дверьми?»». Они отвечают: «Сидящий в келии не пускает нас войти к себе». Третий бес насильно старался войти в келию, но старец связал его. Устрашившись молитв старца, бесы начали просить его, говоря: «Развяжи нас!». Старец сказал им: «Ступайте!». И они ушли со стыдом.

Мать Синклитикия говорила: «Как острые лекарства врачуют жестокие болезни, так молитва с постом прогоняют злые помыслы».

Авва Евагрий говорил: «Один из отцов сказал: “Постническая строгая жизнь, соединенная с любовью, скоро вводит человека в пристань бесстрастия”».

Один брат спросил авву Пимена: «Что мне делать? Меня давит какая-то тяжесть». Старец отвечал: «И на малых и на больших суднах пловцы имеют пояса, и если нет попутного ветра, то спускают канат, а пояса берут на плечи себе и тащат понемногу судно, пока Бог не пошлет ветра, а когда увидят, что настает мрак, пристают к берегу и вбивают кол, дабы судно не ушло. Этот кол есть самоосуждение».

Авва Илия рассказывал: «Увидел я, что один взял себе под мышку тыкву с вином. Чтобы пристыдить бесов (ибо это был призрак), я сказал брату: “Сделай милость — подними мне это”. Как он приподнял свою одежду, оказалось, что у него ничего нет. Это сказал я вам для того, чтоб вы иному не верили, хотя бы сами видели это и слышали. Особенно же наблюдайте за помыслами, зная, что их часто внушают демоны, дабы

осквернить душу помышлениями о вещах бесполезных и отвлечь ум от размышления о грехах своих и о Боге».

Авва Пимен говорил: «В Писании сказано: *Яже видеста очи Твои, глаголи* (Притч. 25, 8), а я советую вам не говорить даже и о том, что осязали вы своими руками. Один брат был обманут точно таким образом. Представилось ему, будто брат его грешит с женщиной. Долго боролся он сам с собой, наконец подошел, толкнул их ногой, думая, что это точно они, и сказал: “Полно вам, долго ли еще?”. Но оказалось, что то были снопы пшеницы. Потому-то я и сказал вам: не обличайте, если даже и осязаете своими руками».

Авва Никита сказывал: «Два брата, желая жить вместе, поселились в одной келии. Один из них так рассуждал сам с собой: “Буду делать только то, что угодно будет брату моему”. Равно и другой говорил: “Буду исполнять волю брата моего”. Они жили много лет в полной любви. Враг, увидя это, захотел разлучить их. Для сего пришел он и стал у дверей, и одному представился голубицей, а другому — вороной. Вот один из братьев сказал другому: “Видишь ли этого голубя?”. — “Это ворона”, — отвечал другой, и начали спорить между

собой; один говорит одно, другой — другое. Наконец они встали, подрались до крови, к полной радости врага, и разошлись. Спустя три дня они пришли в себя, просили друг у друга прощения; сказали один другому, чем каждому из них представлялась виденная птица, и узнали в этом искушение врага. После сего они жили уже неразлучно до самой смерти».

Авва Евагрий говорил: «Смотри, чтобы никогда не выходило у тебя из памяти приготовленное грешникам: стыд пред Богом, Ангелами и Архангелами и всеми людьми, вечный огонь, скрежет зубов, ужасы мучения, чтобы хотя таким образом избежать тебе нечистых и вредных помыслов».

Авва Ефрем шел однажды, и блудница по чьему-то внушению подходит к нему, чтобы обольстить его на постыдное соединение, а если не так, то по крайней мере привести его в гнев, ибо еще никто никогда не видал его гневающим. Ефрем говорит ей: «Иди за мной». Приблизившись к одному месту, где толпилось множество народа, авва Ефрем сказал ей: «Здесь делай, как ты хотела». Блудница же, увидев множество народа, отвечает ему: «Как можно нам это делать в присутствии такого множества? Не стыдно ли

будет?»». Он говорит ей: «Если мы стыдимся людей, то тем более должны стыдиться Бога, Который обличает и *тайная тмы* (1 Кор. 4, 5)». Блудница со стыдом отошла, ничего не сделав.

В одно время авва Зенон проходил Палестину и, утомившись, сел для принятия пищи у огуречного огорода. Помысл говорил ему: «Возьми один огурец и съешь, ибо что в этом важного?»». Но он отвечал своему помыслу: «Воры подвергаются наказанию; так испытай себя, можешь ли ты перенести наказание!». Вставши, он пять дней простоял на жару и изнуренный им сказал сам себе: «Не могу снести наказания». Потом говорит своему помыслу: «Если не можешь, то не воруй и не ешь».

|| Не поддавайся и высоким помыслам неблагоприятным. ||

Однажды авва Лонгин спрашивал авву Лукия о трех своих помыслах. Он говорил: «Я хочу странствовать». Старец отвечал ему: «Если не будешь воздерживать языка своего, не будешь странником; куда бы ни пошел, но обуздывай здесь язык свой и будешь странник». Потом авва Лонгин говорит: «Хочу поститься». Старец отвечал: «Пророк Исаия сказал: *еще слячеши яко*

серп выю твою... ниже тако наречете пост приятен (Ис. 58, 5). Лучше обуздывай худые помыслы». Наконец авва Лонгин говорит: «Хочу бежать от людей». Старец отвечал: «Если прежде не научишься хорошо жить с людьми, то и в уединении не можешь хорошо жить».

Рассказывали об авве Геласии, что, бывая часто возмущаем помыслами, побуждавшими его удалиться в пустыню, в один день сказал ученику своему: «Сделай милость, брат, потерпи, если что я сделаю, и не говори со мною ни о чем в продолжение сей недели!». Он, взяв пальмовую палку, начал ходить по двору монастырскому; утомившись, сядил на несколько времени, а потом, встав, опять ходил. Когда наставал вечер, он говорил своему помыслу: «Странствующий по пустыне не хлебом питается, но травой; а ты по немощи своей съешь небольшой овощ». Сделавши так, он опять говорил помыслу: «Пустынный спит не под кровлей, а на открытом воздухе, и ты так сделай». После сего он ложился и спал на дворе. Таким образом авва ходил по монастырю три дня, вечером вкушал немного цикория, а ночью спал под открытым небом — и утомился. Тогда, укоряя помысл, возмущавший его, он обличил его так: «Если не можешь

совершать дел пустынных, то сиди в своей келии, постоянно оплакивая свои грехи, и не вдавайся в обман! Око Божие везде видит дела человеческие, ничто не скрывается от Него, и Он знает делающих доброе».

Один из старцев рассказывал: в Келлиях был трудолюбивый старец, который одевался в рогожу. Пришел он однажды к авве Аммону; сей, увидев его одетым в рогожу, сказал: «Не принесет она тебе никакой пользы». Старец спрашивал авву Аммона: «Три помысла беспокоят меня: один побуждает меня блуждать по пустыням; другой — уйти в чужую страну, где бы никто не знал меня; третий — заключиться в келию, ни с кем не видеться и есть через два дня!». Авва Аммон отвечал ему: «Какое ни станешь ты исполнять из сих трех намерений, пользы не будет. А лучше сиди ты в келии своей, ешь понемногу каждый день и всегда имей в сердце своем слово мытаря: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13) — и можешь спастись».

Помни, что только чистый сердцем узрит Бога чистым или просвещенным сердечным оком (см.: *Еф. 1, 18*). Напротив, ничто скверное не войдет в Царствие Божие.

Будь миротворцем

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Мф. 5, 9

Не имей в душе своей вражды ни на кого, со всеми поступай дружелюбно, не подавая причин к несогласию. Случившееся несогласие всевозможно прекращай даже с уступкою своего права, если только сие не противно долгу и ни для кого не вредно. Сверх сего примиряй враждующих между собой, насколько имеешь возможность, и всегда молись о их примирении.

Помни, что миротворцам Господь обещает благодатное имя сынов Божиих в день явления Царствия Его за то, что подражают Единородному Сыну Божию, пришедшему на землю примирить согрешившего человека с правосудием Божиим.

Авва Моисей сказал одному брату: «Не имей вражды ни с кем и не питай вражды в сердце своем. Не должен ты ненавидеть и того, кто враждует на ближнего своего. В этом-то и состоит мир».

Рассказывали об авве Пимене: «Жил он в Скиту с двумя своими братьями, и меньший огорчал их. Авва сказал другому брату: “Меньший

брат нас расстраиивает, уйдем отселе!». Вышли и оставили его. Тот, видя, что их долго нет, и догадавшись, что они уже далеко от него, с криком побежал за ними. Авва Пимен сказал: «Подождем брата, он устанет». Младший брат, когда дошел до них, поклонился и сказал: «Куда вы уходите и оставляете меня одного?». Старец сказал ему: «Ты оскорбляешь нас, потому мы уходим». Он отвечал им: «Правда, но пойдем вместе, куда хотите». Старец, видя простоту его, сказал брату своему: «Воротимся, брат; он не с намерением делал нам огорчения, но диавол внушал ему». Воротились и пошли в свое место».

Авва Павел Космит и Тимофей, брат его, жили в Скиту. Часто бывали между ними распри. Авва Павел сказал однажды: «Долго ли нам жить так?». Авва Тимофей отвечал ему: «Сделай милость, когда я буду оскорблять тебя, потерпи меня, а я буду терпеть, когда ты станешь оскорблять меня». Поступая таким образом, они были покойны в остальные дни свои.

Авва Иоанн рассказывал следующее: «Авва Анувий и авва Пимен и прочие их братья, единотрубные и бывшие монахами в Скиту, когда пришли мазики и опустошили Скит, удалились оттуда,

пришли на место, называемое Теренуф, на время, пока найдут, где им жить, и пробыли там несколько дней в древнем храме. Однажды авва Анувий сказал авве Пимену: “Сделай милость, ты и каждый из братьев твоих пусть живут отдельно в безмолвии, и не будем сходитьсь друг с другом в сию неделю”. Авва Пимен отвечал: “Сделаем, как ты хочешь”. И сделали так. А там в самом храме была каменная статуя. Старец авва Анувий, вставая поутру, бросал камнями в лицо статуи, а вечером говорил ей: “Прости мне”, — и делал так во всю неделю. В день субботний они сошлись вместе. Авва Пимен сказал авве Анувию: “Я видел, авва, что ты во всю эту неделю бросал камни в лицо статуи и потом кланялся ей: делает ли так правоверующий?”. Старец отвечал: “Это я делал для вас. Когда вы видели, что я бросал камни в лицо статуи, то не говорила ли она чего и не сердилась ли?”. Авва Пимен сказал: “Нет!”. — “А когда я кланялся ей, трогалась ли она и говорила ли: не прощу?”. — “Нет”, — отвечал авва Пимен. Тогда старец сказал: “Вот нас семь братьев: если хотите, чтобы нам друг с другом жить вместе, то будем подражать этой статуе, которая не трогается ни обидой, ни честью. Если же не хотите так

вести себя, то вот четверо врат в храме: пусть каждый пойдет, куда хочет”. Братия пали на землю и сказали авве Анувию: “Все сделаем, как ты, отче, хочешь! Будем послушны словам твоим”. И авва Пимен сказывал: “Все время жизни нашей мы пробыли вместе, поступая по наставлению старца, которое он дал нам. Одного из нас сделал он экономом, и все, что бы этот брат ни предлагал нам, мы ели, и нельзя было никому из нас сказать: принеси нам что-нибудь другое; или: не хотим есть сего. Таким образом провели мы все время нашей жизни в тишине и мире”».

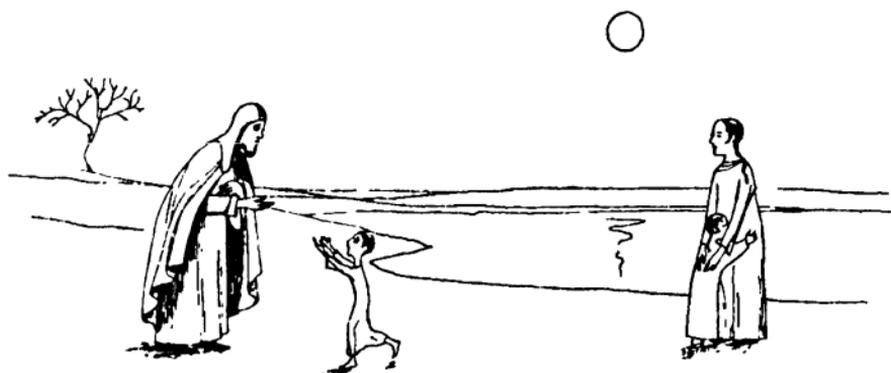
Перед смертью аввы Романа собрались к нему ученики его и спрашивали: «Как нам после тебя управляться?». Старец отвечал им: «Знаю, что никому из вас я не поручал ни одного дела, если прежде не положил в уме своем не гневаться, когда слово мое не будет исполнено. Таким образом все время наше мы прожили в мире».

Один старец пришел к авве Лоту, жившему близ небольшого озера Арсеноитского, и просил у него себе келии. Авва Лот дал ему келию. Старец этот был нездоров, и авва Лот покоил его. Если кто приходил посетить авву Лота, авва посылал того и к больному старцу. А сей начал предлагать

приходящим учение Оригена. Это оскорбило зваву Лота. Он говорил: «Не подумали бы отцы, что и мы тех же мнений держимся». Выслать же старца из сего места он боялся ради заповеди. И так авва Лот встал, пошел к авве Арсению и рассказал ему о старце. Авва Арсений говорит ему: «Не выгоняй его, но только скажи ему: “Вот, что дал Бог, ешь, пей сколько хочешь, только не проповедуй такого учения”. Если захочет, исправится; если не захочет исправиться, то сам будет просить, чтобы ему оставить сие место. И тогда не ты будешь сему причиной». Возвратившись, авва Лот сделал так. Старец, выслушав Лота, не хотел исправиться, но стал просить: «Ради Господа вышли меня отсюда — для меня пустыня несносна». Таким образом старец, собравшись, удалился, напутствуемый любовью.

В Скиту был один монах, по имени авва Карион. У него было двое детей; оставив их жене своей, он сделался отшельником. Спустя несколько времени, когда был голод в Египте, жена его в крайности пришла в Скит и привела с собой детей своих: мальчика Захарию и девочку. Она села вдали от старцев при озере, которое прилегало к Скиту, где построены были церкви и протекали источники вод. В Скиту было такое обыкновение,

что если придет женщина поговорить со своим братом или другим родственником, то они беседовали между собой, сидя далеко друг от друга. Тогда жена сказала авве Кариону: «Вот ты сделался монахом, и настал голод; кто станет кормить детей твоих?»». Авва Карион отвечает ей: «Отпусти их ко мне сюда». Мать говорит детям: «Ступайте к отцу своему». Они пошли, но девочка возвратилась к матери своей, а мальчик пришел к отцу. Тогда авва Карион сказал жене своей: «Теперь хорошо; ты возьми с собой девочку и ступай, а я возьму мальчика». Авва воспитывал мальчика в Скиту, и все знали, что это сын его. Когда же мальчик пришел в возраст, то в братии возник из-за него ропот. Услышав о том, авва Карион сказал своему сыну: «Захария! Встань, уйдем отсюда: отцы ропщут». Мальчик отвечал ему: «Авва! Все знают здесь, что я сын твой; но если перейдем в другое место, там не будут меня называть сыном твоим». — «Вставай, пойдем отсюда», — сказал старец; и отправились они в Фиваиду. Поместившись в келии, они провели здесь несколько дней; но и тут поднялся такой же ропот из-за отрока. Тогда отец сказал сыну: «Захария! Возвратимся в Скит». Приходят в Скит; но через несколько времени возобновился ропот. Тогда отрок Захария

пошел на солитряное озеро, разрыдался, взошел в него и, погрузившись до самых ноздрей, пробыл в нем долгое время, сколько мог. Тело его потеряло свой вид, и он стал как бы прокаженный. Выйдя из озера, он надел свое платье и пришел к отцу. Но тот едва узнал его. Когда же, по обыкновению, Захария приступил к Святому Приобщению, поступок его был открыт пресвитеру скитскому святому Исидору. Посмотрев на него с удивлением, пресвитер сказал: «Отрок Захария в прошедшее воскресенье приходил и приобщался как человек, а ныне он стал как Ангел».

Авва Даниил сказывал: «Прежде нежели авва Арсений пришел к отцам моим, они жили с аввой Агафоном. Авва Агафон любил авву Александра за то, что сей был строг в жизни и кроток. Случилось однажды, что все ученики Агафона мыли платье на реке. Авва Александр мыл неспеша, и прочие братья сказали старцу: “Брат Александр ничего не делает”. Старец, желая успокоить их, сказал Александру: “Брат Александр! Мой платье лучше, ибо оно льняное”. Услышав это, Александр опечалился. После того старец утешил его так: “Разве я не знаю, что ты хорошо делаешь? Брат мой! Я так сказал тебе для них, дабы успокоить их помысл твоим послушанием”».

Будь готов претерпеть гонение за правду

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Мф. 5, 10

За правду будь готов претерпеть гонение, от кого и как придется тебе Промыслом Божиим; ибо вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гонимы будут.

Помни, что гонимым правды ради Господь обещает Царство Небесное как бы взамен того, чего лишаются они через гонение, подобно тому, как оно обещано нищим духом в восполнение чувства недостатка и скудости.

Брат спросил авву Сисоя: «Ужели сатана так же преследовал и древних?».— «Нет,— отвечал ему старец,— ныне более, ибо время его близко, и он приходит в смятение».

Один старец, монах, живший близ Никополя, после себя оставил авве Геласию келию с окружающим ее полем. Но какой-то крестьянин некоего Ваката, знаменитого тогда в Никополе Палестинском, родственник умершего старца, пришел к

этому Вакату и просил его взять то поле, как бы долженствовавшее по законам к нему перейти. Вакат, как человек сильный, покушался самовольно отнять поле у аввы Геласия; но старец, не желая отдать монашеской келии мирянину, не уступал. Вакат подстерег, когда рабочий скот аввы Геласия перевозил маслины с доставшегося ему поля, силой увел его, взял маслины в свой дом и едва, и то с бранью, отпустил скот с упряжью. Блаженный старец совсем не присваивал себе плодов, а только не уступал во владение поля, по сказанной причине. Вакат, раздраженный против старца и побуждаемый другими нуждами (ибо любил судиться), отправляется пешком в Константинополь. Проходя через Антиохию, где тогда святой Симеон сиял как великое светило (потому что был более, нежели обыкновенный человек), Вакат услышал о делах его и, как христианин, пожелал видеть святого. Святой Симеон, увидев со столпа Ваката, только вошедшего в монастырь, спросил: «Откуда ты и куда идешь?». Вакат отвечал: «Я из Палестины и иду в Константинополь». — «А зачем?» — спросил святой Симеон. — «По многим нуждам, — отвечал Вакат, — надеюсь по молитвам твоей святости возвратиться назад и припасть к святым

стопам твоим». Святой Симеон отвечал ему: «Жалкий человек! Ты не хочешь признаться, что идешь против человека Божия; но не будет тебе счастья, и ты не увидишь более твоего дома. Итак, если ты послушаешь моего совета, поспеши отсюда к нему, раскайся пред ним, ежели только живым дойдешь до места». Вакат тотчас впал в горячку, и бывшие с ним, положив его на носилки, спешили, по слову святого Симеона, достигнуть страны своей, чтобы раскаяться пред аввой Геласием. Но придя в Вирит, он скончался, не увидав дома своего, по предсказанию святого. Сын его, по имени также Вакат, по смерти своего отца об этом рассказал многим людям, достойным доверия.

**Будь готов
претерпеть всякую обиду
и даже смерть за имя Христово
и за истинную Православную веру**

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Мф. 5, 11–12

Помни, что мученикам за веру Христову и ее исповедание Господь обещает великую награду небесную, то есть преимущественную и высокую степень блаженства.

Авва Антоний говорил: «Приходит время, когда люди будут безумствовать и если увидят кого не безумствующим, восстанут на него и будут говорить: “Ты безумствуешь”, — потому что он не подобен им».

Не одни только ученики аввы Геласия, но многие, часто посещавшие его, рассказывали о нем следующее: во время Вселенского Собора в Халкидоне Феодосий, один из первых защитников

Диоскорова раскола в Палестине, предупреждая других епископов, уже намеревавшихся возвратиться к своим Церквам (а он был в Константинополе, уже изгнанный из своего отечества за всегдашние вмешательства в возмущения), бросился в монастырь к авве Геласию и говорил, будто Собор утвердил Нестория, думая таким образом увлечь святого на помощь своему обману и расколу. Старец по внешности сего человека и по разумению, свыше ему дарованному, поняв злое намерение Феодосия, не увлекся на сторону сего противника, как тогда сделали почти все, но отослал его с бесчестьем, как и прилично было. Он вывел на середину мальчика, которого воскресил из мертвых, и с важным видом сказал Феодосию: «Если ты хочешь рассуждать о вере, то вот он будет слушать тебя». Феодосий, пристыженный такими словами, устремляется в Святой град и там под видом ревности по Боге увлекает на свою сторону все монашество, увлекает также и бывшую в то время там царицу и при ее содействии силой занимает Иерусалимский престол, предвосхитив его убийствами и другими нечестивыми и противозаконными делами, о которых еще и ныне помнят многие. Получив власть и достигнув своей цели, он рукоположил

множество епископов, отнимая в то же время престолы у епископов, еще не возвратившихся с Собора. Тогда он призывает и авву Геласия, приводит его в храм, лаская и вместе устрашая. Когда старец вошел в храм, Феодосий говорит ему: «Произнеси анафему на Ювеналия». Нимало не устрашившись, авва Геласий отвечал: «Я не знаю другого епископа Иерусалимского, кроме Ювеналия». Феодосий, опасаясь, чтобы и другие не стали подражать благочестивой ревности его, велел с бесчестьем выгнать его из церкви. Последователи раскола Феодосиева взяли старца, обложили его со всех сторон дровами и грозили сжечь его, но видя, что он не страшится сего, и опасаясь возмущения народного, потому что авва Геласий был в большой славе (все же это происходило по Божию Промыслу), без всякого вреда отпустили мученика, который уже сам себя принес Христу во всесожжение.

Когда авва Моисей с двумя своими учениками жил в Персидских пределах, однажды два царских сына, братия по плоти, выехали, по обыкновению своему, на охоту, растянули сети на большое пространство около 40 миль и все, что ни попадалось в них, ловили и убивали копьями. В сетях

нашли также и старца с двумя его учениками. Увидя авву, всего в волосах, похожего на дикого зверя, они изумились и спросили его: «Скажи нам, человек ты или дух?». Он отвечал им: «Я человек грешный, пришел сюда оплакивать грехи свои. Поклоняюсь Иисусу Христу, Сыну Бога Живаго». Дети царские сказали ему: «Нет другого Бога, кроме солнца, огня и воды (которым воздавали они божественную честь). Пойди и принеси им жертву». Старец отвечал: «Боги ваши суть твари; вы заблуждаетесь; прошу вас, обратитесь и познайте истинного Бога, Творца всяческих». — «Так ты исповедуешь истинным Богом Человека, осужденного и распятого?» — спросили князя у старца. Старец отвечал: «Я исповедую истинным Богом Того, Который пригвоздил ко Кресту грехи наши и умертвил смерть». Но они начали мучить его и учеников его и принуждали их принести жертву. После многих мучений обезглавили двух братьев, но старца еще много дней подвергали мучениям. Наконец подобно тому, как бывает на охоте, они поставили старца посреди себя и пускали в него стрелы — один сзади, а другой спереди. Тогда старец сказал им: «Поскольку вы оба решились проливать кровь неповинную, то завтра

мгновенно, в этот самый час, мать ваша лишится вас и отнимется у нее любовь ваша: собственными стрелами вы прольете кровь друг друга». Они не обратили внимания на слова старца и вышли на другой день на охоту. Во время ловли убежала у них одна лань, они сели на коней и поскакали догонять ее и, пустив в нее стрелы, вонзили их друг другу в сердце. Так исполнилось слово старца, которое он сказал, предрекая им наказание. Так они и умерли.

Ищи света истины и животворной соли для души, заблуждениями помраченной и грехом растленной, в переданном миру апостолами слове Божиим

Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям.

Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

Мф. 5, 13–15

Просвещай душу свою и обновляй ее поучениями в оном слове день и ночь.

Помни: Иисус Христос сказал апостолам: Вы есте соль земли... Вы есте свет мира (Мф. 5, 13–14). Слушая вас, Мене слушает; и отменяйся вас, Мене отменяется; отменяйся же Мене, отменяется Пославшаго Мя (Лк. 10, 16); вне слова Божия не найдешь истинной мудрости или небесного искусства победить в себе страсти и очистить душу от грехов.

Дух Святыи через Пророка сказал: Блажен муж... в законе Господни... поучится день и ношь (Пс. 1, 1–2).

Авва Епифаний говорил: «Чтение Писания есть великая защита от греха».

Он же говорил: «Незнание Божественных законов есть великое предательство своего спасения».

Еще говорил: «Незнание Писания есть великая стремнина и глубокая пропасть».

Также говорил: «Приобретение христианских книг для достаточных необходимо. Ибо и самый взор на сии книги останавливает в нас стремление ко греху и побуждает сильнее стремиться к правоте».

Авва Пимен, когда некоторые отцы спрашивали его о грубости сердца, отвечал им: «Вода по свойству своему мягка, а камень — тверд. Но если над камнем висит желобок, то вода, стекая каплями, мало-помалу пробивает камень. Так и слово Божие мягко, а сердце наше грубо; но если человек часто слушает слово Божие, то страх приходит в сердце его».

Авва Исидор говорил: «Мудрость святых состоит в познании воли Божией, потому что человек, как образ и подобие Божие, возвышается над всем в послушании истине. Не так страшны все демоны, как следование собственному сердцу, а не закону Божию. Под конец человек будет плакать о том, что не познал таинства и не нашел пути святых, дабы работать на нем».

Брат просил авву Сисоя Фивейского дать ему наставление: «Что мне сказать тебе?» — отвечал старец. — Я читаю Новый Завет и не забываю Ветхого».

**Да просветится пред человеками,
по примеру апостолов и преемников их,
и твой свет, заимствованный тобой
от света Божественной истины**

Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

Мф. 5, 16

Бозидай брата, спасай его как добрым примером своим, так и соединенным с докрой жизнью добрым словом.

Авва Феона говорил: «Хотя иной и приобретает добродетель, но Бог не для него одного подает благодать Свою. Ибо Бог знает, что он не пребыл бы верен в труде своем. Но если благодать через него сообщается и ближнему его, тогда она пребывает в нем».

Авва Иаков говорил: «Не слова только нужны, ибо ныне много говорят люди, но нужны дела — они спрашиваются, а не слова, которые не приносят плода».

Авва Пимен говорил: «Что пользы в том, если кто строит чужой дом, а свой разрушает?».

Рассказывали об авве Исидоре, пресвитере Скитском: если кто имел у себя брата слабого, или нерадивого, или ругателя и хотел прогнать его от себя, то авва Исидор говорил: «Приведи его ко мне». Принимая такого к себе, он спасал его своим терпением.

Три отца имели обыкновение ежегодно приходиться к блаженному Антонию. Два из них спрашивали его о помыслах и о спасении души, а третий всегда молчал и ни о чем не спрашивал. После долгого времени авва Антоний говорит ему: «Вот ты сколько времени ходишь сюда и ни о чем не спрашиваешь меня?». Сей отвечал ему: «Для меня, отец, довольно и смотреть на тебя».

Брат спросил авву Сисоя: «Дай мне наставление». Старец сказал: «Что ты заставляешь меня празднословить? Делай, как видишь».

Рассказывали об авве Макарии Египетском: шел он некогда из Скита в гору Нитрийскую и, приближаясь к месту, сказал ученику своему: «Пойди несколько вперед». Ученик, идя вперед, встретился с одним языческим жрецом и стал кричать ему: «Эй, эй! Демон, куда идешь?». Жрец, оборотившись, начал бить его и оставил полумертвым. Потом поднял дерево, которое нес, и побежал.

Отходя же несколько вперед, встретился он с аввой Макарием. Старец сказал ему: «Будь здоров, будь здоров, человек трудолюбивый». Жрец удивился, подошел к нему и спросил: «Что ты нашел во мне доброго, что приветствуешь меня?» Старец отвечал: «Я вижу, что ты трудишься, хотя и не знаешь, что напрасно трудишься». Жрец сказал: «Твое приветствие поразило меня, и я вижу, что ты человек Божий, а другой злой монах, встретившись со мною, обругал меня, и я избил его до смерти». Старец узнал, что это был ученик его. Жрец же, ухватившись за ноги Макария, говорил: «Не отпущу тебя, пока не сделаешь меня монахом». И так пошли они вперед к тому месту, где был монах, и подняли его, и принесли в церковь Горы. Отцы, видя жреца вместе с Макарием, удивились и сделали его монахом, а через него и многие из язычников сделались христианами. По этому случаю авва Макарий говорил: «Худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми».

Один брат, живший недалеко от аввы Пимена, пошел некогда в чужую страну. Там встретился он с одним отшельником, которого очень любили, и многие ходили к нему. Брат рассказывал ему об

авве Пимене. Старец, услышав о добродетельной жизни аввы, пожелал видеть его. По возвращении брата в Египет, через несколько времени и отшельник пошел в Египет к тому брату, который был у него, ибо тот сказал ему, где он живет. Брат, увидев его, удивился и очень обрадовался. Отшельник сказал ему: «Сделай милость, проводи меня к авве Пимену». Брат взял его, пошел с ним к старцу и так говорил о нем Пимену: «Это великий муж, он очень любим и уважаем в своей стране. Я рассказал ему о тебе, и он пришел, желая видеть тебя». Старец принял странника с радостью, и по взаимном приветствии они сели. Странник начал говорить из Писания о предметах духовных и небесных. Но авва Пимен отвратил от него лицо свое и ничего не отвечал ему. Тот, видя, что старец не говорит с ним, пошел от него с прискорбием и сказал брату, который его привел: «Напрасно предпринимал я такой путь; пришел я к старцу, а он не хочет и говорить со мной». Брат пошел к авве Пимену и сказал ему: «Авва! Для тебя пришел этот великий муж, столь славный в стране своей. Почему же не говоришь с ним?». Старец отвечал ему: «Он от вышних и говорит о небесном, а я от дольних и говорю о земном. Если бы он

говорил со мною о душевных страстях, я отвечал бы ему, но он говорит о духовном, чего я не знаю». Брат вышел от аввы и сказал пришельцу: «Старец не вдруг говорит из Писания, но если кто рассуждает с ним о душевных страстях, тому он отвечает». Тронутый сим, странник взошел к старцу и сказал ему: «Что мне делать, авва? Мною владеют страсти душевные». Посмотрев на него, старец сказал с радостью: «Теперь хорошо ты пришел, теперь отверзу уста мои и исполню их благ». Отшельник, получив великое назидание, говорил: «Действительно, это истинный путь!». И возвратился в свою сторону, благодаря Бога за то, что удостоил его видеть столь святого мужа.

Авва Псенфаисий, авва Сур и авва Псой говорили: «Слушая наставления отца нашего аввы Пахомия, мы получили большую пользу, ибо он возбудил в нас ревность к добрым делам. Видя, что хотя он молчит, но дела его поучительно говорят, мы дивились и говорили между собой: думали мы, что Сам Бог творит святыми, что святые святы еще от чрева матери своей, что святые не могут по своей воле ни лишиться, ни достигнуть святости и что грешники не могут жить благочестиво, потому что они сотворены грешниками,

но теперь ясно видим благодать Божию в сем отце нашем. Он произошел от родителей язычников и сделался столь благочестивым, и столько украсился добродетелями по всем заповедям Божиим. Посему и мы можем, и все могут последовать ему, как сам он следует святым. Сказано в Писании: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Итак, умрем греху и проживем с человеком сим, ибо он прямо ведет нас к Богу».

|| Берегись учить самовольно, тщеславно, без нужды, навязчиво и еще без приспособления к силам и способностям кратий. ||

Говорил авва Илия, из диаконов: «Какую силу грех имеет там, где есть покаяние? И что пользы от любви там, где есть надмение?».

Братия пришли к авве Филиксу в сопровождении некоторых мирян и просили его дать им наставление. Старец молчал. Когда же они сильно упрашивали, сказал им: «Вы хотите услышать наставление?».— «Так, авва!» — отвечали они. Старец сказал им: «Ныне нет наставления. Когда братия спрашивали старцев и исполняли, что старцы говорили им, тогда Сам Бог сообщал старцам дар слова; а ныне, когда только спрашивают, а не

делают того, что слышат, Бог отнял у старцев благодать слова, и они не находят, что говорить, потому что некому исполнять слова их». Братия, услышав это, вздохнули и сказали: «Помолись об нас, авва!».

Авва Исаак говорил братиям: «Я уже не даю вам заповедей, ибо вы не храните их».

Авва Макарий однажды ходил к авве Антонию и, побеседовав с ним, возвращался в Скит. Отцы вышли к нему навстречу. Старец, беседуя с ними, сказал: «Я говорил авве Антонию, что у вас здесь нет приношения». Отцы начали говорить о другом и не спрашивали у старца, что отвечал Антоний. И старец не сказал им. Тогда один из старцев заметил: «Так, если отцы увидят, что братия забывают спросить о деле, для них полезном, то сами за долг себе вменяют начать речь о сем. Но если братия не вынуждают их к продолжению разговора, то они уже перестают говорить, дабы не показать, что они говорят тогда, когда их не спрашивают, и чтобы слова их не остались пустыми».

Пришел один брат к авве Пимену и сказал ему: «Я засеваю поле и после делаю из того вечерю любви». Старец отвечал: «Хорошо ты делаешь». Брат ушел от него с радостью и еще более старался о вечерах любви. Авва Анувий, услышав об

этом, сказал авве Пимену: «Не боишься ли Бога, что дал ты такой ответ брату?». Старец промолчал. Через два дня авва Пимен послал за братом и при авве Анувии спросил его: «Что ты мне говорил в тот раз? Ум мой занят был тогда другим». Брат отвечал: «Я говорил, что засеваю свое поле и после из того делаю вечерю любви». Авва Пимен сказал ему: «Я думал, что ты говорил о брате своем, мирянине. Если ты сам так делаешь, то такое дело неприлично тебе». Брат, услышав это, огорчился и сказал: «Кроме сего, я не знаю никакого другого дела, а потому не могу не засеивать своего поля». По уходе брата авва Анувий поклонился старцу и сказал: «Прости меня». Авва Пимен говорит ему: «Я и прежде знал, что это не его дело, но сказал так согласно с его мыслями и тем возбудил в нем ревность к преуспеянию в любви. Теперь он ушел от нас в огорчении и опять то же будет делать».

**Исполни до малейшей черты и потом
других также научи исполнить
открытую Сыном Божиим волю Отца
Небесного, как Он Сам исполнил
Его волю до малейшей черты**

Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

Мф. 5, 17—20

Помни, что иначе нельзя приобрести Царствия Божия. Ибо слово Божие непреложно.

Дано нам много и взыскивается с нас много (с.м.: Лк. 12, 48): законникам ветхозаветным не был открыт, как нам, внутренний смысл закона, дух и сила его, и не были им сообщены, как нам, все Божественные силы к исполнению закона (с.м.: 2 Пет. 1, 3—4).

Авва Исидор, пресвитер, говорил: «Если желаешь спасения, делай все, что ведет ко спасению».

Некто спросил авву Антония: «Что мне делать, чтобы угодить Богу?». Старец отвечал: «Что бы ни делал ты, имей на это свидетельство в Священном Писании».

Авва Пист говорил: «Имеющий истинное ведение исполняет все Писание».

Авва Агафон говорил: «Не должно доводить себя до того, чтобы совесть обличала в каком-либо деле».

Брат спросил авву Пимена: «Как должно жить человеку?». Старец отвечал: «Посмотрим на Даниила: не нашлось на него иного обвинения, как только в служении Господу Богу его».

Авва Иоанн Колов говорил: «Каждый день, вставая утром, начинай соблюдать каждую добродетель и заповедь Божию».

Авва Пимен говорил: «Когда человек намерен строить дом, то собирает множество материалов и различного рода веществ, чтобы можно было ему поставить дом. Так и мы должны приобретать, хотя в некоторой степени, все добродетели».

Один брат спросил авву Пимена: «Может ли человек уповать на одно доброе дело?». Старец отвечал ему: «Авва Иоанн Колов говорил: “Я желаю, хоть в некоторой степени, иметь все добродетели”».

Авва Елифаній, епископ Кипрскій, говорил: «Кающімся грешникам Бог прощает долг, как простил блуднице, разбойнику и мытарю, а от праведников требует и приращенія. О сем сказал Он апостолам: *еще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не увидите в Царствіе Небесное* (Мф. 5, 20)».

Авва Моисей спросил авву Силуана: «Может ли человек каждый день начинать свои дела?». Старец отвечал: «Если он добрый делатель, то может и каждый час».

Авва Алоній говорил: «Человек, если захочет, от утра до вечера будет приходить в меру Божественную».

Авва Пимен говорил об авве Пиоре, что он каждый день начинал какую-либо добродетель.

Сказывали об авве Диоскоре, что, оканчивая одно дело, он принимался за другое.

Авва Матой говорил об авве Тифое, что нет человека, который бы мог упрекнуть авву Тифоя в чем-либо. Авва Тифой подобен чистому золоту, стоящему на весах.

Сказывали, что авва Агафон старался исполнять всякую заповедь. Когда он всходил на лодку, сам первый принимался за весло. Когда приходили к

нему братия, то тотчас после молитвы своими руками предлагал им трапезу, ибо исполнен был любви Божией. Перед смертью своею он пробыл три дня с отверстыми, неподвижными очами. Братия толкнули его и спросили: «Авва Агафон, где ты?». Он отвечал им: «Стою пред судилищем Божиим». Братия сказали ему: «И ты, отец, боишься?». Он отвечал им: «Сколько мог, я трудился в исполнении заповедей Божиих, но я человек: как мне знать, угодны ли были дела мои Богу?». Братия еще сказали ему: «И ты не уверен, что дела твои были угодны Богу?». Старец отвечал: «Не имею дерзновения, пока не предстану Богу, ибо иное суд человеческий, а иное суд Божий». Когда же они еще хотели спросить его о чем-то, он сказал им: «Сделайте милость, не говорите больше со мной, мне не свободно», — и тотчас скончался с радостью, ибо братия видели, что отходит он от сей жизни с таким же взором, с каким иной приветствует своих друзей и возлюбленных. Он строго бдел над собою во всяком случае и говорил: «Без великой бдительности человек не успеет ни в одной добродетели».

Некто говорил авве Иоанну Персиянину: «Столько мы трудились ради Царствия Небесного,

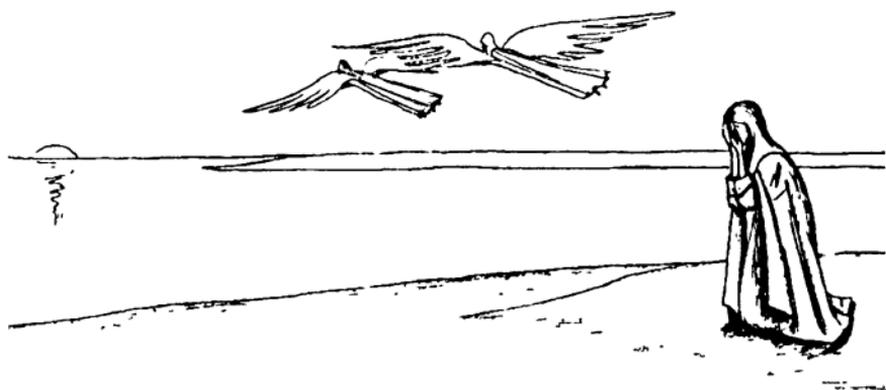
будем ли наследниками его?»». Старец отвечал: «Верую, что буду наследником Горнего Иерусалима, написанного на Небесах, верен бо есть Обещавый (Евр. 10, 23). И почему мне не надеяться? Я был страннолюбив, как Авраам; кроток, как Моисей; свят, как Аарон; терпелив, как Иов; смирен, как Давид; жил в пустыне, как Иоанн; плакал, как Иеремия; был учителен, как Павел; верен, как Петр; мудр, как Соломон. И, как разбойник, верую, что Тот, Который по Своей благодати даровал мне сии дары, дарует и Царствие».

|| Делай Божие дело не так, как нерадиво делают ||
|| его другие. ||

Авва Даниил говорил: «Авва Арсений рассказывал нам будто об ином каком-то человеке — и вероятно, это был он сам — следующее: к одному старцу, когда он сидел в келии своей, был голос: “Иди! Покажу тебе дела человеческие”. Он встал и пошел. Голос привел его в одно место и показал ему эфиоплянина, который рубил дрова и, нарубив большое бремя, хотел нести оное, но не мог; вместо того чтобы убавить из бремени, он опять рубил дрова и подкладывал к бремени и это делал очень долго. Когда старец прошел немного далее, голос

еще показал ему человека, который стоял у колодезя и, черпая из него воду, лил ее в пробитый сосуд, и вода вся опять уходила в колодезь. Потом сказал ему: “Пойди! Покажу тебе еще иное”. И видит старец храм и двух мужей, которые сидели на конях и держали бревно один против другого. Они хотели войти в двери, но не могли, потому что бревно было концами по сторонам дверей, а ни один из них не хотел смириться и стать позади другого, чтобы пронести бревно вдоль, и потому оба оставались за дверьми. “Это,— говорит голос,— те люди, которые как будто бы несут иго правды, но с гордостью, и не хотят смириться и идти путем смирения Христова, почему и остаются вне Царствия Божия. Рубящий же дрова означает человека, обремененного многими грехами, который вместо того, чтобы покаяться в них, прилагает к грехам своим новые беззакония. А черпающий воду изображает такого человека, который хотя делает добрые дела, но примешивает к ним и худые, а через то губит и добрые дела свои. И так всякому человеку надобно бдеть над своими делами, чтобы не напрасно трудиться”».

Авва Иоанн сказывал: «Одному из старцев в восхищении было такое видение: три монаха стояли

на одном берегу моря, и с другого был к ним голос, говорящий: “Возьмите крылья огненные и летите ко мне”. Двое из них взяли и перелетели на другую сторону, а третий остался и горько плакал, и кричал. После и ему даны были крылья, только не огненные, а слабые и бессильные, так что он погружался в море, с трудом опять поднимался и после mnogой скорби достиг другого берега. Так и люди сего века, хотя и берут крылья, но берут крылья не огненные, а только слабые и бессильные».

Авва Исидор Пелусиот говорил: «Многие из людей стремятся к добродетели, но медлят идти путем, ведущим к ней. Другие же и не думают, что́ есть добродетель».

Авва Пимен говорил: «Люди совершенны только на словах, а делают очень мало».

Он же говорил: «Злоба людей скрывается за спиною их».

Брат пришел к авве Илии-молчальнику в монастырь при пещере аввы Саввы и говорит ему: «Дай мне наставление!». Старец отвечал брату: «Во дни отцов наших были три любимые добродетели сии: нестяжание, кротость и воздержание, а ныне преобладают любостяжание, обжорство и дерзость. Избирай, что хочешь».

Не гневайся на брата своего всеу

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду.

Мф. 5, 21—22

Не гневайся на брата своего из-за временного или из любви к земному. Только из святой любви или паче из ревности к славе Божией гневайся на брата.

Помни, что Господь подвергает сѣтный гнев на ближнего, даже и внѣтренний, Страшному Суду.

Авва Пимен сказал: «Бог дал израильтянам закон — воздерживаться от противоестественного, то есть от гнева, ярости, зависти, ненависти, клеветы на брата и прочего, что принадлежит ветхому человеку». Брат спросил авву Пимена: «Что значит гневаться на брата своего всеу?».— «Всеу гневаешься,— отвечал старец,— если гневаешься за всякую обиду, которой обижает тебя брат твой. Даже хотя бы брат выколол у тебя правый глаз или отсек тебе правую руку, и ты стал бы на него гневаться — ты гневался бы на него всеу. Тогда только гневайся на брата, когда он удаляет тебя от Бога».

Мать Синклитикия говорила: «Хорошо не гневаться; но если ты разгневан, то знай, что не к послаблению страсти твоей назначил меру дня сказавший: *солнце да не зайдет в гневе вашем* (Еф. 4, 26). А ты ожидаешь, пока пройдет все это время. Зачем ты ненавидишь оскорбившего тебя человека? Не он оскорбил тебя, а диавол; питай ненависть к болезни, а не к больному».

Авва Макарий говорил: «Если мы будем помнить о зле, какое сделали нам люди,— в нас ослабеет памятование о Боге; если же мы будем помнить о зле, наносимом демонами, будем безопасны от стрел их».

Авва Питирион, ученик аввы Антония, говорил: «Кто хочет изгонять демонов, тот прежде должен покорить себе страсти. Ибо кто преодолет какую-либо страсть — тот выгоняет и беса ее. Например, демон приходит с гневом. Если ты укротил гнев, то и бес гнева выгнан. То же должно сказать и о каждой страсти».

Авва Макарий говорил: «Если ты, делая кому-либо выговор, приходишь в гнев, то удовлетворяешь своей страсти. Таким образом ты, не спасая других, погубишь себя».

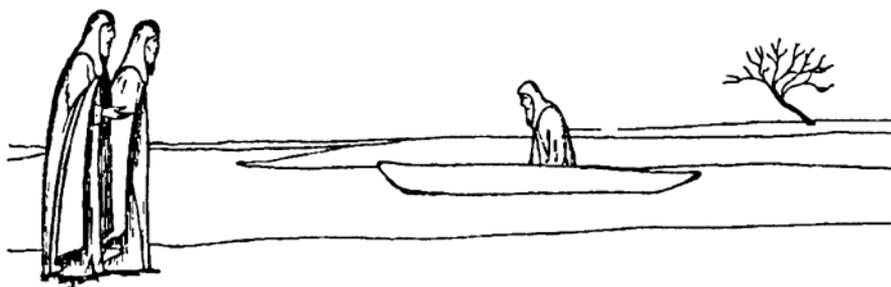
Авва Агафон говорил: «Гневливый человек, хотя бы мертвого воскресил, не будет угоден пред Богом».

Спросили авву Исаию: «Что есть гнев?». Он отвечал: «Ссора, ложь и невежество».

Братия хвалили авве Антонию одного монаха. Когда монах сей пришел, Антоний захотел испытать его, перенесет ли он оскорбление, и увидев, что не переносит, сказал ему: «Ты похож на село, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками».

Однажды братия потерпели оскорбление на месте своего пребывания и, желая оставить сие место, пошли к авве Аммону, а старец в это время плыл куда-то по реке. Увидев, что они идут по берегу реки, он сказал корабельщикам: «Высадите меня на берег», — и, подозвав братьев, сказал им: «Я Аммон, к которому вы идете». Утешив сердца их, он уговорил их воротиться на место, из которого вышли. Ибо случившееся с ними не вредило душе их, но было оскорбление человеческое.

Авва Павел и Тимофей, занимаясь в Скиту мастерством, терпели беспокойство от братии. Однажды Тимофей говорит своему брату: «Чего мы хотим от нашего искусства? Целый день нам нет

покоя». Авва Павел сказал ему в ответ: «Довольно с нас и ночного безмолвия, если только ум наш будет бодрствовать».

Братия аввы Пимена сказали ему: «Пойдем отсюда. Здешние монастыри беспокоят нас, и мы губим души свои. Вот и дети своим плачем не дают нам безмолвствовать». Авва Пимен отвечал им: «Из-за гласов Ангельских хотите вы уйти отсюда!».

Авва Аммон говорил: «Четырнадцать лет провел я в Скиту и молился Богу днем и ночью о том,

чтобы Он даровал мне силу победить гнев». (Пример постоянства в преодолении гнева.)

Авва Исидор рассказывал о себе: «Пошел я однажды на торжище продавать небольшие корзины. Приметив, что меня начинает одолевать гнев, я оставил корзины и убежал».

Авва Иоанн Колов сказывал: «Однажды шел я со своим плетением по скитской дороге и встретился с погонщиком верблюдов. Он своими словами довел меня до гнева, и я убежал, оставив свои корзины».

Во время собрания в Скиту отцы хотели испытать авву Моисея. С презрением к нему они говорили между собою: «Для чего этот эфиоп ходит в наше собрание?». Моисей, услышав это, молчал. Когда братья разошлись, отцы спросили его: «Ужели ты нимало не смутился, авва?». Он отвечал им: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

Авва Кассиан рассказывал: «Авва Иоанн, игумен великой Киновии, пришел к авве Паисию, который сорок лет провел в самой уединенной пустыне. Имея к нему великую любовь и по любви свободу говорить с ним, Иоанн спросил его: “Какой подвиг совершил ты во столько времени в таком уединении, не тревожимый никем?”». Авва

Паисий отвечал: “С тех пор как я уединился, солнце никогда не видало меня за трапезой”. — “А меня не видало во гневе”, — сказал авва Иоанн».

Авва Исидор говорил: «Вот уже сорок лет, как я, хотя ощущаю греховные помыслы, но никогда не предавался ни пожеланиям, ни гневу».

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать? Меня искушает дух блуда и гнева». Старец отвечал: «Давид говорил о себе: “Льва я поражал и медведя умерщвлял (см.: 1 Цар. 17, 35)”, — а это может означать: я истребил гнев и блудный помысл сокрушал трудами».

Рассказывали об авве Агафоне следующее: «Пришли к нему некоторые, услышав о великой его рассудительности. Желая испытать, не рассердится ли он, спрашивают его: “Ты Агафон? Мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец?”. Он отвечал: “Да, это правда”. Они опять спрашивают его: “Ты, Агафон, пустослов и клеветник?”. Он отвечал: “Я”. И еще говорят: “Ты, Агафон, еретик”. Он отвечал: “Нет, я не еретик”. Затем спросили его: “Скажи нам, почему ты на первые вопросы соглашался, а последнего не вынес?”. Он отвечал им: “Первые пороки я признаю за собой: ибо это признание полезно душе моей, а быть

еретиком — значит быть в отлучении от Бога; но быть отлученным от Бога я не хочу”. Услышав сие, они удивились рассудительности его и отошли, получив назидание».

Однажды ученик аввы Силуана Захария, без согласия аввы, вышел из келии и, взяв с собой братию, разломал ограду сада и расширил его. Старец, узнавши об этом, взял свою милоть, вышел из келии и говорит: «Братия, помолитесь обо мне!». Братия, увидев его, пали к ногам его и говорили: «Скажи нам, отец, что с тобою сделалось?». Старец отвечал им: «Я не пойду в келию свою и не скину с себя милоти, пока не переставите ограды на прежнее место». Братия снова разломали ограду и поставили ее на прежнем месте. Тогда старец возвратился в келию свою.

Не злословь брата своего

Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака́», подлежит синедриону; а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной.

Мф. 5, 22

Ни лично, ни заочно не злословь ближнего, не обзывай его словами, сколько ни есть нескромными, непристойными или бесчинными.

Только из святой любви или паче из ревности к славе Божией можешь называть иных бессмысленными, как назвал святой апостол Павел галатов за то, что они дали себя обольстить пагубным учением иудеев.

Помни: злословящий ближнего, если только не заглушил в себе совести, в смущениях ее и сам чувствует живо заслуженную им будущую кару Божию.

Один брат спросил авву Иеракса: «Скажи мне слово, как спастись?». Старец отвечал ему: «Сиди в своей келии; если голоден — ешь, если жаждешь — пей; никого не злословь и спасешься».

Авва Иперехий говорил: «Лучше есть мясо и пить вино, нежели злословием снестать плоть брата своего».

Он же говорил: «Змий изгнал Еву из рая клеветой; посему злословящий ближнего подобен змию. Он губит душу того, кто слушает его; не спасает и своей».

Авва Метефий говорил: «Прежде, когда мы собирались друг к другу и рассуждали о пользе души своей, укрепляя друг друга, мы в стройных хорах восходили на небеса. А ныне, когда собираемся и злословим друг друга, нисходим в ад».

Авва Иперехий говорил: «Кто не удерживает языка своего во время гнева, тот не удержит и своих страстей».

Один брат спросил авву Исидора: «Почему демоны так сильно боятся тебя?».— «Потому,— отвечал старец,— что я стараюсь не допускать гнева до гортани моей».

Спросили авву Исаию: «Что есть злословие?».— Он отвечал: «Неведение славы Божией и ненависть к ближнему».

**Сперва, лично ли или заочно,
примиришь с оскорбленным тобой
братом своим и потом приступай
к Богу с чем-либо Ему благоугодным;
примиришь скорее, дабы смерть
не постигла тебя непримирившимся**

Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришь с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

Мф. 5, 23—26

Помни, что иначе ты найдешь в Боге не Отца милосердного, а только Судью строгого, и когда умрешь (а смерть может неожиданно постигнуть тебя), будет уделом твоим вечная смерть. Судья Бог предаст тебя Своим Ангелам для ввержения тебя в темницу духовную, где ты лишишься света и блаженства.

Авва Ор говорил: «Если ты злословишь брата своего и совесть твоя мучит тебя, то пойдй, поклонись ему и скажи: “Я злословил тебя”, — и уверь брата, что не будешь более оскорблять его. Злословие есть смерть души».

Авва Витимий спросил авву Пимена: «Если кто будет иметь на меня вражду, и я попрошу у него прощения, а он не простит меня — что мне тогда делать?».— «Возьми с собой двух братьев, — отвечал старец, — и проси у него прощения. Если опять не простит, возьми других пять; если и при сих не простит, возьми священника. А если и тогда не простит, молись спокойно Богу, да Сам Он вразумит его, а ты не заботься».

Авва Агафон говорил: «Я никогда не ложился спать, имея что-либо против другого, и сколько мог не допускал также, чтобы кто-либо отходил ко сну, имея что-нибудь против меня».

Авва Исаак говорил: «Никогда не вносил я в келию мою помысла против брата, который оскорбил меня; также старался не оставлять брата в келии его с помыслом против меня».

Не любодействуй и душой своей, не только телом

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

Мф. 5, 27—30

Всяким хранением блюди от блуда не одно только тело свое, но и сердце. Если же соблазняет тебя глаз твой, то твердо решишь не смотреть на лицо и предмет соблазняющие.

Авва Пимен говорил: «Как царский оруженосец всегда стоит пред царем в готовности, так и душа должна быть всегда готова против демона блуда».

Авва Матой рассказывал: «Пришел ко мне брат и говорил, что злословие хуже блуда. Я отвечал ему: “Жестоко слово твое”. Брат говорит мне: “А для тебя как кажется это дело?”».

Я сказал ему: «Хотя злословие худо, но оно скоро врачуется. Часто злословящий раскаивается и говорит: худо говорил я. Но прелюбодеяние по естеству своему есть уже смерть»».

Авва Геронтий Петрский говорил: «Многие, искушаемые плотскими удовольствиями, не совокупляясь телесно, блудодействовали мыслью и, сохраняя девство тела, блудодействуют душой. Итак, хорошо, возлюбленные, исполнять слово Писания, и *всяцем хранением блюди твое сердце* (Притч. 4, 23)».

Мать Синклитикия говорила: «Мы, принявшие на себя такой обет, должны сохранять целомудрие совершеннейшее. И у мирян, по-видимому, есть целомудрие, но вместе есть и нецеломудрие; потому что они грешат всеми прочими чувствами: они и смотрят нескромно, и смеются бесчинно».

Некто спросил авву Кира о блудном помысле. Он отвечал: «Если у тебя нет помысла, то нет и упования. Если нет помыслов, то есть дело. Это значит: кто не борется с грехом в уме и не восстает против него, тот совершает его телом. Кто имеет дело, на того не нападают помыслы». При этом старец спросил брата: «Не имеешь ли ты привычки беседовать с женщиной?».— «Нет,—

отвечал брат, — но мне приходят на мысль древние и новые живописцы. Памятники и изображения женщин возмущают меня». Старец сказал ему: «Мертвых не бойся, но бегай живых и чаще упражняйся в молитве».

Брат просил авву Матоя: «Дай мне наставление». Авва Матой между другими наставлениями сказал ему: «Не имей дружбы с отроком, не знайся с женщиной, не дружись с еретиком».

Один брат просил авву Даниила: «Дай мне одну какую-нибудь заповедь, и я буду соблюдать ее». Авва говорит ему: «Никогда не опускай руки своей в блюдо вместе с женщиной и не ешь с ней. Через это ты несколько убежишь от демона блуда».

Авва Феодор Фермейский говорил: «Не ложись спать там, где есть женщина».

Ученик аввы Сисоя говорил ему: «Отец! Ты уже состарился: пойдем наконец в селение». — «Пойдем туда, — сказал ему старец, — где нет женщины». — «Где ж нет женщины, кроме пустыни?» — отвечал ему ученик. «Веди ж меня в пустыню», — сказал старец.

Некогда во время пребывания аввы Арсения в Канопе одна весьма богатая и богобоязненная

девица, из сенаторского рода, пришла из Рима видеть его. Архиепископ Феофил принял ее. Она просила архиепископа убедить старца, чтобы он принял ее. Архиепископ пошел к авве Арсению и просил его, говоря: «Такая-то девица сенаторского рода желает видеть тебя». Но старец не согласился выйти к ней. Когда сказали об этом девице, она приказала запрягать ослов, говоря: «Я надеюсь на Бога, что увижу старца, ибо я пришла видеть не человека. Людей много у нас и в городе, но я пришла видеть пророка». Когда она достигла келии старца, случилось, по устроению Божию, быть ему вне келии. Увидев старца, девица пала к ногам его. Но он поднял ее с гневом и, смотря на нее, сказал: «Если хочешь видеть лицо мое, то вот, смотри!». Девица от стыда не взглянула на лицо его. Старец говорит ей: «Разве не слышала ты о делах моих? На них должно смотреть. Как ты решилась плыть так далеко? Разве не знаешь ты, что ты женщина, что тебе никогда не должно никуда выходить? Или ты для того пришла, чтобы по возвращении в Рим сказать другим женщинам: “Я видела Арсения”, — и море сделается путем женщин, идущих ко мне?». Девица отвечала:

«Если Богу будет угодно, я не допущу ни одну женщину прийти сюда; но ты молись о мне и поминай меня всегда!». Старец в ответ сказал ей: «Буду молиться Господу, чтобы из сердца моего Он изгнал память о тебе». Услышав сие, она пошла в смущении и по возвращении в город от печали впала в горячку. О болезни ее сказали блаженному архиепископу Феофилу. Он пришел к ней и просил ее сказать, что с нею случилось. Девица отвечала: «Лучше бы никогда не приходиться мне сюда! Я сказала старцу: “Помни обо мне”, — а он отвечал: “Буду молиться Богу, чтобы изгладилась из сердца моего память о тебе”, — и вот я умираю от печали». Архиепископ сказал ей: «Или не знаешь, что ты женщина и что чрез женщин враг воюет на святых? Потому так и отвечал тебе старец, а о душе твоей он будет всегда молиться». Таким образом, успокоилась девица в мыслях, и с радостью отправилась в отечество.

Авва Пимен говорил: «Если кто живет вместе с отроком и увлекается им к какой-нибудь страсти ветхого человека, но, несмотря на то, не удаляет его от себя, то он похож на господина, который владеет полем, пожираемым червями».

Авва Исаак, пресвитер из Келлий, говорил братьям: «Не приводите сюда детей! От них опустели в Скиту четыре церкви».

Авва Макарий говорил братьям о запусении Скита: «Когда увидите келию, построенную близ озера, то знайте, что близко запусение Скита. Когда же увидите деревья — оно у дверей; когда же увидите отроков — берите свои милоти и удаляйтесь».

Авва Евдемон рассказывал об авве Пафнутии, отце Скита: «Еще будучи юношей, приходил я к нему в Скит; но он не позволял мне там оставаться, говоря: “При себе никак не позволю жить в Скиту женскому лицу, дабы враг не напал”».

Авва Макарий говорил: «Не спи в келии брата, о котором идет худая молва».

Авва Пимен говорил: «Что касается до блуда и злоречия, то человеку совсем не должно говорить о сих помыслах и даже не думать о них в сердце своем. Ибо, если кто захочет внимательно рассуждать о них в сердце своем, не получит пользы; а будет иметь покой, если станет удаляться их».

Авва Фока рассказывал: «Авва Иаков, придя в Скит, сильно был искушаем от демона блуда, и, находясь близ опасности, пришел он ко мне и

открыл мне свое состояние. Потом сказал: “Через два дня я уйду в такую-то пещеру (для поста); прошу тебя, ради Господа, никому об этом не рассказывай, даже отцу моему; но отсчитай сорок дней и по прошествии их, сделай милость, приди ко мне и принеси с собой Святое Причастие. Если найдешь меня мертвым, похорони меня; а если живым, то приобщи Святых Таин”. Я обещался и, когда прошло сорок дней, взяв Святое Причастие, также обыкновенный чистый хлеб и немного вина, я пошел к нему. Приближаясь к пещере, почувствовал я сильный дурной запах, который выходил из пещеры, и сказал сам себе: “Почил блаженный!”. Войдя в пещеру, нашел его полумертвым; а он, заметив меня, собрал все силы и сделал небольшое движение правой рукой, напомнив сим движением руки о Святом Причастии. Я сказал ему: “Имею”. Хотел я открыть уста его, но они были крепко сжаты. Не зная, что делать, вышел я в пустыню и сорвал с куста небольшую ветку. Ею с большим трудом едва мог я несколько открыть уста его и приобщил его Честнаго Тела и Крови, раздробляя первое сколько можно мельче. От приобщения Святых Таин авва Иаков получил силу. Немного

спустя дал я ему несколько крошек обыкновенного хлеба, размочив их в вине; потом еще немного, сколько мог он принять. Таким образом, по благодати Божией, через день он пошел со мной, пришел в свою келию и с того времени, при помощи Божией, освободился от пагубной страсти блуда».

Бойтесь, соединенные браком, незаконного развода.

Помните, что Господь запретил развод от начала создания (с.м.: Мф. 19, 8), и яко всяк, отпущаяй жену свою, разве словесе любодейного, творит ю прелюбодействовати; и иже пущеницу поймет, прелюбодействует (Мф. 5, 32).

Избегай в обыкновенных разговорах своих божбы и клятвы, хотя бы ты и правду говорил

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

Мф. 5, 33—37

Без всякой причины не клянись небом — оно есть Престол Божий, ни землей — она есть подножие ног Его, ни святыней какой-либо, ни своей главой — она есть премудрое создание Божие. Помни: клятва или клятва, в обыкновенных разговорах употребляемая, происходит от неимения надлежащего страха Божия. Произноси имя Божие благоговейно, трепетно.

Авва Нистерой Великий говорил: «Христианину должны быть чужды клятва и клятвопреступление».

Некто из отцов спросил авву Пимена: «Кто это говорит: *Причастник аз емь всем боящимся Тебе (Пс. 118, 63)?*». — «Это говорит Дух Святой», — отвечал старец.

Об авве Оре сказывали, что он никогда не лгал и не божился, никому не желал зла и без крайней нужды не говорил.

Злу не противься злом, не воздавай злом за зло

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

Мф. 5, 38—39

Не мсти за обиду, ни сам лично, ни через других, например, посредством суда.

Помни, что досадители Царствия Божия не наследуют (с.м.: 1 Кор. 6, 10).

Авва Иоанн Колов говорил: «Если бесчестят тебя, не гневайся, будь миролюбивым и не воздавай злом за зло».

Брат спросил авву Пимена: «Что значит воздавать злом за зло?». Старец сказал: «Сия страсть обнаруживается четверояким образом: во-первых, в сердце, во-вторых, во взорах, в-третьих, на языке и, в-четвертых, в самом делании зла за зло. Если можешь очистить свое сердце, то зло не обнаружится во взорах; если же обнаружится во взорах, то берегись, чтобы не высказать зла; если же выскажешь, то скорее подави страсть, чтобы не сделать зла за зло».

Авва Исаия говорил: «Когда кто хочет воздать злом за зло, то и одним мановением может оскорбить совесть брата».

Авва Пимен говорил: «*Болиши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13). Если кто услышит худое, то есть обидное слово, и хотя может сам отвечать подобным словом, но преодолает себя и не скажет; или если кто, будучи обманут, перенесет это и не станет мстить обманщику, тот полагает душу свою за ближнего».

Авва Нил говорил: «Что ни сделаешь ты в отмщение брату, который оскорбил тебя, все это будет на сердце у тебя во время молитвы».

Авва Форт говорил: «Пребывающие в Боге должны быть так благочестивы, что не должны и думать о какой-нибудь обиде, хотя бы тысячу раз случилось им быть обиженными».

Один брат, обиженный другим, пришел к авве Сисою и говорит ему: «Такой-то брат обидел меня! Хочу отомстить за себя». Старец увещевал его и говорил: «Не мсти ему, сын мой, а лучше предоставь Богу дело отмщения». Брат сказал: «Не успокоюсь, пока не отомщу за себя». Тогда старец сказал: «Помолимся, брат!». Вставши, он так молился: «Боже! Мы не имеем более нужды в Твоем попечении о нас: мы сами хотим мстить за себя». Брат, услышав сие, пал к ногам старца и

сказал: «Не хочу более судиться с братом; прости меня, авва!».

Один старец пришел к авве Ахиле и видит: авва изо рта своего выбрасывает кровь. Старец спросил его: «Отец, что это такое?» Ахила отвечал: «Это — слово брата, оскорбившего меня; я старался ничего не говорить ему; молил Бога, чтобы слово оскорбления было взято у меня. И слово в устах моих сделалось подобно крови. Я выплюнул его и стал спокоен, забыв оскорбление».

За зло плати добром, побеждай благим злое.

Тебя обижают другие, а ты терпи; тебя обижают, а ты сожалей о них, что грешат; тебя обижают, а ты мысли о благе их, нельзя ли их как сделать добрыми, и подавай им добрый пример словом и делом.

Авва Пимен говорил: «Зло никаким образом не истребляет зла; а потому ежели кто сделает тебе зло, ты делай ему добро, дабы добром истребить зло».

Мать Феодора спросила папу Феофила (название папы часто усвоялось Александрийским епископам как почетный титул): «Что значит изречение Апостола: *время испупующе* (Кол. 4, 5)?». Он отвечал ей: «Слова Апостола указывают на

прибыль: тебе, например, предстоит время поношения? Искупи ты время поношения смирением и долготерпением и так извлеки для себя прибыль. Предстоит тебе время бесчестия? Опять искупи сие время терпением и получишь прибыль. Таким образом, если захотим мы, все неприятные действия будут служить нам в пользу».

Мать Феодора рассказывала: «Один благочестивый муж терпел от кого-то ругательство. Он говорит ругателю: “Мог бы я отвечать тебе подобным, но закон Божий заграждает уста мои”».

Брат, отправляясь на торг, спросил авву Пимена: «Что ты посоветуешь мне делать?».— «Будь другом того, кто тебя обидит,— отвечал ему старец,— и спокойно продавай свои вещи».

На Горе Афонской жил великий молчальник. Однажды напали на него разбойники. Старец закричал. Соседи его, услышав крик, схватили разбойников и отослали к правителю; сей посадил их в темницу. Но братья опечалились и говорили: «Разбойники преданы из-за нас». Пошли они к авве Пимену и рассказали ему о случившемся. Авва написал к старцу такое письмо: «Размысли, откуда произошло первое предательство,— тогда увидишь, откуда и второе.

Если бы прежде не было в тебе предательства внутреннего, то не сделал бы ты и второго». Выслушав это письмо аввы Пимена, старец, который был славен во всей той стране и никогда не выходил из своей келии, встал, пошел в город, вывел из темницы разбойников и перед всеми освободил их.

Авва Римлянин рассказывал: «Один старец имел у себя доброго ученика, но по своему малодушию выгнал его из келии и выбросил ему милоть. Брат не отходил от келии и сидел за дверью. Старец, отворив дверь и найдя его сидящим тут, поклонился ему и сказал: “Отец мой! Долготерпеливое смирение твое победило мое малодушие. Войди сюда и отныне ты будешь старшим и отцом, а я младшим и учеником”».

Сказывали об авве Иоанне Персиянине: когда приступили к нему злодеи, он принес умывальницу и просил позволить обмыть им ноги. Пристыженные сим злодеи начали просить у него прощения.

Пошел однажды авва Ксанфий из Скита в Теренуф. Там, где он остановился, ради трудного подвига его принесли ему немного вина. Некоторые же, услышав о нем, привели к нему

бесноватого. Демон начал поносить старца: «К этому винопийце вы привели меня?» — говорил он. Старец не хотел изгонять демона. Но за поношение его сказал ему: «Верую Христу, что я не успею выпить чаши сей, как ты выйдешь». И только что старец начал пить, демон вскричал: «Ты жжешь меня, жжешь меня!». И старец еще не кончил чаши, как демон вышел по действию благодати Христовой.

Когда увидишь, что обидчика можно исправить или сделать добрым посредством одного лишь наказания его, что без сего он сделается еще худшим и будет делать другим вред, то из любви к нему и другим делай ему добро посредством наказания его, но не без совета, чтобы после не расквкаться в неудаче.

Авва Даниил рассказывал: «Когда авва Арсений жил в Скиту, был там монах, который воровал у старцев корзины. Авва Арсений взял его к себе в келию, желая исправить его и успокоить старцев. Говорит он монаху: “Чего ты ни захочешь, я все тебе дам; только не воруй”. И дал ему золота, денег, одежду и все, что нужно было для него. Но монах ушел от него и опять начал воровать. Старцы, видя, что он не перестал воровать, выгнали его. Они

говорили: “Если найдется брат, который имеет грехи слабости, такого должно терпеть. Но если он будет воровать, то изгоните его, ибо он и душу свою губит, и беспокоит всех живущих с ним”».

Плати за зло добром так, что если кто тебя ударит в правую щеку, обрати ему и другую.

Осрамит тебя или унижит кто-либо, ты, настроенный мыслью быть полезным ближнему, обращай грешника от заблуждения пути его, подай новый добрый пример смирения и унижения себя словом или делом.

Авва Иоанн сидел однажды против церкви; братья окружили его и спрашивали о своих помыслах. Один из старцев увидел это и, искушаемый завистью, говорит ему: «Сосуд у тебя, Иоанн, полон яда». — «Да, авва, — отвечает ему Иоанн, — и ты сказал это, видя одну только наружность, а что бы сказал ты, если бы увидел внутренность».

Авва Даниил рассказывал: «В Вавилоне у одного знатного человека была дочь, одержимая бесом. Отец ее любил одного монаха. Тот сказал ему: “Никто не может исцелить дочь твою, кроме пустынников, которых я знаю; но если ты будешь просить их, они не захотят этого сделать по своему смирению. А вот что мы сделаем: когда они придут

на рынок, вы притворитесь, будто хотите купить у них корзины; и как придут получать деньги за них, то мы скажем им, чтобы они сотворили молитву, и надеюсь, что дочь твоя выздоровеет”. И так они пошли на рынок и нашли одного из учеников сих старцев, который сидел и продавал их корзины. Взяли его с корзинами к себе, будто для того, чтобы отдать ему деньги за них. Когда монах вошел в дом, пришла бесноватая и дала ему пощечину. Монах, по заповеди Господа, обратил и другую ланиту. Демон, мучимый сим, вскричал: “Какая сила! Заповедь Иисуса изгоняет меня”. Девица тотчас исцелилась. Когда же пришли старцы, им рассказали о случившемся. Они прославили Бога и говорили: “Гордость диавола обыкновенно низлагается смирением, по заповеди Христовой”».

Пришли к авве Антонию братья и говорят ему: «Дай нам наставление: как спастись?». Старец отвечал им: «Вы слышали Писание? И сего довольно для вас». Но они сказали ему: «Мы и от тебя, отец, хотим что-нибудь услышать». Тогда старец сказал им: «В Евангелии сказано: *еще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39)». Они говорят ему: «Мы не можем сего сделать». Старец отвечает: «Если вы не може-

те подставлять другой, по крайней мере переносите удар в одну». — «И этого не можем», — говорят они. «Если и этого не можете, — отвечал старец, — по крайней мере не платите ударом за удар». Братия сказали: «И сего не можем». Тогда старец сказал ученику своему: «Приготовь им немного кашицы: они больны. Если вы одного не можете, а другого не хотите, то что я вам сделаю? Нужно молиться».

**Плати за зло добром так,
что хотящему судиться с тобой
отдай более, чем он хочет**

И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Мф. 5, 40

Хочет взять силою у тебя твое имущество кто-либо; ты, настроенный мыслью быть полезным ближнему, обращать грешника от заблуждения пути его, подай ему добрый пример беспристрастия к временному имуществу, отдай ему, чего он хочет, и отдай более, нежели хочет (если только сие не вредно для других), и отдай ему даже свою последнюю рубашку, когда увидишь, что твой добрый пример беспристрастия к временному спасет душу грешника от смерти или может быть полезен множеству грешников.

Рассказывали об авве Макарии. В отсутствие его вошел к нему в келию разбойник. Макарий, возвратившись в келию, застал разбойника, который навьючивал на своего верблюда вещи его. Макарий вошел в келию, взял еще несколько вещей и вместе с разбойником клал их на верблюда. Когда же они навьючили, разбойник начал бить верблюда, побуждая встать, но верблюд не подымался.

Авва Макарий, видя, что верблюд не встает, вошел в свою келию, нашел там маленький земледельческий инструмент, вынес его и, кладя на верблюда, сказал: «Брат! Вот чего дожидался верблюд!». Потом, ударив верблюда ногой, сказал: «Встань!». Верблюд, по слову святого, тотчас встал и немного отошел. Потом опять лег и уже не вставал до тех пор, пока не сняли с него всех вещей. Тогда пошел он.

Однажды воры грабили авву Евпрепия, он вместе с ними выносил свои вещи. Когда воры унесли все его имущество, но оставили свою палку, авва Евпрепий, увидев палку, опечалился и, взявши ее, побежал за ворами, желая отдать им палку. Когда же воры не хотели взять, опасаясь, чтобы чего не случилось, авва Евпрепий, встретившись с какими-то людьми, которые шли по той же дороге, упросил их отдать палку.

Авва Спиридон, пастырь овец, столь был свят, что удостоился быть пастырем людей; ибо в одном из кипрских городов, именно в Тримифунте, он избран был в епископы. Но по великому смирению своему, он, будучи епископом, пас овец. Однажды в полночь воры тайно подошли к овчарне, чтобы украсть овец. Но Бог, хранящий пастыря, сохранил и овец. Воры невидимой силой были связаны у овчарни. На рассвете пришел к овцам пастырь и, увидев воров со

связанными сзади руками, узнал о случившемся. Сотворив молитву, авва Спиридон развязал воров. Потом долго убеждал и увещевал их, чтобы старались жить лучше честными трудами, чем воровством, и, подарив им одну овцу, отпустил их, сказав с любовью: «Чтобы не подумали, что вы даром стерегли овчарню».

Рассказывали об авве Геласии. Имел он книгу в коже, стоящую восемнадцать златников, в которой написан был весь Ветхий и Новый Завет. Книга лежала в церкви, чтобы мог читать ее всякий желающий из братий. Один брат, странник, пришел посетить старца и, увидав книгу, покусился на нее. Он украл ее и ушел. Старец, хотя и узнал об этом, не погнался за братом, чтобы взять его. Брат пришел в город и искал, кому бы продать книгу; и когда нашел человека, желающего купить ее, назначил ей цену в шестнадцать златников. Желавший купить сказал брату: «Дай мне прежде ее, я узнаю о ней и тогда отдам тебе эту цену». Брат отдал книгу. Тот, взяв ее, пришел к авве Геласию показать ему и сказал о цене, какую назначил продавец. Старец говорит ему: «Она хороша и стоит назначенной цены». Но покупавший, возвратясь, сказал продавцу иначе, а не так, как говорил старец.

«Вот я,— сказал он,— показывал ее авве Геласию, и он сказал мне: книга дорога; она не стоит назначенной тобой цены». Брат, услышав это, спросил: «Ничего тебе еще не говорил старец?».— «Ничего»,— отвечал тот. Тогда брат сказал: «Теперь уже не хочу продавать книгу». Мучимый совестью, он пошел к старцу, признался ему и просил его взять книгу назад, но старец не хотел брать. Тогда брат говорит ему: «Если ты не возьмешь ее, я не буду иметь покоя». Старец отвечал: «Если не можешь быть покойным, то я беру книгу». Брат, получив назидание от поступка старца, жил с ним до самой кончины своей.

Пришли некогда к авве Феодору три разбойника: двое держали его, а третий выносил пожитки его. Вынеся книги, разбойник хотел взять и левитон. Тогда старец говорит ему: «Это оставьте». Они не хотели. Старец, двинув своими руками, отбросил двух первых. Разбойники, увидев это, пришли в страх. Старец же говорит им: «Не бойтесь ничего, разделите все это на четыре части и возьмите три себе, а одну оставьте мне». Так они и сделали. На его долю достался и левитон, который он надевал в церковь.

Плати за зло добром так, что если кто тебя принуждает потрудиться, сделай для него больше, чем принуждает

И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Мф. 5, 41

Силой принудит тебя кто-либо для него трудиться, ты, настроенный мыслью быть полезным ближнему, обращай грешника от заблуждения пути его, подай ему добрый пример заповеданной любви к собратиям: с любовью потрудись в том деле, к которому он тебя принудит, и потрудись больше, чем сколько принудит (если только сие не вредно для других), и жизнь свою положи для него, когда увидишь, что сим спасаешь душу грешника от смерти или будешь полезен множеству грешников.

Авва Макарий рассказывал о себе: «Когда я был молод и жил в келии в Египте, взяли меня и сделали клириком в селе. Не желая быть клириком, я убежал в другое место. Сюда ходил ко мне благочестивый мирянин, брал мое рукоделие и доставлял мне нужное. По искушению диавольскому, одна девица в селе том впала в любодеяние. Когда она зачала во чреве, спрашивали ее:

“Кто виновник сего?” . Она отвечала: “Отшельник”. Тогда пришли и взяли меня в село, навесили мне на шею закопченных горшков и ручек от посуды и водили меня по улице, били и кричали: “Этот монах растлил нашу девицу; возьмите его, возьмите!” — и избili меня едва не до смерти. Подошел один старик и сказал: “Долго ли вам бить сего монаха-странника?”. А мирянин, служивший мне, шел за мной весь в стыде; и его много ругали, говоря: “Вот отшельник, которого ты хвалил! Что он сделал!”. А родители девицы говорили: “Мы не отпустим его, пока не представит нам поручителя, что будет кормить ее”. Я попросил служившего мне мирянина, и он поручился за меня. Возвратившись в свою келию, я отдал ему корзины, сколько имел их, и сказал: “Продай и отдай жене моей на пропитание”. И говорил самому себе: “Макарий! Вот нашел ты себе жену, теперь тебе надобно немного побольше работать, чтобы кормить ее”. Работал я день и ночь и посылал ей. Когда же пришло время родить несчастной, то она много дней мучилась и не могла родить. Говорят ей: “Что это значит?”. — “Знаю я, — отвечала она, — я оклеветала отшельника, я ложно обвинила его. Не он

сделал это, а такой-то юноша!». Тогда служивший мне мирянин пришел ко мне с радостью и сказал: “Та девица не могла родить, пока не призналась, что отшельник не виноват и что она солгала на тебя. И вот все село с почестью хочет идти сюда и просить у тебя прощения”. Услышав о сем и убегая беспокойства от людей, я встал и убежал сюда, в Скит. Вот первая причина, по которой я пришел сюда».

Просящему у тебя дай и хотящему
у тебя взять займы не откажи

Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Мф. 5, 42

Взаим давай и тем, от коих не надеешься получить обратно, ничесоже чакуще (ср.: Лк. 6, 33—35). ||

Однажды авва Агафон шел в город для продажи небольших сосудов и находит на дороге прокаженного. Прокаженный спрашивает его: «Куда идешь?». Авва Агафон отвечает ему: «В город, продавать сосуды». Прокаженный сказал ему: «Сделай милость снеси и меня туда!». Старец поднял его и принес в город. Больной сказал: «Положи меня там, где ты будешь продавать сосуды». Старец сделал так. Когда он продал один сосуд, прокаженный спросил его: «За сколько продал ты?». — «За столько-то», — отвечал старец. Больной сказал: «Купи мне пирог». Старец купил. Потом продал другой сосуд. Больной опять спросил: «Этот за сколько?». — «За столько-то», — отвечал Агафон. Больной сказал: «Купи

мне такой же пирог». Авва Агафон купил. Наконец, когда старец продал все сосуды и хотел идти назад, прокаженный спросил: «Ты идешь?».— «Да»,— отвечал старец. Больной сказал ему: «Сделай милость, отнеси меня опять туда, где взял». Старец взял его и отнес на прежнее место его. И говорит ему тогда прокаженный: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле!». Агафон посмотрел — но уже никого не видел, ибо это был Ангел Господень, пришедший испытать его.

Один брат, увидев, что авва Нистерой носил на себе две верхние одежды, спросил его: «Если придет нищий и попросит у тебя одежды, то какую ты отдашь ему?». Старец отвечал: «Лучшую». Брат опять спросил: «А если другой попросит у тебя, тому что дашь?». Старец сказал: «Половину другой одежды». Брат еще спросил: «А если кто еще попросит у тебя, ему что дашь?». Старец сказал: «Раздеру остальное и дам ему половину, а из другой половины сделаю себе опоясание». Наконец брат спросил: «Если кто попросит у тебя и опоясание, тогда что сделаешь?». Старец говорит: «Отдам ему остальное, а сам

пойду куда-нибудь и буду дожидаться, пока Бог пошлет мне одежду и прикроет меня, а у другого ни у кого не попрошу».

Некто из отцов рассказывал об авве Иоанне Персиянине: «Однажды занял он у брата златницу и купил льна для работы. Один брат пришел к нему с просьбой и говорит: “Дай мне, авва, немного льна, и я сделаю себе левитон”. Авва дал ему с радостью. Также пришел и другой брат и просил у него: “Дай мне несколько льна; я сделаю себе полотенце”. Старец равно дал и этому. И кто только ни просил у него, всем одинаково давал с радостью».

Благочестивый Пиор работал у кого-то во время жатвы и по окончании работы напомнил хозяину о плате. Но тот отложил плату до времени, и авва возвратился в монастырь. В другой раз, когда настало время жатвы, авва жал у него и работал весьма усердно, но опять, ничего не получив, возвратился в монастырь. Также и в третье лето, старец, окончив обычную работу у того же человека, ушел от него без всякой платы. Но когда Господь благословил дом того человека, у которого работал Пиор, хозяин взял плату

за работу и ходил по монастырям, ища святого. Как скоро нашел его, упал к ногам его и, отдавая плату, говорил: «Господь ущедрил меня». Старец велел отдать принесенное в церковь пресвитеру.

Достойно было удивления в авве Персиянине, что если кто приходил к нему взять что-нибудь в долг, он не сам давал из своих рук, а говорил брату: «Пойди, возьми себе, что нужно». Когда взявший приносил долг, то старец говорил: «Положи это опять на свое место». Если же не приносил, то старец и не напоминал ему о том.

**Люби врагов своих,
благословляй клянущих тебя,
делай добро ненавидящим тебя
и молись за обижающих тебя**

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Мф. 5, 43—48

Люби искренно врагов своих и доказывай любовь к ним соболезнованием о их несчастьях и деланием им всякого добра.

Помни, что если будешь делать добро только любящим тебя, то Бог не будет милостив к тебе, ты лишишься благодати Его; ибо и язычники, и грешники любят любящих их.

Рассказывал об авве Мотии ученик его авва Исаак. Старец построил сперва монастырь в

Гераклее. Удалившись отсюда, пришел он в другое место и там построил еще монастырь. Но, по действию диавола, нашелся тут один брат, который враждовал на старца и оскорблял его. Старец встал и ушел в свое село, построил себе там еще монастырь и заключился в нем. Спустя несколько времени пришли к нему старцы того монастыря, из которого он удалился, взяли с собой и брата, который огорчал его, пошли с тем, чтобы просить его возвратиться в их обитель. Когда они пришли к тому месту, где жил авва Сорий, оставили близ одного свои милоти и брата, который огорчал старца. Как скоро они постучались, старец приставил небольшую лестницу, начал всматриваться, узнал их и спрашивает: «Где же ваши милоти?». Они отвечали: «Вон там-то и с таким-то братом». Старец, услышав имя брата, который оскорблял его, обрадовался, взял топор, разломал двери и побежал туда, где был брат, первый поклонился ему, обнял его и привел в свою келию. Целые три дня он делал им утешение и сам разрешил (себя от поста) с ними, чего прежде по обыкновению своему не делал. Наконец, встав, отправился с ними в монастырь. После того он был епископом.

**Когда творишь милостыню,
не желай себе за сие славы от людей
и сам не хвали себя в душе своей
за милостыню, не любуйся ею
как своим будто собственным
делом или произведением**

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. 6, 1—4

Помни, что если будешь творить милостыню ради славы земной, то и получишь сию славу, а от Бога награды лишишься. Будешь скрывать милостыню свою от славы человеческой, прославишься от Бога.

Авва Форт не от всех принимал подаяние, хотя лежал на одре болезни. «Если кто принесет мне что-нибудь для меня,— говорил он,— а не для Бога, то мне нечем заплатить ему, и от Бога он не

получит награды, потому что принес не для Бога, а таким образом принесшему делается обида».

Авва Феона, когда попросили у него бедные, отдал им хлебы, корзины и одежду, которую носил, и при всем том осуждал себя за то, что не исполнил заповеди Божией.

Авва Епифаний говорил: «Когда человек по бедности или для прибытка занимает у другого, то возвращая, хотя и изъявляет благодарность, но возвращает долг тайно, как бы со стыдом. А Владыка Бог, напротив, взаим берет втайне, а воздает пред Ангелами, Архангелами и праведниками».

**Когда совершаешь молитву,
не желай за сие славы от людей
и не развлекайся помыслами
о чем бы то ни было стороннем**

И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. 6, 5—6

Помни, что если будешь молиться ради славы земной, то и получишь сию славу, а от Бога награды лишишься. Будешь скрываться от славы человеческой и не развлекаться какими-либо сторонними мыслями во время молитвы, прославишься от Бога.

Один брат спросил авву Пимена: «Как должно мне жить в келии?». Старец сказал: «Жить в келии со внешней стороны — значит иметь рукоделие, есть однажды в день, молчать и быть рачительным; а со внутренней стороны — для келейного преуспевания надобно везде, где бы ни случилось быть тебе, подавлять в себе недовольство, и не

опускать часов общественной службы и келейных молитв. Если иногда случится тебе быть без рукоделия, то иди к службе и молись без рассеяния. Особенно держись доброго сообщества и удаляйся от сообщества худого».

Авва Евагрий говорил: «Много значит молиться без развлечения, а еще более петь без развлечения».

Авва Даниил сказывал, что авва Арсений, когда приходил по временам в церковь, становился за столбом, чтобы никто не видал лица его и чтобы самому также не смотреть на других.

Молясь, не многословь

А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Мф. 6, 7—8

Молись много и долго, а духом непрестанно молись; но молясь, не рассеивайся в выражениях много-различных желаний временного и земного. Проси у Бога того, чего Он Сам как нужного и полезного для нас заповедует нам просить у Него, и проси не столько гласом уст своих, сколько гласом сердца, любящего, верующего, уповающего, во всем преданного.

Авва Нил говорил: «Если ты хочешь молиться, как должно, не огорчай свою душу, иначе напрасно будешь подвизаться».

Некоторые просили авву Макария: «Как нам должно молиться?». Старец отвечал им: «Не нужно многословить, но должно воздеть руки, и говорить: “Господи! Как Тебе угодно и как знаешь, помилуй!” . Если же нападает искушение: “Господи! Помоги!” . Он знает, что нам полезно, и поступает с нами милосердо».

Авва Нил говорил: «Желай, чтобы с тобой сбывалось не то, чего хочется, но что Богу угодно, и тогда ты будешь спокоен и благодарен в молитве своей».

Рассказывали об авве Аммоне: пошел он однажды в пустыню почерпнуть из колодца воды и, увидев василиска, пал на лице свое и сказал: «Господи! Или я должен умереть, или он». И действием силы Христовой василиск тотчас расторгся.

Авва Елифаний говорил: «Женщина хананейская кричит и услышана (см.: Мф. 15, 22–28); кровоточивая молчит и ублажается (см.: Мф. 9, 20–22); фарисей взывает и осуждается, а мытарь едва отверзает уста свои и — услышан (см.: Лк. 18, 11–14)».

Молись молитвою Господней, которую Он даровал нам в образец всех прочих молитв

Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Мф. 6, 9—15

Молись так: Отче наш, Иже еси на небесах, да святится имя Твое: — и во мне, и в других, в сердце, в помышлениях, в делах; да придет Царствие Твое: — царство благодати и царство славы для меня и других; да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли: — на всей земле во всем, всегда и везде, а не воля наша, человеческая, греховная и развращенная, и как исполняется на небе точно и скоро, так да будет и на земле исполняема мною и другими; хлеб наш насущный даждь нам днесь: — хлеб духовный — Божие слово и Господни Тело и Кровь для сохранения существования жизни духовной и

ХЛЕБ ТЕЛЕСНЫЙ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЖИЗНИ ТЕЛЕСНОЙ; И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША, ЯКО И МЫ ОСТАВЛЯЕМ ДОЛЖНИКОМ НАШИМ: — ГРЕХИ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТПУЩЕНИЯ, — С ТАКИМ МИРОМ И ЛЮБОВЬЮ КО ВСЕМ И К САМЫМ ВРАГАМ МОЛИСЬ, ЧТОБЫ БЫТЬ УСЛЫШАНЫМ, АЩЕ БО ОТПУЩАЕТЕ ЧЕЛОВЕКОМ СОГРЕШЕНИЯ ИХ, ОТПУСТИТ И ВАМ ОТЕЦ ВАШ НЕБЕСНЫЙ, АЩЕ ЛИ НЕ ОТПУЩАЕТЕ ЧЕЛОВЕКОМ СОГРЕШЕНИЯ ИХ, НИ ОТЕЦ ВАШ ОТПУСТИТ ВАМ СОГРЕШЕНИЙ ВАШИХ (Мф. 6, 14–15); И НЕ ВВЕДИ НАС В НАПАСТЬ, — В ГРЕХИ ОПУЩЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ. ПРОСИ БОГА О ТОМ, ЧТОБЫ ОН СОХРАНИЛ ТЕБЯ И ДРУГИХ НАВСЕГДА В БЛАГОДАТИ, НЕ ПОПУСТИЛ КОГДА-ЛИБО СЛУЖИТЬ КАКОМУ-ЛИБО ГРЕХУ; НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВАГО: — ОТ САТАНЫ И ГРЕХА, ЯКО ТВОЕ ЕСТЬ ЦАРСТВЕНЕ И СИЛА И СЛАВА КО ВЕКИ. АМИНЬ (Мф. 6, 13).

Авва Моисей говорил: «Если дела не согласны с молитвой, напрасно и трудится человек». Брат спросил старца: «Что значит согласие дел с молитвой?». Он отвечал: «Не делать нам того, в чем просим прощения у Бога; ибо когда человек отвращается своего пожелания, тогда Бог примиряется с ним и принимает молитву его».

Он же говорил: «Ежели человек в своем сердце не сознает себя грешником — Бог не услышит его». Брат спросил его: «Что из этого, если человек в сердце своем сознает себя грешником?». Старец отвечал: «Кто чувствует тяжесть своих грехов, тот не смотрит на грехи ближнего своего».

Авва Зенон сказал: «Кто хочет, чтобы Бог скоро услышал молитву его, тот, когда станет пред Богом и прострет руки свои к Нему, прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, должен от всего сердца молиться о врагах своих. За сие доброе дело Бог услышит его, о чем бы он ни молился».

Авва Нил говорил: «Молитва есть плод кротости и незлобия».

Он же говорил: «Если будешь любомудрствовать в терпении, то от сего вкусишь плод во время молитвы».

**Когда совершаешь пост,
не желай себе за сие славы от людей,
являйся постящимся Богу, а не людям**

Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. 6. 16–18

Не кажись людям постящимся. Постясь умасти душу свою пред Богом делами любви и милосердия, омой сердце свое пред Ним слезами.

Помни, что если будешь поститься ради славы земной, то и получишь сию славу, а от Бога награды лишишься. Будешь скрываться от славы человеческой, а иметь в виду одну славу Божию, прославишься от Бога.

Авва Лонгин сказал авве Лукию: «Я хочу поститься». Авва Лукий отвечал: «Пророк Исаия сказал: *еще слячеша яко серп выю твою, ...ниже тако наречете пост приятен* (Ис. 58, 5)».

Некогда авва Силуан и ученик его Захария пришли в один монастырь, где упросили их вкушать немного пищи на дорогу. Когда вышли они из монастыря, ученик аввы увидел воду на дороге и хотел пить. Старец говорит ему: «Захария, ныне пост!». — «Разве мы, отец, не ели?» — отвечал ученик. «Ели, но это было для любви, — сказал старец, — а теперь, сын мой, должны мы соблюсти пост свой».

Некогда в Скиту дано было братьям повеление: поститесь во всю эту неделю. По случаю, в это самое время пришли к авве Моисею братья из Египта. Старец сварил для них немного кашицы. Соседи, увидев дым, сказали клирикам: «Вот Моисей нарушил повеление — и варил у себя кашицу». Клирики отвечали: «Когда придет, мы скажем ему об этом». Когда наступила суббота, клирики, зная высокую жизнь аввы Моисея, сказали ему пред всем народом: «Авва Моисей! Ты нарушил заповедь человеческую и исполнил заповедь Божию!».

Когда авва Сисой жил в горе аввы Антония, посетил его авва Аделфий, епископ Никопольский. Авва Аделфий и бывшие с ним уже собрались в обратный путь, но авва Сисой убедил их

на дорогу вкусить пищи утром. А это было во время поста. Только предложили трапезу — стучатся в дверь братья. Авва Сисой сказал ученику своему: «Дай им немного кашицы, они устали». — «Оставь это, — сказал ему авва Аделфий, — чтоб не сказали, что авва Сисой ест с утра». Старец, выслушав его, сказал брату: «Пойди и дай им». Братья, увидев кашницу, спросили: «Нет ли у вас странников, и старец не ест ли вместе с вами?» — «Да», — отвечал им брат. Они стали скорбеть и говорили: «Да простит вам Бог, что вы заставили старца теперь вкусить пищи! Или вы не знаете, что за это он много дней будет изнурять себя?». Услышав о сем, епископ поклонился старцу и говорит: «Прости меня, авва, я помыслил человеческое, а ты сделал, как Бог велит». Авва Сисой отвечает ему: «Если Бог не прославит человека, то слава человеческая ничто».

Некто Евлогий, ученик блаженного Иоанна, епископа, пресвитер и великий подвижник, постился по два дня, а иногда продолжал пост и по целой неделе, вкушая только хлеб с солью, и был прославляем людьми. Он пришел к авве Иосифу в Панефос, надеясь увидеть у него еще большую

строгость в жизни. Старец принял его с радостью и предложил в утешение все, что имел. Но ученики Евлогия говорят: «Пресвитер кроме хлеба с солью ничего не ест». Авва же Иосиф ел молча. В продолжение трех дней не слышали, чтобы авва Иосиф и ученики его пели или молились. Ибо они это делали тайно. Евлогий и ученики его пошли, не получив никакой пользы. По устроению Божию, сделалась тьма, и они, заблудившись, воротились к старцу. Прежде нежели постучались, они услышали, что авва Иосиф и ученики его поют. Долго простояв, наконец постучались. Они прервали псалмопение и приняли их с радостью. Ученики Евлогия, так как у него был сильный жар, налили в сосуд воды и подали ему. Вода эта смешана была из морской и речной, и Евлогий не мог пить. Размышляя сам с собой, пал он к ногам старца, желая научиться образу жизни его, и говорил ему: «Авва! Что это значит: прежде вы не пели, но теперь, когда мы ушли, стали петь? И, взяв сосуд, я нашел в нем соленую воду?». Старец отвечал ему: «Брат глуп, и по ошибке примешал морской воды». Евлогий продолжал просить старца, желая узнать истину. Старец сказал ему: «Та малая чаша вина была

чашей любви, а это — вода, которую всегда пьют братья». И научил его различать помыслы, и отсек от него все человеческое. Евлогий сделался снисходителен и впоследствии ел все предлагаемое (см.: Лк. 10, 8); научился и сам делать втайне, и сказал наконец старцу: «Подлинно ваше делание есть истинное».

Говорили, что в одном селении некто много постился, так, что прозвали его постником. Услышав о нем, авва Зенон позвал его к себе. Тот с радостью пришел к нему. Помолившись, они сели. Старец начал работать молча. Постник, не находя, о чем говорить с ним, начал сильно скучать и наконец говорит старцу: «Помолись о мне, авва! Я хочу идти домой». — «Зачем?» — спросил его старец. Он отвечал: «У меня сердце будто в огне, и я не знаю, что с ним делается. Когда был я в селении, постился до самого вечера, и никогда не случалось со мной подобного». Старец говорит ему: «В селении ты сыт был слухом; но теперь ступай, и с сего времени принимай пищу в девятом часу; а если что делаешь, делай тайно». Когда постник начал так делать, то уже с болезнью ожидал девятого часа. Знавшие его говорили: «Постник одержим бесом». Когда он

пришел к старцу и рассказал ему обо всем, сей отвечал ему: «Такой путь угоден Богу!».

Брат спросил авву Матоя: «Что мне делать, если в день поста или на рассвете придет ко мне брат? Это беспокоит меня». Старец отвечал ему: «Если ты без смущения совести ешь с братом своим, хорошо делаешь; ежели же никого не ожидаешь к себе и ешь — в этом уже твоя воля».

Авва Кассиан рассказывал: «Пришли мы к одному старцу, и он предложил нам пищу. Мы были сыты, а он упрасивал нас еще поесть, и когда я сказал: “Не могу”, — старец отвечал: “Шесть раз предлагал я трапезу приходящим братьям и, угощая каждого, ел вместе с ним; но и теперь еще голоден. А ты однажды поел и так уже сыт, что не можешь есть более”».

Тот же авва рассказывал: «Некогда пришли мы, я и святой Герман, в Египет к одному старцу; и, когда он принял нас с любовью, мы спросили его: “Почему вы, принимая чужестранных братьев, нарушаете правило поста, соблюдаемое у нас в Палестине?”. Старец отвечал: “Пост всегда со мной, а с вами не могу быть всегда. Пост хотя полезен и необходим, однако же он в нашей воле;

а исполнение дел любви необходимо требуется законом Божиим. В лице вашем принимая Самого Христа, я должен служить вам со всем усердием. А упущение против правил поста могу вознаградить, когда отпущу вас. Ибо не могут сынове брачнии, дондеже жених с ними есть, поститися... егда отимется от них жених, и тогда постятся в тья дни (Мк. 2, 19—20; ср.: Мф. 9, 15)».

Авва Исидор, пресвитер, говорил: «Если подвизаетесь в посте как должно — не гордитесь. Если же тщеславитесь сим, то лучше ешьте мясо. Ибо не так вредно для человека есть мясо, как гордиться и надмеваться».

Не будь тщеславен

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше. Святильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

Мф. 6, 19—24

Не ищи себе славы от людей ни в чём. Лучшее любви бесчестие, только бы сие не от грехов произошло. Если же слава и честь от людей достигают тебя, то не прилепляйся к ним сердцем, а держи его в будущем своём отечестве.

Помни, что утешения земные, если будешь любить и искать их, уменьшают и даже уничтожают награду на небе. И как о чести и славе земной, так и о всех других земных благах рассуждай: земное тленно, непостоянно и похищается смертью; одно только небесное неувядаемо, некрадомо и вечно. Если стану искать утешения в сокровищах земных, то

|| на земле буду жить сердцем, помрачу ум свой и дам волю темным страстям своим, оставлю служение истинное Богу. ||

Брат пришел к авве Макарию Египетскому и говорит ему: «Авва! Дай мне наставление, как спастись». Старец сказал ему: «Пойди на кладбище и ругай мертвых». Брат пошел, ругал их и бросал на них камни. Возвратясь, он сказал о том старцу. Старец спрашивает его: «Ничего они не говорили тебе?». — «Ничего», — отвечал он. Старец еще сказал ему: «Завтра пойди опять и хвали их». Брат пошел и хвалил мертвых, говоря: «Апостолы, святые, праведные!». Потом пришел к старцу и сказал: «Я восхвалял их». Старец спросил: «Ничего не отвечали они тебе?». Брат сказал: «Ничего». Старец говорит ему: «Видишь, сколько ты ни поносил их, они ничего не отвечали тебе, и сколько ни хвалил их, ничего не сказали тебе. Так и ты, если хочешь спастись, будь мертв; подобно мертвым не думай ни об обидах от людей, ни о славе людской; и можешь спастись».

Авва Матой рассказывал: «Пришли три старца к авве Пафнутию, которого звали Кефалою, и просили у него наставления. Старец спросил их: “Какого наставления вы желаете от

меня — для духа или для плоти?».— “Для духа”, — отвечали ему. Старец дал им такое наставление: “Пойдите, любите скорбь более спокойствия, бесчестие более славы, более любите давать, нежели принимать”».

Авва Силуан говорил: «Горе тому человеку, у которого имя знаменитее дел его».

Авва Ор говорил: «Кого хвалят или почитают не по достоинству, тот терпит великий вред; а кто не получает никаких похвал от людей, тот прославится на небесах».

Об авве Памво рассказывали, что он три года молился Богу и говорил: «Не дай мне славы на земле». Но Бог так прославил его, что никто не мог смотреть на лицо его по причине сияния, которое исходило от лица его.

Авва Иоанн Колов рассказывал: «Один старец, исполненный Духа, сделался затворником, и был знаменит в городе, и имел великую славу. Ему было открыто: “Вот один из святых скоро разрешится от тела: пойдь, простись с ним прежде, нежели он почиет”. Старец размышлял сам в себе: “Если выйду днем, то соберется народ, много будет молвы обо мне, и после я не найду покоя. Итак, я пойду вечером, в сумерках, и никто не

увидит меня”. Он вышел из келии вечером, думая укрыться. И вот два Ангела со светильниками были посланы от Бога светить ему. И потом весь город сбежался смотреть славу его. И чем более он хотел убежать славы, тем более прославлялся. Здесь исполняется слово Писания: *всяк ... смиряйся вознесется* (Лк. 14, 11)».

Некто из святых, именем Филагрий, живя в пустыне Иерусалимской, прилежно занимался

работой и тем доставлял себе пропитание. Однажды, когда он стоял на рынке и продавал свое рукоделие, кто-то уронил кошелек с тысячью монет. Старец, найдя его, остановился на том же месте, говоря: «Конечно, потерявший воротится». И вот потерявший идет и плачет. Старец отвел его в сторону и отдал ему кошелек. Тот ухватил старца и хотел дать ему что-нибудь из денег, но авва не принял. Тогда потерявший начал кричать: «Посмотрите, что сделал человек Божий!». Но старец уже скрылся и вышел из города, не желая прославиться.

Однажды, стоя в церкви, авва Иоанн Колов вздохнул, не зная, что кто-то есть позади его; а как узнал, поклонившись, сказал: «Прости мне, авва! Я не выучил еще начальных правил».

Авва Тифой некогда сидел в своей келии, а брат стоял близ него. Авва, не видя его, вздохнул. Не заметил он брата близ себя потому, что был в восхищении. Но после авва поклонился брату и сказал: «Прости меня, брат! Еще не сделался я монахом, потому что вздохнул при тебе».

Авва Даниил рассказывал: «Пришли мы однажды к авве Пимену и обедали с ним. После стола он сказал нам: “Пойдите, братия, отдохните

немного”. Братия пошли немного отдохнуть; а я остался, чтобы поговорить с ним наедине, и пошел в его келию. Но он как скоро увидел, что я иду к нему, лег, будто хотел спать. Таково было правило у старца — делать все втайне».

Пришли некоторые к авве Сисою, чтобы получить от него наставление; но он ничего не говорил им, а только повторял одно: «Простите меня!». Увидев его корзинки, они спросили ученика его Авраама: «Что вы делаете с этими корзинками?». — «Употребляем их туда и сюда», — отвечал он. Услышав сие, старец прибавил: «И Сисой ест то из той, то из другой». Слова сии произвели на них благое впечатление, и они пошли от него с радостию, назидаясь его смирением.

Петр, пресвитер Диосский, когда бывал на общественной молитве, то хотя его и принуждали стоять наперед всех, из уважения к его священству, он по смирению всегда становился позади других, исповедуя грехи свои, как написано об этом в жизни аввы Антония. Это делал он, никого не оскорбляя.

Рассказывали об авве Петре и авве Епимахе. Они были друзьями в Раифе. Однажды, когда

за обедом, в собрании, их принуждали идти к столу старцев, с большим принуждением пошел туда один авва Петр. Когда встали из-за стола, авва Епимах сказал ему: «Как ты осмелился идти за стол старцев?». Авва Петр отвечал: «Если бы я сидел с вами, то братия стали бы просить меня, чтобы я, как старец, благословлял первый, и был бы я между вами как старший; а когда пришел я к старшим, то стал меньше всех и помышлял о себе смиреннее».

Об авве Макарии рассказывали: «Если к нему приходил брат с благоговением, как к старцу святому и великому, он ничего не говорил с ним. Если же кто из братьев спрашивал его, будто без всякого уважения к нему, например: “Авва! Когда ты смотрел за верблюдами, воровал селитру и продавал ее, не били ли тебя сторожа?” — если кто так говорил ему, тому он с радостью отвечал, о чем бы тот ни спрашивал его».

Авва Петр рассказывал: «Авва Макарий просто обходился со всеми братьями. Некоторые говорили ему: “Для чего ты так ведешь себя?”. Авва Макарий отвечал: “Двенадцать лет служил я Господу моему, чтобы даровал Он мне благодать сию; а вы советуете мне оставить ее!”».

Авва Аммой спросил авву Исаию еще в начале их подвижничества: «Как смотришь на меня?»». Исаия отвечал ему: «Как на Ангела, отче!». Потом, спустя довольно времени, опять спросил: «Как ныне смотришь на меня?»». — «Как на сатану, — отвечал Исаия. — Если скажешь ты мне и доброе слово, но для меня оно как меч».

Однажды отцам нужно было послать десять братьев к императору за каким-то делом. Вместе с другими они избрали и одного брата — доброго подвижника и благолепного по наружности, но крайне бедного. Услышав об этом, он пал пред отцами и сказал: «Ради Господа простите мне: я раб одного тамошнего сильного человека. Если он узнает меня, то принудит оставить монашество и опять возьмет в услужение себе». Отцы поверили и оставили его. Но после от одного человека, которому хорошо был известен сей брат, отцы узнали, что он в мире был правителем Претории, но скрыл это, чтоб не быть узанным и не терпеть беспокойства от людей. Так отцы старались убежать славы и удовольствий мира сего!

В одно время местный правитель взял под суд кого-то из села аввы Пимена. Жители селения все пришли просить старца, чтобы он пошел и освободил узника. Авва сказал им: «Оставьте

меня на три дня, и тогда пойду». В продолжение сего времени авва Пимен так молился Богу: «Господи! Не дай мне этой милости: иначе мне не дадут жить в этом месте!». После сего старец пошел просить начальника, но тот сказал ему: «Авва, ты просишь за разбойника!». Старец обрадовался, что не получит от него милости.

Один светский начальник пришел видеть авву Симона. Авва, услышав об этом, опоясался и влез на финиковое дерево, чтобы очистить его. Пришедшие кричали ему: «Старец! Где живет отшельник?». — «Здесь нет отшельника», — отвечал авва. Получив такой ответ, они удалились.

В другое время пришел иной начальник посмотреть на Симона. Клирики предварили авву и сказали ему: «Авва, приготовься: один начальник, услышав о тебе, идет принять от тебя благословение». — «Хорошо, я готовлюсь», — сказал Симон. Надев на себя кентон (платье, сшитое из многих разноцветных лоскутков) и взяв в руки хлеб с сыром, авва сел у двери и ел. Начальник пришел со своей свитой. Увидев старца, пришедшие посмотрели на него с презрением и сказали: «Это-то отшельник, о котором мы слышали?» — и тотчас удалились.

Один из отцов рассказывал об авве Феодоре Фермейском: «Пришел я однажды к нему вечером и застал его одетым в раздранный левитон; грудь его была обнажена, и куколь лежал перед ним. В то время пришел какой-то сановник видеть его. Когда он постучался, старец вышел отворить ему и, встретив его, сел в дверях, чтобы поговорить с ним. Я взял конец мафория и прикрыл его плечи; но старец протянул руку и бросил его. Когда сановник ушел, я сказал ему: “Авва! Что ты это сделал? Человек приходил к тебе за назиданием, а не за тем, чтобы соблазняться”. Старец отвечает мне: “Что ты мне говоришь, авва! Ужели мы доныне служим людям? Мы сделали, что нужно, а прочее нас не касается. Кто ищет назидания, пусть назидается; кто хочет соблазняться, пусть соблазняется. Я буду встречать людей так, как меня застанут”. И приказал ученику своему: “Если кто придет, желая видеть меня, не говори ему что-нибудь, как бывает у людей; но если я ем, говори: он ест; если сплю, говори: спит”».

Областной правитель, слышав об авве Моисее, пришел однажды в Скит, чтобы видеть его. Сказали об этом старцу; он встал и побежал к болоту. Встретившиеся с ним спрашивают его: «Скажи

нам, старец, где келия аввы Моисея?». Авва отвечал им: «Чего вы хотите от него? Он глупый человек». Правитель, когда пришел в церковь, сказал клирикам: «Я слышал о делах аввы Моисея и пришел видеть его. И вот встретился с нами старец на дороге в Египет. Мы спросили у него: “Где келия аввы Моисея?”. А он отвечал нам: “Чего вы хотите от него? Он глупый человек”». Выслушав это, клирики опечалились. Они спросили: «Каков по виду этот старец, который так поносил святого?». Им отвечали: «Старец был в ветхой одежде, высокий и черный». Тогда клирики сказали: «Это сам авва Моисей. Он говорил так, не желая встретиться с вами». Правитель возвратился, получив большую пользу.

Одна женщина, имевшая в груди болезнь, называемую рак, зная по слуху об авве Лонгине, искала случая видеть его. Он жил от Александрии к западу в девяти милях. Когда женщина пришла искать его, блаженный Лонгин собирал дрова на берегу моря. Увидев его и не зная, что это сам Лонгин, спросила его: «Авва! Где живет авва Лонгин, раб Божий?». Старец сказал ей: «Чего ты хочешь от этого обманщика? Не ходи к нему. Он обманщик. Какое у тебя дело к нему?». Женщина открыла ему болезнь

свою. Авва Лонгин перекрестил больное место и отпустил ее, сказав: «Ступай, Бог исцелит тебя, а Лонгин ничем не может помочь тебе». Женщина поверила слову старца, пошла и тотчас исцелилась. После того, рассказывая некоторым об этом деле и описывая признаки старца, она узнала, что исцелитель ее есть сам авва Лонгин.

Некоторые говорили об авве Антонии, что он был прозорливец, но, избегая молвы людской, не хотел разглашать о сем; ибо говорили, что он открывает и настоящие, и будущие события.

Один бесноватый пришел некогда в Скит; а о нем была молва в церкви, но бес не выходил, ибо свиреп был. Клирики говорили между собой: «Что нам делать с этим демоном? Никто не может изгнать его, кроме аввы Виссариона; но если для сего будем звать его в церковь, он не пойдет. Вот что сделаем: он ходит в церковь прежде всех; посадим больного на его место, и когда авва Виссарион взойдет, мы станем на молитву, а ему скажем: «Авва! Разбуди и брата»». Так и сделали. Когда старец пришел поутру, они стали на молитву, а ему сказали: «Разбуди и брата». Старец сказал брату: «Встань! Пойди вон», — и тотчас вышел из него бес, и с того времени больной стал здоров.

Шел один мирянин с сыном своим к авве Сисою в гору аввы Антония. На пути сын его умер. Отец не смутился, но с верой принес его старцу и пал пред ним с сыном, будто кланяясь ему, чтобы получить от него благословение. Отец встал, оставив сына у ног старца, а сам вышел вон из келии. Старец, думая, что сын еще кланяется ему, говорит отроку: «Встань и пойдй вон», — ибо не знал, что он был мертв. Умерший тотчас встал и вышел. Отец, увидев его, изумился и, вернувшись к старцу, поклонился ему и рассказал, в чем дело. Старец, выслушав, опечалился, ибо не хотел этого. Ученик же его запретил мирянину кому-либо сказывать об этом до самой смерти старца.

Говорили об авве Арсении и авве Феодоре Фермейском, что они более всего ненавидели славу человеческую. Почему авва Арсений редко показывался кому-либо, а авва Феодор, хотя и показывался людям, но был для них мечом.

Авва Пимен сказывал: «Один брат спросил авву Памво: “Хорошо ли хвалить ближнего?”. Памво отвечал ему: “А молчать еще лучше”».

Не будь любостяжателен

|| Не люби приобретать себе ненужных или лишнюю ||
вещей.

Рассказывали об авве Хоме, что он, умирая сказал сыновьям своим: «Не живите вместе с еретиками, не знакомьтесь с людьми знаменитыми, не протирайте рук ваших, чтобы собирать, но охотнее протирайте руки ваши, чтобы раздавать».

Спросили авву Исаию: «Что есть сребролюбие?». Он отвечал: «Неверие Богу в том, что Он печется о тебе, ненадеяние на обетование Божие и любовь к гибельным удовольствиям».

Авва Исидор Пелусиот сказал: «Ужасная страсть корыстолюбия, на все дерзая и ни в чем не зная сытости, увлекает обладаемую ею душу в глубину зол. Посему будем изгонять сию страсть в самом ее начале. Ибо, усилившись, она становится непобедимой».

Авва Исидор, пресвитер, говорил: «Если любишь Царство Небесное, презирай богатство и ищи воздаяния Божия».

Мать Синклитикия говорила: «Собирающие земное богатство, подвергаясь трудам и опасностям на море, хотя бы и много приобретали, желают еще большего, за ничто почитают то, что имеют, и стремятся к тому, чего не имеют. А мы, руководствуясь страхом Божиим, ничего такого приобретать не желаем, хотя бы не имели и необходимого».

Брат просил авву Серапиона: «Дай мне наставление». «Что могу я тебе сказать? — отвечал авва. — Разве то, что ты взял имущество вдов и сирот и положил его на этом окне». А пред глазами старца было окно, заваленное книгами.

|| Если богатство течет к тебе, не прилагай к нему ||
|| сердца, а держи его в будущем своем отечестве. ||

Рассказывали об одном старце Фиваидском авве Антиане. В юности своей он много подвизался, но в старости ослабел и ослеп. По причине его болезни братья много доставляли ему утешения и даже клали ему в рот пищу. Однажды спросили они авву Адио: «Что будет за это многое утешение?». Он отвечает им: «Уверяю вас, что если сердце его желает сего утешения и охотно принимает, то, если он съест и один финик, Бог

уменьшает за оный награду за труд его. Если же сердце не желает утешения и он неохотно примет утешение, то Бог сохраняет труд его целым, потому что его принуждают против воли. А братья получают награду».

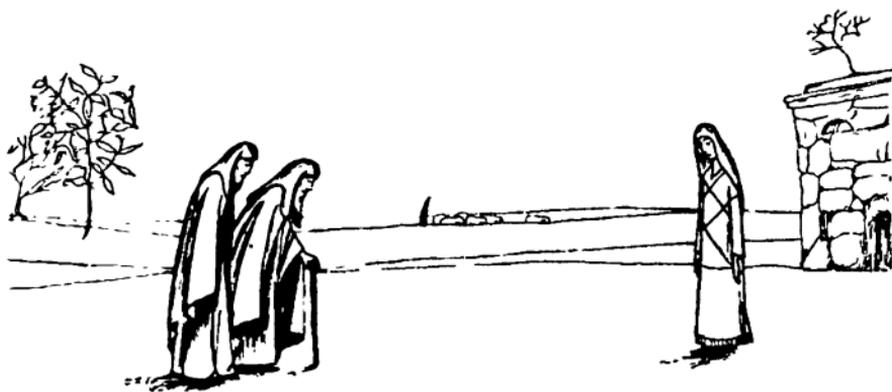
Рассказывали об авве Геласии, что он еще с юности проводил бедную и пустынножизненную жизнь. В это же время и в тех же местах весьма многие вели с ним одинаковую жизнь. Между ними был один старец, самый простой и бедный, который жил до смерти своей в уединенной келии, хотя в старости своей имел учеников. Он до конца жизни соблюдал то подвижническое правило, чтобы не иметь двух хитонов и не заботиться со своими учениками о завтрашнем дне. Когда авва Геласий, при помощи Божией, устроил общежительную обитель, жертвовали ему большими полями, и заводил он также для нужд общежития рабочий скот и волов, ибо тот, кто древле внушил святому Пахомию устроить общежительную обитель, помогал и авве Геласию во всем устройении монастыря. Вышеупомянутый старец, искренно любящий Геласия, видя его в сих заботах, сказал ему: «Боюсь, авва Геласий, как бы ум твой не прилепился

к полям и прочему имуществу общежития». Авва Геласий отвечал ему: «Скорее ум твой прилепится к шилу, которым ты работаешь, нежели ум Геласия — к стяжаниям».

Управляй своим именем с таким равнодушием, что как бы не имел оно; посему делай всевозможные дела любви и милосердия и, если что потеряешь или лишишься через отнятые другими, несколько не огорчайся.

Авве Антонию открыто было в пустыне: есть в городе некто подобный тебе, искусством врач, который избытки свои отдает нуждающимся и ежедневно поет с Ангелами “Трисвятое”.

Двое из старцев просили Бога открыть им, в какую они пришли меру; и был им голос с неба: «В таком-то селении египетском есть один мирянин, по имени Евхарист, и жена его, зовется Марией. Вы еще не пришли в меру их». Два старца, собравшись, пошли в селение, спросили о них и нашли келию Евхариста и в ней жену его. «Где муж твой?» — спросили они ее. Она отвечала: «Он пастух и пасет овец». И приняла их в келию свою. Вечером возвратился Евхарист с овцами. Увидев старцев, он приготовил им трапезу и принес воды обмыть ноги их. Старцы

говорят ему: «Не вкусим ничего, пока ты не расскажешь нам о своей жизни». Евхарист со смирением только и говорил им: «Я пастух, а это жена моя». Старцы продолжали просить его, но он не хотел говорить. Тогда старцы сказали: «Бог послал нас к тебе». Услышав слово сие, Евхарист убоился и начал рассказывать им: «Вот овец сих мы получили от своих родителей, и если по милости Божией бывает какой прибыток от них, делим их на три части: одну для бедных, другую для странников, а третью для собственного

употребления. С того времени, как взял я себе жену, мы не осквернялись, и она доселе дева. Каждый из нас спит особо; по ночам носим мы власяницы, а днем свои одежды. До сих пор об этом не знал еще ни один человек».

Авва Евпрепий говорил: «Все плотское есть брение. Кто любит мир, тот любит преткновения. Посему если иногда случится нам что-нибудь потерять, то должны принимать это с радостью и благодарностью, освобождаясь через то от забот».

	Если хочешь быть совершенным и имеешь силу	
	пребывать в произвольной нищете и лишениях, то	
	возлюби сию нищету и лишения.	

«Сокровище монаха, — говорил авва Иперехий, — есть произвольная нищета. Брат, собирай себе сокровище на небеси, ибо будешь наслаждаться им в беспредельные веки».

Авва Андрей говорил: «Монаху приличны сии три подвига: странничество, бедность и молчание в терпении».

Спросили однажды блаженную Синклитикию: «Произвольная нищета есть ли совершенное благо?». Она отвечала: «Да! Она совершенное благо для имеющих силу пребывать в ней. Ибо живущие в нищете, хотя и имеют скорбь во плоти,

но спокойны духом. Чтобы вымыть твердое платье, надо мять его и сильно выжимать, так и крепкая душа через произвольную нищету еще более укрепляется».

Авва Нил говорил: «Иди, продай имение твое и раздай нищим, возьми крест и отвергнись самого себя, дабы мог ты молиться без развлечения».

Авва Макарий говорил: «Если для тебя поношение как похвала, бедность как богатство, недостаток как изобилие, ты не умрешь. Ибо не может быть, чтобы правоверующий и подвигающийся в благочестии впал в нечистоту страстей и демоническое обольщение».

Один брат спросил авву Пимена: «Я получил наследство, что мне с ним делать?»». Старец говорит ему: «Ступай и приходи ко мне через три дня; тогда скажу тебе». Брат пришел в назначенное время, и старец сказал ему: «Что сказать тебе, брат? Если скажу тебе: “Отдай свое наследство в братскую трапезу”, — там делают вечера; если скажу: “Отдай родственникам”, — за это не получишь никакой награды. Если же скажу: “Отдай нищим, — ты оставишь это без внимания. Итак, делай что хочешь. Мне до этого дела нет”».

Авва Макарий, находясь в Египте, застал однажды вора, который грабил имущество его. Старец, как бы посторонний, подойдя к вору, навьючивал вместе с ним мула и, с совершенным безмолвием выпроводив его, сказал: *«Ничтоже бо внесохом в мир сей: яве, яко ниже изнести что можем (1 Тим. 6, 7). Господь даде, Господь отъят: яко Господеви изволися, тако бысть (Иов. 1, 21). Благословен Господь во всем!»*.

Авва Кассиан сказывал: «Один сенатор, отказавшись от мира и раздав свое имение бедным, оставил некоторую часть для собственного употребления, ибо не хотел смирить себя до совершенного отречения и точного подчинения общежительному правилу. Святой Василий изрек ему такое слово: “Ты и сенатором перестал быть, и монахом не сделался”».

Один брат, отказавшись от мира и раздав свое имение нищим, оставил несколько для собственного употребления и пришел к авве Антонию. Старец, узнав о том, сказал ему: «Если хочешь быть монахом, то иди в такое-то село, купи мяса, обложи им нагое тело свое и так приди сюда». Когда брат это сделал, то собаки и птицы терзали тело его. По возвращении к старцу сей спросил,

исполнил ли он его совет? Брат показал ему израненное тело свое. Святой Антоний сказал ему: «Так нападают демоны и терзают тех, которые, отрекшись мира, хотят иметь деньги».

Авва Иоанн из Келлий рассказывал: была в Египте одна блудница, прекрасная собой и очень богатая: к ней ходили люди знатные. В один день пришла она в церковь и хотела войти в нее, но иподиакон, стоявший у дверей, не допустил ее, говоря: «Ты не достойна войти в дом Божий, потому что ты нечиста». Они начали спорить. Епископ, услышав шум, вышел. Блудница сказала ему: «Иподиакон не пускает меня в церковь». Епископ отвечал ей: «Нельзя тебе войти, потому что ты нечиста». Пораженная сим блудница говорит ему: «Я не стану блудодействовать». Тогда епископ сказал ей: «Если ты принесешь сюда свое имение, тогда поверю, что ты не будешь грешить». Когда блудница принесла свое имущество, епископ взял и бросил его в огонь. После того блудница со слезами вошла в церковь и сказала: «Ежели здесь так поступили со мной, то что буду терпеть там?». Она раскаялась и соделалась сосудом избранным.

Авва Феодор Фермейский имел у себя три хорошие книги. Пошел он к авве Макарию и говорит ему: «Вот у меня есть три хорошие книги, и сам я получаю от них пользу, и братия употребляют их и получают назидание. Скажи, что мне полезнее сделать: оставить ли их у себя для собственной пользы и для пользы братьев или продать их и полученное раздать нищим?». Старец сказал в ответ: «Первое хорошо, но нестяжательность всего лучше». Услышав это, Феодор пошел и продал книги, а деньги раздал нищим.

Рассказывал авва Кассиан: «Один монах удалился в пустыню и жил в пещере. Родные его по плоти дали знать, что отец его тяжело болен и скоро умрет; говорили ему: “Приходи за наследством после отца”. Монах отвечал им: “Я еще прежде него умер для мира, а мертвый не наследник живого”».

Авва Даниил рассказывал об авве Арсении: пришел некогда к нему чиновник и принес ему завещание одного сенатора, родственника Арсениева, который оставил ему очень большое наследство. Арсений, взяв завещание, хотел разорвать оное. Но чиновник пал к ногам его и

говорил: «Прошу тебя, не раздирай завещания, иначе с меня голову снимут». Тогда авва Арсений сказал ему: «Он умер только теперь, а я умер еще прежде его». И отослал завещание, не приняв ничего.

Рассказывали об авве Аммосе: однажды заготовил он пятьдесят мер пшеницы для своего употребления и высыпал ее на солнце. Но прежде нежели она хорошо высохла, увидел он нечто смутившее его на том месте и говорит ученикам своим: «Уйдем отсюда». Они весьма опечалились. Видя печаль их, он сказал им: «Ужели вы о хлебах печалитесь? Уверю вас, я видел таких людей, которые убежали, оставив крашенные шкафы с пергаментными книгами, даже и дверей не заперли, но ушли, оставив их отверстыми».

Рассказывали об авве Агафоне: он с учениками своими довольно долгое время строил келию. Когда выстроили они келию, перешли в нее жить. Но в первую же неделю авва Агафон увидел здесь для себя что-то вредное и сказал ученикам своим: «Встаньте, пойдем отселе». Ученики очень смутились и сказали: «Если ты имеешь намерение перейти отселе, то для чего мы столько трудились, строив келию? Да и люди

будут соблазняться нами, станут говорить: вот эти непоседы опять ушли!». Видя их малодушие, авва Агафон говорит им: «Хотя и соблазнятся некоторые, но другие получают назидание и скажут: блаженны люди сии, ибо ради Бога переселились и все презрели. Впрочем, пусть идет, кто хочет идти, я теперь же ухожу». Тогда ученики поверглись на землю, умоляя его, доколе не получили позволения идти вместе с ним.

Сказывали об авве Метевии: когда выходил он из своей келии и приходило ему на мысль оставить свое местопребывание, уже не возвращался в свою келию; потому что не имел ничего у себя из вещей житейских, кроме одного шила, которым раскалывал ветви. Каждый день он срабатывал по три корзинки, за которые добывал пищу.

Рассказывали, что авва Агафон часто переселялся из одного места в другое, имея в сумке только свой ножичек.

Ученики аввы Виссариона рассказывали, что жизнь его была подобна жизни какой-нибудь воздушной птицы, или рыбы, или земных животных, ибо он все время жизни своей провел без смущения и без забот. Не озабочивало его

попечение о доме, не овладевало, кажется, его душой ни желание иметь поля, ни жажда удовольствий, ни приобретение жилищ, ни переноска книг, но весь, всецело, являлся свободным от телесных забот, питаясь надеждой будущего и утвердившись оградой веры. Он, подобно пленнику, терпел то здесь, то там; терпел холод и наготу, опалем был жаром солнца, всегда находясь на открытом воздухе. Он, как беглец, укрывался на скалах пустынных и часто любил носиться по обширной и необитаемой песчаной стране, как бы по морю. Если случалось ему приходиться в места такие, где ведут жизнь однообразную по уставу киновий, он садился у ворот, плакал и рыдал, как бы пловец после кораблекрушения, выброшенный на берег. Иногда кто-нибудь из братьев находил его сидящим тут подобно нищему, скитающемуся по миру, и, приближаясь к нему, с сожалением говорил ему: «Что ты плачешь? Если нуждаешься в необходимом, то дадим тебе, сколько можем, только войди к нам, раздели с нами трапезу, подкрепишься». Авва Виссарион отвечал: «Не могу оставаться под кровлей, пока не найду имущества своего. Я, — говорил он, — различным образом лишился великого имущества. Я и попался морским

разбойникам, и потерпел кораблекрушение, и лишился славы своего рода, из знатных сделался незнатным». Если же брат, прослезившись при его словах, уходил и приносил ему кусок хлеба и, подавая, говорил: «Прими это, отец, а прочее возвратит тебе Бог, по словам твоим: отечество, славу рода и богатство, о котором ты сказываешь», то старец еще более плакал и громко рыдал, приговаривая: «Не умею сказать, могу ли я найти, чего, потеряв, ищу. Но могу еще более потерпеть, каждый день находясь в смертных опасностях и не имея покоя от безмерных моих бедствий, ибо мне надобно совершить течение жизни среди непрестанного блуждания».

Однажды авва Арсений занемог в Скиту, и не было у него даже рубашки для перемены. Не имея на что купить ее, он принял от кого-то милостыню и сказал: «Благодарю Тебя, Господи, что удостоил меня принять милостыню во имя Твое!».

Авва Даниил сказывал: «Авва Арсений, приближаясь к смерти, завещал нам: “Не заботьтесь делать по мне вечера любви. Ибо если я приготовил для себя сию вечерю, то найду ее”. Когда приблизилась кончина его, ученики его пришли в смятение. А он говорит им: “Еще не настал час;

когда же настанет, скажу вам; но я буду судиться с вами на Страшном Суде, если вы отдадите кому-либо останки мои”. Они сказали: “Что же нам делать? Мы не знаем, как похоронить тебя”. Старец отвечал им: “Ужели не знаете, как привязать к ноге моей веревку и тащить меня на гору”. Он оставил мне кожаный хитон свой, белую жесткую власяницу и пальмовые сандалии».

Авва Зенон, ученик блаженного Силуана, говорил: «Не живи в славном месте, не садись с знаменитым человеком и не полагай основания, чтобы когда-либо строить себе келию».

Не будь плотоугодлив

Удаляйтесь всего плотского.

Авва Иоанн Киликийский, игумен Раифский, говорил братьям: «Дети мои! Будем бежать от вожделений плоти».

Авва Феона говорил: «Нас пленяют плотские страсти, потому что ум наш удаляется от созерцания Бога».

Авва Пимен говорил: «Если кто победит две страсти, то может быть свободен от мира». Брат спросил: «Какие?».— «Плотское плотоугодие и тщеславие»,— отвечал старец.

Он же говорил: «Всякое греховное успокоение тела есть мерзость пред Господом».

Еще говорил: «Должно удаляться всего плотского. Человек, близкий к плотскому искушению, подобен стоящему над глубокой пропастью. Враг человека, в какое бы время ни захотел, легко низвергает его в эту пропасть. Но удалившийся от всего плотского подобен стоящему далеко от пропасти. Хотя враг повлечет его, чтобы низвергнуть в бездну, но доколе будет влечь его с принуждением, Бог пошлет ему помощь».

Еще говорил: «Как дым выгоняет из улья пчел, и тогда они перестают делать мед, так и плотские наслаждения изгоняют из души страх Божий и разрушают все доброе делание ее».

Авва Исидор, пресвитер, говорил: «Преданный сластолюбию и сребролюбию не может быть богоугоден».

Авва Лонгин сказал авве Акакию: «Жена тогда узнает, что она зачала, когда останются ее крови. Так и душа тогда узнает, что она получила Духа Святаго, когда останются в ней токи низких страстей. Доколе душа бывает одержима страстями, как может хвалиться своим бесстрашием? Отдай кровь и прими Духа».

Авва Антоний говорил: «Всегда имей страх Божий пред очами: помни Того, Кто *мертвит и живит* (1 Цар. 2, 6). Возненавидьте мир и все, что в нем, возненавидьте всякое плотское успокоение, отрекитесь сей жизни, дабы жить для Бога. Помните, что вы обещали Богу, ибо Он взыщет сего от вас. Алкайте, жаждайте, наготуйте, бодрствуйте, плачьте, рыдайте, воздыхайте в сердце своем, испытывайте себя, достойны ли вы Бога; презирайте плоть, чтобы спасти вам души свои».

Авва Антоний говорил: «Думаю, что в теле есть движение естественное, прирожденное ему, но оно не действует, когда душа не хочет, и показывает в теле только движение бесстрастное. Есть и другое движение, происходящее от питания и разгорячения тела пищей и питьем. От сего жар крови возбуждает тело к деятельности. Потому-то и говорит Апостол: *Не упивайтесь вином, в немже есть блуд* (Еф. 5, 18). Равно и Господь заповедал ученикам Своим: *Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством* (Лк. 21, 34). В подвижниках же бывает еще и иное движение, которое происходит от коварства и зависти демонов. Итак, надобно знать, что в теле бывает тройкое движение: одно естественное, другое от безразличного употребления пищи, а третье от демонов.

|| Не приучай глаз к рассеянности. ||

Авва Пимен сказал авве Анувию: «*Отврати очи мои, еже не видети суеты* (Пс. 118, 37), ибо вольность убивает душу».

Однажды авва Исидор пошел к авве Феофилу, архиепископу Александрийскому, и, когда возвратился в Скит, братия спросили его: «Каков

город?». Он сказал: «Поистине, братия, не видал я лица человеческого, кроме одного архиепископа». Услышав это, братия смутились. «Не опустел ли город, авва?» — спросили они. — «Нет», — отвечал авва, — но помысл не увлек меня взглянуть на кого-либо». Услышав сие, братия удивились и поставили себе за правило: хранить глаза свои от рассеянности.

Когда авва Силуан жил на горе Синайской, ученик его Захария однажды, отходя на работу, говорил старцу: «Авва, сходи за водой и полей

сад». Старец, идя из келии, закрыл лицо свое куколем и смотрел только себе под ноги. В это время шел к нему брат и, увидев его издали, наблюдал, что он делает. Потом подошел к нему и спросил: «Авва! Скажи мне: для чего ты, идя поливать сад, закрыл лицо свое куколем?».— «Для того, сын мой,— отвечал старец,— чтобы глаза мои не видели дерев, и ум мой не развлекался в своей деятельности».

Рассказывали об авве Еладии, что он целые двадцать лет провел в Келлиях и никогда не поднимал глаз своих вверх, чтобы посмотреть на кровлю церковную.

Говорили о матери Сарре, что она целые шестнадцать лет жила возле реки и ни разу не наклонилась, чтобы посмотреть на нее.

Сказывали об авве Аммоe: будучи болен, несколько лет лежал он на постели и никогда не позволял своему помыслу посмотреть на внутреннюю свою келию, чтобы видеть, что в ней находится. Ибо ему, как больному, много приносили. Когда ученик его Иоанн входил и выходил из нее, он закрывал глаза свои, чтобы не видеть, что делал он, зная, что Иоанн — верный монах.

Освящай слух, обуздывай язык и чрево, любки простую одежду.

Авва Иеракс сказал: «Я никогда не говорил и не хотел даже слушать мирских речей».

Рассказывали об авве Иоанне: «Быв в Скиту, зашел он в собрание и, услышав там спор некоторых братий, возвратился к своей келии, обошел ее три раза кругом и потом вошел в нее. Некоторые братия, увидев его, не понимали, для чего он это сделал, и, придя, спрашивали его. Авва отвечает им: “Уши у меня были полны прекословия; я ходил кругом, чтобы очистить их и потом в безмолвии ума войти в свою келию”».

Авва Кассиан рассказывал: один старец, живший в пустыне, молился Богу, чтобы даровал ему никогда не дремать во время духовной беседы и тотчас погружаться в сон, как скоро кто станет злословить или пустословить, дабы слух его не был отравлен таким ядом. Он также говорил, что диавол благоприятствует пустословию и есть враг всякого духовного назидания, и указывал на следующий пример. «Когда я,— говорил он,— беседовал с некоторыми братиями о пользе душевной, на них нападал столь глубокий сон, что не могли двигать и веждами (ресницами). Желая обнаружить действие врага, я заговорил о пустом предмете — братия обрадовались, и сон тотчас

прошел. Тогда, вздохнув, сказал я: «Доколе рассуждали мы о небесном, у всех вас очи отягощены были сном. А когда вышло из уст моих праздное слово, все вы охотно проснулись. Посему прошу вас, братия, приметьте действие злого духа и, внимая себе, берегитесь дремоты, когда делаете или слушаете что духовное»».

Авва Памво спросил авву Антония: «Что мне делать?»». Старец сказал ему: «Не надейся на свою праведность, не жалей о том, что прошло, и обуздывай язык и чрево»».

Брат просил авву Матоя: «Дай мне наставление». Авва Матой между другими наставлениями сказал ему: «Отсекай от себя всякую дерзость, обуздывай язык и чрево свое и не пей много вина»».

Однажды брат пришел к авве Пимену и говорит ему: «Что мне делать, отец? Меня мучит блудный помысл». Авва Пимен отвечает брату: «Если будешь воздерживать свое чрево и язык и будешь жить как странник, то, поверь, не умрешь»».

Брат спросил авву Тифоя: «Как мне сохранить сердце свое?»». — «Как нам сохранить сердце свое, — отвечал старец, — если язык и чрево отверсты?»».

Однажды братья пошли из Скита к авве Антонию. Взойдя на корабль, чтобы отправиться к нему, нашли они одного старца, который хотел идти в ту же сторону. Братья не знали его. Сидя на корабле, братья рассказывали изречения отцов и из Писания, также говорили о своих рукоделиях. Но старец молчал. Когда они сошли на пристань, оказалось, что и старец шел также к авве Антонию. Когда пришли к Антонию, он сказал им: «Хорошего вы нашли спутника в этом старце!». Потом и старцу сказал: «Хороших и ты, авва, нашел братьев!». Старец отвечал ему: «Они хороши, но двор у них без ворот. Кто хочет, подходит к стойлу и отвязывает осла». Это сказал старец потому, что они говорили все, что ни приходило им в голову.

Авва Пимен говорил: «Если человек будет помнить слова Писания: *от словес бо своих оправдишися и от словес своих осудишися* (Мф. 12, 37), то лучше решится молчать».

Брат спросил у него же: «Что лучше — говорить или молчать?». Старец отвечал ему: «Кто говорит для Бога, тот хорошо делает; равно хорошо делает и тот, кто молчит для Бога».

Он же сказал: «Иной человек, кажется, молчит, но в сердце своем осуждает других; такой непрестанно говорит. А другой с утра до вечера говорит, а между тем соблюдает молчание; потому что он ничего не говорит без пользы».

Однажды брат пришел в келию аввы Иоанна Колова уже поздно и спешил уйти от него. Но они разговорились о добродетелях и не заметили, как настало утро. Авва вышел проводить брата; тут еще продолжали свой разговор до шестого часа. Авва опять ввел брата в келию, и, уже пообедав, брат пошел от него.

Однажды некоторые из братьев пришли испытать авву Иоанна, ибо он не позволял своему уму развлекаться и не говорил о делах житейских. Братия говорят ему: «Благодарение Богу, в нынешнее лето много было дождя: пальмы напоены и пускают отростки; братия будут иметь себе рукоделие». Авва Иоанн отвечал им: «Подобным образом, когда Дух Святой нисходит в сердца человеческие, они обновляются и возрастают в страхе Божиим».

Рассказывали об авве Аммосе: когда ходил он в церковь, не позволял ученику своему идти подле себя, но поодаль. И если ученик подходил к нему

спросить о помыслах, то как скоро давал ответ ему, тотчас отдалял его от себя, говоря: «Я для того не позволяю тебе быть подле меня, чтобы в наш разговор о пользе души не вмешался разговор посторонний».

Рассказывали об авве Аммуне: «Однажды пришел он к авве Пимену и говорит ему: “Если я прихожу в келию соседа или он приходит ко мне по какой-либо нужде, то мы опасаемся разговаривать друг с другом, чтобы не вкрался какой-нибудь посторонний разговор”. Старец отвечает ему: “Хорошо ты делаешь, ибо молодость имеет нужду в бдении”. Авва Аммуна спрашивает: “Что же делали старцы?”. Авва Пимен отвечал: “Старцы усовершенствовавшиеся не имели в душе чего-нибудь иного и на устах постороннего, о чем бы могли разговаривать”. — “Итак, — сказал авва Аммуна, — если будет необходимо говорить с соседом о Святом Писании или об изречениях старцев, присоветуешь говорить?”. Старец отвечал: “Если уж не можешь молчать, то лучше говорить об изречениях старцев, нежели о Писании, ибо в последнем случае немалая опасность”».

Авва Памво отличался от многих тем, что когда спрашивали его о предметах духовных или из Писания, он не скоро отвечал, а обыкновенно

венно говорил, что не знает сего. Часто и после многократных вопросов не давал ответа.

Пришли однажды к авве Антонию старцы и с ними был авва Иосиф. Старец, желая испытать их, предложил им изречение из Писания и начал спрашивать каждого, начав с младшего: «Что значит сие изречение?». Каждый говорил по своим силам, но старец каждому отвечал: «Нет, не узнал». После всех он говорит авве Иосифу: «Ты что скажешь о сем изречении?». — «Не знаю», — отвечал Иосиф. Авва Антоний говорит: «Авва Иосиф попал на путь, когда сказал “не знаю”».

Авва Даниил сказывал, что авва Арсений никогда не хотел говорить о каком-либо спорном месте из Писания, хотя и мог, если бы захотел. Даже и письма редко писывал.

Собрались однажды скитские братия рассуждать о Мелхиседеке и позабыли позвать авву Коприя. Спустя несколько времени позвали его и спрашивали о Мелхиседеке. Коприй трижды ударил себя по устам и каждый раз приговаривал: «Горе тебе, Коприй! Горе тебе, Коприй! Горе тебе, Коприй! Ты оставил то, что Бог заповедал тебе делать, и испытуешь то, чего Он не требует от тебя». Братия, услышав сие, разбежались по своим келиям.

К авве Зенону пришли братья и спрашивали: «Что это написано в книге Иова: *небо же нечисто пред Ним* (Иов. 15, 15)?». Старец сказал им в ответ: «Братья оставили грехи свои и исследуют небеса. А значение слов такое: поелику один Бог чист, потому он и сказал: *небо же нечисто*».

Один брат, придя к авве Феодору, начал говорить и рассуждать о таких делах, которых он еще не делал. Старец говорит ему: «Ты не приобрел корабля, не положил на него своих пожитков и прежде плавания уже прибыл в город. Не так надобно, а когда наперед сделаешь дело, тогда приходи говорить о том, о чем говоришь теперь».

Брат спросил авву Пимена: «Если я увижу что-нибудь, то позволишь ли мне рассказать об этом?». Старец отвечал: «Писание говорит: *Иже отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13). Если спросят тебя, говори, а если не спросят, молчи».

Авва Евпрепий, еще в начале своего подвижничества, пришел к одному старцу и говорит ему: «Авва! Дай наставление: как мне спастись?». Старец отвечал ему: «Если ты хочешь спастись, то когда придешь к кому, не начинай говорить, пока не спросят тебя». Авва Евпрепий, пораженный

сим словом, поклонился старцу и сказал: «Много читал я книг, но такого наставления я еще не знал». И пошел, получив большую пользу.

Авва Иосиф спросил авву Нистероя: «Что мне делать с языком моим? Не могу удержать его». Старец спросил его: «А когда говоришь, имеешь ли покой?». Авва Иосиф отвечал: «Нет». Старец сказал: «Если не находишь покоя, для чего же ты говоришь? Лучше молчи; и если тебе случится с кем беседовать, то более слушай, нежели говори».

Авва Пимен говорил: «Если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил».

Авва Арсений говорил: «После беседы я часто раскаивался, а после молчания никогда».

Сказывали об авве Агафоне, что он провел три года, держа во рту камень, пока не научился молчанию.

Один из братьев спросил авву Сисоя: «Отец! Что такое странничество?». Старец отвечал: «Молчи и во всяком месте, куда бы ты ни пришел, говори: “Для меня все равно”, — вот что значит странничество».

Авва Тифой говорил: «Странничество есть обуздание языка своего».

Брат спросил авву Матоя: «Что мне делать? Меня беспокоит язык мой. Когда я бываю с людьми, не могу удержать его, но осуждаю и обличаю их во всяком даже добром деле. Что мне делать?». Старец сказал в ответ: «Ежели ты не можешь удержать себя, то беги в уединение, ибо это немощь. Кто живет с братьями, тот должен быть не четверугольным, но круглым, дабы мог катиться ко всем. И я живу в уединении,— присовокупил старец,— не по крепости духа, но по немощи; а сильные живут и среди людей».

Авва Памво говорил: «При помощи Божией с тех пор, как отрекся от мира, не раскаивался я в словах, которые когда-либо говорил».

Авва Иосиф рассказывал: «Во время беседы нашей с аввой Пименом он назвал Агафона аввой. Мы сказали старцу: “Он еще юн! Почему же ты называешь его аввой?”». Авва Пимен отвечал: “Уста его дают ему право именоваться аввой”».

Один брат спросил авву Авраама: «Если случится мне часто есть, хорошо ли это?». Старец сказал в ответ: «Что ты говоришь, брат? Неужели ты столько ешь? Или ты думаешь, что пришел на гумно?».

Брат спросил авву Ксою: «Если где мне случится съесть три хлеба, не много ли это?».—

«На гумно ли ты пришел, брат?» — отвечал ему старец. Тот еще спросил его: «Если я выпью три чаши вина, не много ли это?». Авва отвечал: «Если нет диавола, то немного, а если есть, то много, ибо вино — враг живущим по Богу».

Авва Исидор, пресвитер, часто говаривал: «Кто предается пьянству, тому не избежать наветов помыслов. Лот, принужденный дочерьми своими, упился вином, и диавол через опьянение легко вовлек его в незаконное блудодеяние».

Авва Иоанн Колов говорил: «Кто из животных столько силен, как лев? Но из-за чрева своего и он попадает в сети, и тогда все могущество его смиряется».

Авва Пимен говорил: «Если бы не пришел Навузардан Архимагир (начальник поваров), храм Господень не был бы сожжен; если бы чревоугодие не нападало на душу, то ум не падал бы в борьбе со врагом».

Настоятель киновии спросил авву Пимена: «Как мне приобрести страх Божий?».— «Как нам приобрести страх Божий,— отвечал авва Пимен,— когда у нас чрево, как сосуд, наполненный сыром, и как бочка с солеными припасами?».

Авва Иоанн Колов говорил: «Скитские отцы вкушали хлеб с солью и говорили: “Не должно нам обременять себя хлебом и солью”, — потому они и сильны были в деле Божиим».

Авва Даниил говаривал, что по той мере, как тучнеет тело, истощается душа, и, напротив, по мере истощения тела, укрепляется душа.

Авва Дула говорил: «Нет ничего равного безмолвию и посту. Пост и безмолвие вместе помогают против врага, ибо они внутренним взорам доставляют остроту зрения».

Авва Пимен говорил: «Давид, когда боролся со львом, то брал его за гортань и тотчас убивал его (см.: 1 Цар. 17, 35): так и мы, воздерживая гортань и чрево свое, при помощи Божией, победим невидимого льва».

Авва Иоанн Колов говорил: «Если царь захочет взять неприятельский город, то прежде всего удерживает воду и съестные припасы, и таким образом неприятели, погибая от голода, покоряются ему. Так бывает с плотскими страстями. Если человек будет жить в посте и голоде, то враги, ослабев, оставят душу его».

В гору аввы Антония сделано было приношение, в котором был найден небольшой бочонок

вина. Один из старцев, налив в малый сосуд и из него в чашу, поднес сию авве Сисою; он выпил; поднес вторую, он принял и вторую. Когда же старец предложил ему третью, авва не принял и сказал: «Перестань, брат! Или ты не знаешь, что есть сатана?»».

Рассказывали об авве Макарии: «Когда ему случалось быть с братией, он полагал себе за правило: если будет вино, выпей для братии, но за один стакан вина целый день не пей воды. Поэтому, когда братия для подкрепления давали ему

вина, старец с радостью принимал оное, чтобы после мучить себя. Но ученик его, зная дело, говорил братии: “Ради Господа, не давайте ему вина; иначе он будет мучить себя в келии”. Братия, узнав сие, более не подносили ему вина».

Об авве Петре Пионтийском сказывали в Келлиях: он не пил вина. Когда же состарился, братия смешали немного вина с водой и просили его выпить. Но он говорил: «Поверьте мне, это я почитаю тем же вином, только приправленным». Он осуждал себя и за вино, смешанное с водою.

Некоторые сказывали авве Пимену об одном монахе, что он не пьет вина. Старец отвечал: «Вино — вещь вовсе не монашеская».

Авва Паисий говорил: «С тех пор как я уединился, солнце никогда не видало меня за трапезой».

Рассказывали об авве Серине, что он много работал и никогда не ел больше двух сухарей.

Рассказывали об авве Аммуне, что малою мерою ячменя он проживал два месяца.

Авва Даниил говорил об авве Арсении: «Столько лет он жил с нами, и мы давали ему на целый год только одну меру пшеницы, из которой и мы ели, когда бывали у него».

Однажды авва Макарий Городский пошел резать ветви. Братия говорят ему в первый день: «Пойдем, отец, с нами есть!». Старец пошел и ел с ними. На другой день они опять звали его есть, но он не пошел и отвечал им: «Вам, дети, нужно поесть, ибо вы еще плоть, а я ныне не хочу есть».

Об авве Исидоре, пресвитере, рассказывали: однажды пришел брат звать его к обеду. Но старец не пожелал идти и сказал: «Адам прельстился снедью, и был изгнан из рая».

Рассказывали об авве Пимене, что он, будучи зван братом к обеду, пошел, хотя против воли своей и со слезами, дабы только не ослушаться брата своего и не опечалить его.

Пришли однажды к авве Макарию в Скит братия и не нашли ничего в келии его, кроме гнилой воды. Они говорили ему: «Авва! Пойдем в деревню, и мы подкрепим тебя». Старец спросил их: «Вы знаете, братия, в деревне хлебню такого-то?». — «Знаем», — отвечали они. «И я знаю, — сказал старец. — Знаете ли также поле такого-то, где течет ручей?». — «Знаем», — сказали они. «И я знаю, — сказал он. — Итак, если чего захочу, сам достану себе и без вас».

Некогда авва Агафон имел у себя двух учеников, которые особо жили в пустыне. В один день он спросил одного: «Как ты живешь в своей келии?». Сей отвечал: «Пощусь до вечера, потом ем по два сухаря». Старец сказал ему: «Хорош образ жизни и не очень труден!». Спросил он и другого: «Как ты живешь?». Этот отвечал: «Пощусь по два дня, и потом ем по два сухаря». Старец сказал ему: «Ты много трудишься и ведешь двоякую брань. Ибо и тот подвизается, кто ест каждый день, но не досыта, и тот, кто постится по два дня и потом ест досыта. А ты постишься и по два дня, и не ешь досыта».

Однажды, как сам Метефий рассказывал, посетил его один святой муж и спросил: «Как ты, брат, живешь в этой пустыне?». Авва Метефий отвечал: «Пощусь по два дня и ем по одному хлебу». Святой сказал: «Если хочешь послушаться меня, ешь каждый день по полхлеба». Делая так, Метефий нашел себе покой.

Авва Иосиф спросил авву Пимена: «Как должно поститься?». Авва Пимен отвечал ему: «Нужно, по моему мнению, есть каждый день, но есть немного, не досыта». — «Как же ты, авва, в

юности своей постился сам по два дня?» — сказал авва Иосиф. «Точно, постился и по три дня, и по четыре, и даже по неделе, — отвечал старец, — но все это испытали отцы, как сильные в добродетели, и нашли, что лучше есть каждый день понемногу, и показали нам путь царский, ибо он удобнее для нас».

Мать Синклитикия говорила: «И враг установил свое подвижничество, и его ученики подвизаются. Чем же различить нам Божественное и царское подвижничество от демонского и мучительного? Явно — умеренностью. Во всю жизнь свою неизменно сохраняй правило поста. Не постись четыре или пять дней с тем, чтобы потом разрешить на множество яств. Ибо неумеренность всегда гибельна. Ты юн и крепок — постись, ибо придет старость, а с нею и немощь. Итак, пока ты в силах, собирай сокровище от пищи, чтобы, когда ослабешь, найти себе покой».

Авва Антоний говорил: «Монах, если можно, должен откровенно сказывать старцам, сколько он делает шагов или сколько пьет капель в своей келии, чтобы как-нибудь не погрешить и в этом».

Авва Пимен говорил: «От трех вещей не могу совершенно освободиться: от пищи, одежды и сна. Впрочем, в известной мере можем обходиться и без них».

Мать Синклитикия говорила: «Не обольщайся роскошной жизнью мирских богачей, как будто бы она при суетных удовольствиях имеет что-либо полезное. Роскошные высоко ценят поваренное искусство, но твой пост и простая пища превосходнее обильных яств их. Писание говорит: *Душа в сытости суши сотам ругается* (Притч. 27, 7). Не прельщайся хлебом — не пожелаешь и вина».

Некоторые отцы спросили авву Метефия: «Если останется каша к другому дню, то советуешь ли братьям есть ее?». Старец отвечал: «Если она испортится, нехорошо принуждать братию есть ее со вредом для своего здоровья. Ее должно бросить. Если же она хороша, то нехорошо бросать ее из одной прихоти и варить другую».

Авва Исаия позвал к себе одного из братьев, омыл ему ноги, потом бросил в горшок горсть чечевицы и, когда она вскипела, принес ее. Брат говорил ему: «Авва! Она еще не уварилась!». Авва

отвечает: «Не довольно ли для тебя и того, что ты видел огонь? И это — великое утешение».

Авва Марк спросил авву Арсения: «Хорошо ли не иметь в своей келии никакого утешения? Я знал одного брата, который имел у себя несколько овощей, но потом вырвал их». Авва Арсений отвечал: «Хорошо, но смотря по способности человека; ибо если он не имеет сил для такого образа жизни, то опять насадит других овощей».

Однажды авва Ахила в Скиту пришел в келию аввы Исаии и увидел, что он ест. На блюде у него была вода с солью. Старец, заметив, что авва Исаия спрятал блюдо за корзину, спросил его: «Скажи мне, что ты ел?». Исаия отвечал: «Прости мне, авва! Резал я ветви, и настал жар; я взял в рот кусок с солью, но горло мое высохло от жара, и кусок не пошел. Поэтому я принужден был подлить в соль немного воды, чтобы можно было мне поесть. Но прости мне!». Тогда старец сказал: «Пойдите, посмотрите на Исаию, как он хлебает похлебку в Скиту! Если хочешь хлебать похлебку, то ступай в Египет!».

Авва Вениамин, пресвитер из Келлий, сказывал: «Пришли мы в Скит к одному старцу и хотели

дать ему немного масла, но он сказал нам: “Вот где лежит малый сосуд, который вы принесли мне назад тому три года; как вы положили его, так он и остался”. Услышав это, подивились мы добродетели старца».

Об авве Еладию говорили, что он ел только хлеб с солью.

Авва Пиор ел, ходя. Кто-то спросил его: «Для чего ты так ешь?». Авва отвечал: «Я не хочу заниматься пищей как делом, потому ем между делом». Еще кто-то спросил его о том же. Старец отвечал: «Так делаю для того, чтобы, когда ем я, душа моя не чувствовала телесного удовольствия».

Сказывали об авве Сисое: он не ел хлеба. В праздник Пасхи братья упрашивали его разделить с ними трапезу. Старец сказал им: «Я одно что-нибудь могу сделать: буду есть или хлеб, или яства, вами приготовленные». Они сказали ему: «Ешь один хлеб». Так он и сделал.

Авва Даниил сказывал, что авва Арсений не более одного раза в год переменял воду, в которой размачивал ветви, но только подливал новой воды. А из ветвей вил он веревку и плел корзины до шестого часа. Старцы убеждали его, говоря:

«Для чего не переменяешь воды на ветвях? Она уже дурно пахнет». Арсений отвечал им: «За благовония и масти, которыми наслаждался я в миру, надобно мне терпеть это зловоние».

Авва Даниил сказывал еще: «Когда авва Арсений слышал, что все плоды уже спели, тогда говорил: “Принесите мне”, — и один только раз вкушал понемногу от всех, благодаря Бога».

Авва Вениамин сказывал: «Пришли мы в Скит к одному старцу, и сей оставил нас у себя обедать. Он предложил нам речного масла; а мы сказали ему: “Отец! Лучше дай немного хорошего масла”. Услышав это, он перекрестился и сказал: “Есть ли другое масло, кроме этого, я не знаю”».

Однажды к матери Сарре пришли пустыnnики. Она предложила пришедшим корзину с плодами. Оставляя хорошие плоды, они ели только гнилые. Сарра сказала им: «Поистине вы пустыnnики».

Рассказывали об авве Исааке, что он ел хлеб свой с пеплом из служебного кадила.

Авва Исаак говорил братьям: «Отцы наши и авва Памво носили ветхие одежды, а вы теперь носите одежды дорогие. Подите отсюда: от вас запустели здешние места».

Авва Памво говорил: «Монах должен носить такое платье, которое бы никто не взял, если бы было выброшено из келии на три дня».

Некто из отцов рассказывал, что при авве Исааке один брат пришел в церковь, что в Келлиях, но в малом куколе. Старец выгнал его, говоря: «Здесь монахи, а ты — мирянин — не можешь быть здесь».

Сказывали о авве Арсении, что как при Дворе никто не носил одежды богаче его, так и в обществе иноков никто не носил одежды хуже его.

|| Умеряй по возможности сон. ||

Авва Пимен говорил: «Алчность и сон не дают нам видеть и того, что легко видеть».

Брат сказал авве Сармату: «Помыслы внушают мне: не работай, но ешь, пей, спи». Старец отвечает ему: «Когда голоден, ешь; когда жаждешь, пей; когда хочешь спать, спи». Другой старец случайно зашел к сему брату, и брат пересказал ему слова аввы Сармата. «Вот что значат слова аввы Сармата, — отвечал старец, — если ты сильно голоден и жаждешь так, что не можешь более преодолеть себя, тогда ешь и пей;

если ты слишком долго не спал и сон клонит тебя, то усни. Вот что сказал тебе старец».

Авва Арсений говорил, что монаху, если он подвижник, довольно уснуть на один час.

Авва Даниил рассказывал об авве Арсении: «Призвал он однажды отцов моих, авву Александра и Зоила, и со смирением сказал им: “Демоны нападают на меня, и не знаю, не одолевают ли они меня во сне; потрудитесь эту ночь со мной и постерегите, не задремлю ли я во время бдения”. Авва Александр и Зоил сели с вечера молча, один по правую его руку, а другой по левую. После отцы мои говорили: “Мы уснули и не заметили, чтобы он задремал. Поутру же (Бог знает, нарочно ли это сделал, дабы мы подумали, что он дремал, или в самом деле природа склонила его ко сну) он трижды вздохнул и тотчас встал и сказал: «Да, я задремал». А мы сказали в ответ: «Не знаем»».

Авва Даниил сказывал об авве Арсении, что он всю ночь проводил в бдении, и когда пред утром природа побуждала его заснуть, говорил сну: «Иди сюда, злой раб», — и, поспав несколько сидя, быстро вставал.

Авва Виссарион сказывал, что он сорок лет не ложился на бок, а спал или сидя, или стоя.

Он же сказывал: «Я сорок дней и сорок ночей провел среди терния, стоя и без сна».

Один отец рассказывал об авве Сисое Каламонском: однажды он, желая победить сон, привел себя к утесу в Петре. Ангел пришел, снял его и запретил ему повторять это, дабы не подать примера другим.

Вообще не давай себе самому наслаждаться или упоковаться в своем теле, а смотри на него, как на совершенно отдельное от себя успокаивающееся рабчее животное.

Авва Даниил, ученик аввы Арсения, рассказывал: «Находился я однажды близ аввы Александра. Труд одолел его, и от утомления лег он на земле, смотря вверх. Случилось идти к нему для беседы блаженному Арсению, и сей видел его лежащим. Побеседовав с аввой Александром, авва Арсений спрашивает его: “Кто этот мирянин, которого я здесь видел?”. Авва Александр говорит ему: “Где ты видел его?”. Авва Арсений отвечал: “Когда сходил я с горы и взглянул сюда, на пещеру, видел кого-то, лежащего кверху

лицом”. Авва Александр поклонился ему и сказал: “Прости мне, это был я, ибо труд одолел меня”. Старец сказал ему: “Так это ты был? Хорошо, а я думал, что это был мирянин; потому и спросил”».

Не имей пристрастной любви к людям

|| Где сокровище твое. ||

Авва Илия говорил: «Люди обращают ум свой или ко грехам, или к Иисусу, или к людям».

Авва Алоний говорил: «Если человек не скажет в сердце своем: “В мире я один да Бог”, не найдет спокойствия».

|| Не любви быть с людьми без надобности. ||

Авва Даниил рассказывал: «Некоторые братья, намереваясь отправиться в Фиваиду за льном, сказали: “Пользуясь случаем сим, посетим и авву Арсения”. Когда авва Александр вошел к старцу и сказал ему: “Братия, пришедшие из Александрии, желают видеть тебя”, — старец отвечал ему: “Узнай от них, для чего они пришли”. Узнав, что они идут в Фиваиду за льном, сказал об этом старцу. Старец говорит: “Истинно не увидят они лица Арсениева, ибо не для меня пришли, а по своему делу. Успокой их и отпусти с миром, а обо мне скажи: старец не может принять вас”».

Однажды местные пресвитеры пришли к монастырю, где был авва Пимен. Авва Анувий вошел к нему в келию и сказал ему: «Позовем ныне сюда пресвитеров». Но авва Пимен не дал ему никакого ответа, хотя тот долго стоял пред ним. Авва Анувий вышел с прискорбием. Сидевшие близ старца спрашивают его: «Авва! Почему ты не отвечал ему?» Авва Пимен сказал им: «Что же мне делать? Я умер, а мертвый не говорит».

Авва Иоанн Колов был *духом горящий* (Рим. 12, 11). Некто, придя к нему, хвалил его работу, а авва плел корзину и молчал. Тот опять начал говорить ему, и авва опять молчал. В третий раз авва Иоанн говорит посетителю: «Ты удалил от меня Бога с того времени, как вошел в мою келию».

Один брат пришел к авве Феодору поучиться у него сшивать корзины и принес с собой плетенку. Старец сказал ему: «Ступай и приди сюда утром». Далее старец встал, намочил ему плетенку, приготовил образчик сшивания и, сказав: «Вот так и так делай», — оставил его. Войдя в свою келию, старец сел, в определенное время пригласил брата обедать и после отпустил его. Утром брат опять пришел. Старец говорил ему: «Возьми свое плетение и ступай отсюда, ибо ты пришел

ввести меня в искушение и беспокойство», — и не позволил ему более оставаться у себя.

Авва Витим рассказывал: «Шел я однажды в Скит, и дали мне несколько яблок для старцев. Я постучался у келии аввы Ахилы, чтобы дать ему. Но он сказал: “Право, брат, не желал бы я, чтобы ты стучался теперь, хотя бы у тебя была манна, — да не ходи и в другую келию”. И так я возвратился в свою келию, а яблоки отнес в общую трапезу».

|| Возлюби святое уединение, сколько будешь на- ||
|| ходить его возможным для себя. ||

Авва Феодор Фермейский говорил: «Человек, который познал сладость келии, бегаёт своего ближнего, хотя и не презирает его».

Он же говорил: «Если я не отсеку от себя сей жалостливости, то она не даст мне добра».

Ещё говорил: «Многие в настоящее время достигли покоя прежде, нежели Бог даровал им его».

Один брат спросил авву Пимена: «Что делать мне?» Старец сказал ему: «Если бы Бог посетил нас, о чем бы нам заботиться?» — «О грехах своих», — отвечал брат. Старец сказал: «Пойдем же в келии свои, будем сидеть там и

размышлять о грехах своих, и Господь во всем будет помогать нам».

Брат пришел в Скит к авве Моисею и просил у него наставления. Старец говорит ему: «Пойди и сиди в своей келии; келия твоя всему тебя научит».

Авва Аио просил авву Макария дать ему какое-либо наставление. Авва Макарий сказал ему: «Бегай людей, сиди в келии своей, оплакивая свои грехи, не люби речей людских — и спасешься».

Авва Ор говорил ученику своему Павлу: «Смотри, смотри, никогда не приноси чужих речей в эту келию».

Авва Пимен говорил: «Если увидишь зрелище и услышишь разговор, не пересказывай о том ближнему своему. Через это приходит искушение».

Авва Исаия просил авву Макария: «Дай мне наставление». Старец говорит ему: «Бегай людей». Авва Исаия спрашивает его: «Что значит бегать людей?». Старец отвечал: «Сидеть тебе в своей келии и плакать о грехах своих».

Авва Арсений, еще находясь при царском дворе, молился Богу так: «Господи! Научи меня, как спастись?». И был к нему глас: «Арсений! Бегай от людей — и спасешься».

Удалившись в уединение, он опять молился Богу теми же словами и услышал глас, говорящий ему: «Арсений! Бегай, молчи, пребывай в безмолвии, ибо в этом корни святой жизни».

Авва Антоний говорил: «Как рыбы, оставаясь долго на суше, умирают, так и находящиеся долго вне келии или пребывающие с мирскими людьми теряют любовь к безмолвию. Посему, как рыба рвется в море, так и мы должны спешить в келию, дабы, оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении».

Брат спросил авву Руфа: «Что такое безмолвие, и какая от него польза?». Старец отвечал ему: «Безмолвствовать — значит пребывать в своей келии в страхе Божиим и в размышлении о Боге и воздерживаться от памятозлобия и высокоумия. Такое безмолвие, как мать всех добродетелей, охраняет от раскаленных стрел греха, не допуская уязвляться от них. Так, брат, старайся стяжать сие безмолвие, помня о смерти своей, ибо неизвестно, *в кий час тать приидет* (Лк. 12, 39). Бди над своей душой».

Авва Нил говорил: «Воин Христов, любящий уединение, не уязвляется стрелами врага,

а вмешиваясь в толпу людей, он терпит постоянные поражения».

Брат сказал авве Исидору, пресвитеру: «Ты боишься даже выйти из келии своей?».— «Точно, боюсь, сын,— отвечал старец,— ибо диавол, *яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8)».

Брат говорит авве Сармату: «Помыслы внушают мне: выйди вон из келии, посети братию». — «Не слушай их,— отвечает старец,— но скажи: я прежде слушался вас, а теперь не могу слушаться».

Один брат, живший в пустыне Фиваидской, был искушаем таким помыслом: «Что ты живешь здесь без пользы? Встань, ступай в киновию, и там получишь пользу». Он, встав, пошел к авве Пафнутию и открыл ему свой помысл. Старец сказал ему: «Пойди сиди в своей келии и твори одну молитву утром, одну вечером и одну ночью. Когда хочешь есть — ешь, когда хочешь пить — пей, когда придет сон — спи, но оставайся в пустыне и не слушай свбего помысла». Брат пошел к авве Иоанну и пересказал ему слова аввы Пафнутия. Авва Иоанн сказал ему: «Сиди в своей келии». Брат пошел еще к авве Арсению и сказал ему обо всем. Старец говорит ему: «Исполняй,

что заповедали тебе отцы, и я более сего не могу сказать тебе». Брат пошел от него с полным убеждением.

Сказал некто авве Арсению: «Помыслы смущают меня, внушая: ты не можешь ни поститься, ни трудиться; посещай хотя бы больных, ибо и это дело любви». Старец, зная порождения дьявольские, отвечал ему: «Ступай, ешь, пей, спи и не работай, только не выходи из келии». Ибо он знал, что пребывание в келии приводит жизнь в должный порядок.

Авва Антоний говорил: «Кто живет в пустыне и в безмолвии, тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора; одно только у него искушение — искушение в сердце».

Авва Моисей сказал авве Макарию в Скиту: «Я хочу жить в безмолвии, но братия не дают мне». Авва Макарий отвечал ему: «Вижу, что ты по природе слаб и не можешь отдалить от себя брата. Но если хочешь безмолвствовать, ступай во внутреннюю пустыню, в Петру, и там будешь безмолвствовать». Авва Моисей сделал так и успокоился.

Авва Макарий Великий однажды в Скиту, распуская собрание, сказал братиям: «Бегите,

братия!». Один из старцев сказал ему: «Куда же мы побежим дальше сей пустыни?»». Авва, положив перст на уста, сказал: «Сего бегите!». Потом вошел в келию свою, запер дверь и сидел.

Авва Моисей говорил: «Бегающий людей похож на зрелую виноградную лозу, а обращающийся с ними — на незрелый виноград».

Авва Ор говорил: «Или дальше убегай от людей, или скрывайся от мира и людей, представляя себя безумным во многих случаях».

Пришел к авве Арсению один отец и постучался у дверей его. Старец, думая, что это был прислужник его, отворил дверь. Увидев же, что это другой, пал на лицо свое. Тот говорит ему: «Встань, авва, дай мне облобызать тебя!». Но старец отвечал ему: «Не встану, пока ты не уйдешь». И после долгих просьб старец не встал, пока он не удалился.

Однажды авва Антоний получил от императора Констанция письменное приглашение придти в Константинополь. Авва Антоний рассуждал, что ему делать. Потом говорит авве Павлу, ученику своему: «Должно ли мне идти?». Сей отвечал ему: «Если пойдешь — будешь Антоний, а если не пойдешь — будешь авва Антоний».

К авве Арсению пришел однажды блаженный Феофил, архиепископ, с каким-то начальником и просил старца дать наставление. Старец, немного помолчав, сказал ему: «Исполните ли, что скажу вам?». Они обещались исполнить. Тогда старец сказал им: «Если где услышите об Арсении, не ходите к нему».

В другой раз архиепископ, желая прийти к старцу, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Старец отвечал ему так: «Если придешь, отворю тебе двери, но если для тебя отворю, то и для всех отворю и тогда уже не останусь здесь». Архиепископ, услышав это, сказал: «Если я своим приходом прогоню его, то лучше мне не ходить к нему».

Авва Аммуна из Раифа пришел однажды в Климисму посетить авву Сисоя и, видя, что старец скорбит об удалении из пустыни, сказал ему: «Что ты скорбишь, авва? И что ты в такой старости мог бы сделать теперь в пустыне?». Старец, устремив на него печальный взор, сказал: «Что ты говоришь мне, Аммуна? Разве недовольно для меня было бы в пустыне и одной свободы ума моего?».

Брат спросил авву Сисоя: «Почему ты, живя с аввой Ором, оставив Скит, пришел и поселился здесь?». Старец отвечал: «Когда Скит начал делаться многолюднее и я услышал, что авва Антоний почил, встал я и пошел в сию гору. Нашедши это место спокойным, я поселился здесь на несколько времени». — «А давно ли, авва, живешь здесь?» — спросил брат. «Семьдесят два года», — отвечал старец.

Авва Сисой жил некогда в горе аввы Антония. В это время послушник его долго не приходил к нему, и он около десяти месяцев не видал ни одного человека. Однажды, проходя по горе, старец встречает Фаранита, который ловил диких зверей, и спросил его: «Откуда ты и давно ли здесь?». Охотник отвечал: «Поверь, авва, я уже одиннадцать месяцев на сей горе и еще не видал ни одного человека, кроме тебя». Услышав сие, старец возвратился в келию и бил себя, приговаривая: «Вот, Сисой, ты думал, что сделал что-нибудь, а не сделал и того, что сделал сей мирянин!».

Сказывали об авве Феодоре Фермейском, что он многих превосходил сими тремя главными добродетелями: нестяжанием, подвижничеством и удалением от людей.

Рассказывали об авве Павле Великом, что он провел всю Четыредесятницу с малой мерой чечевицы и кружкой воды, и был в затворе до самого Праздника, сплетая и расплетая одну и ту же корзинку.

Авва Витимий передал следующий рассказ аввы Макария: «Некогда, во время пребывания моего в Скиту, пришли туда двое странников юношей. У одного из них была уже борода, а у другого только что показывалась. Они подошли ко мне и спросили: “Где келия аввы Макария?”. Я сказал: “Для чего ищете вы его?”. Они отвечают: “Мы слышали о нем и о Ските его и пришли видеть его”. Говорю им: “Я Макарий”. Они поклонились мне и сказали: “Мы желаем остаться здесь”. Но видя, что они жили в неге и богатстве, отвечаю им: “Вы не можете жить здесь”. Старший из них сказал: “Если мы не можем жить здесь, пойдем в другое место”. Говорю потом я сам себе: “Зачем гоню их? Еще не соблазнились бы. Труд заставит их уйти самих”. И говорю им: “Пойдите, сделайте себе келию, если можете”. Они говорят: “Укажи нам место, и сделаем”. Старец дал им топор и полный мешок хлеба и соли. Далее указал им твердый камень и

сказал: “Вырубайте здесь себе келию, а деревья берите из болота; сделайте крышу, и живите”. Я думал, говорил авва Макарий, что они уйдут от такого труда. Потом спросили они меня: “Что здесь работают?”. Я отвечал: “Корзины”. Взял я из болота пальмовых ветвей и показал им, как начать плести и как надобно сшивать плетенку, и сказал: “Делайте корзины и отдавайте сторожам, а они будут носить вам хлеб”. После сего я удался. Они с терпением делали все, что велел я им, и не приходили ко мне три года. Меня беспокоила мысль: как живут они? И почему не приходили ко мне спросить о помысле? Издалека приходят ко мне, а они, вблизи живя, не приходили. И к другим не ходили, только молча приходят в церковь принимать Дары. Постясь неделю, я молился Богу, чтобы Он открыл мне образ жизни их. По прошествии недели пошел я к ним посмотреть, как они живут. Когда постучался у них в дверь, они отворили и приветствовали меня молча. Я помолился и сел. Тогда старший дал знак младшему выйти, а сам сел и плел корзину, не говоря ни слова. В девятом часу постучался и вошел младший, приготовил немного кашицы и по знаку старшего поставил стол, положил на

него три сухих хлеба и встал молча. Я сказал: “Встаньте, поедим”. Встали мы и поели. Потом принес он кружку воды, и мы пили. Когда же настал вечер, они спрашивают меня: “Пойдешь ты от нас?”.— “Нет,— отвечал я,— усну здесь”. Они постлали для меня рогожу в стороне, а для себя в углу другой стороны, сняли с себя пояса и верхние одежды и легли вместе на одной рогоже против меня. Как они легли, я молился, чтобы

Бог открыл мне образ жизни их. Тогда отверзлась крыша, и стало светло как днем; они не видели света. Думая, что я сплю, старший толкает в бок младшего; оба встают, опоясываются и воздевают руки к небу. Я смотрел на них, но они не смотрели на меня. Тут я видел, что демоны, как мухи, кружились около младшего; одни хотели сесть на уста его, другие на глаза,— и я видел, что Ангел Господень с огненным мечом ограждал его и отгонял от него демонов. А к старшему они не могли приближаться. Около утра они опять легли. Но я сделал вид, будто просыпаюсь, и они сделали то же. Старший сказал мне: “Хочешь ли, мы пропоем двенадцать псалмов?”. — “Хорошо”, — отвечал я. Тогда младший пропел пять псалмов и после каждого шести стихов пел одно “Аллилуия”. И при пении каждого стиха огненный луч выходил из уст его и восходил на небо. Подобным образом, когда и старший отверзал уста для пения, из них выходила как бы огненная вервь и достигала неба. И я также проговорил несколько стихов и, уходя от них, сказал: “Помолитесь обо мне!”. Они поклонились молча. И так узнал я, что старший уже был совершен, а младшего еще искушал враг. Через

несколько дней старший брат почил, а в третий день после него и младший». Когда отцы приходили к авве Макарию, он водил их в келию умерших братьев и говорил: «Пойдите, посмотрите, где мучились юные странники!».

Некогда Макарий Египетский пришел из Скита в гору Нитрийскую с приношением аввы Памво. Старцы говорят ему: «Отец! Скажи что-нибудь братии». Он отвечал: «Я еще не сделался монахом, но видел монахов. Когда я жил в келии в Скиту, помыслы беспокоили меня, внушая: “Иди в пустыню и посмотри, что увидишь там”. Пять лет я сопротивлялся сему помыслу, говоря: не от демонов ли он? Но как помысл продолжался, пошел я в пустыню. Там нашел я озеро и среди него остров. Пришли пить из озера звери пустынные, и увидел я между ними двух нагих людей. Затрепетало тело мое, ибо я думал, что это духи. Они, увидев мой трепет, сказали мне: “Не бойся, и мы также люди!”. Я спросил их: “Откуда вы? И как пришли в эту пустыню?”. Они сказали: “Мы из киновии, согласились между собой и пришли сюда. Вот уже сорок лет тому. Один из нас — египтянин, а другой — ливиянин”. Потом и они спрашивали меня: “Каков

мир? Приходит ли вода в свое время? И то же ли изобилие в мире?”. Я отвечал: “Все так же”. Я опять спросил их: “Как могу сделаться монахом?”. Они отвечали: “Если кто не отречется от всего мирского, то не может быть монахом”. Я сказал им: “Слаб я и не могу жить, как вы”. Они сказали мне: “Если не можешь жить, как мы, то сиди в своей келии и плачь о грехах своих”. Еще спросил я их: “Неужели вы не зябнете во время зимы и зной не сожигает тел ваших?”. Они отвечали: “Бог явил такое промышление о нас, что и зимой не зябнем мы, и летом зной не вредит нам”. Вот почему я сказал вам, что еще не сделался я монахом, но видел монахов. Простите мне, братия!».

Об одном брате, который пришел в Скит видеть авву Арсения, сказывали, что он, войдя в церковь, просил клириков проводить его к авве Арсению. Они сказали: «Подожди немного, брат, и увидишь его». Но он сказал: «Я ничего не буду есть, пока не увижу его». Тогда послали одного брата проводить его к авве Арсению, ибо келия его находилась далеко. Постучавшись у дверей, они вошли и, приветствовав старца, сели молча. Потом провожавший из церкви брат сказал:

«Я пойду, помолитесь обо мне». А брат странник, не смея говорить со старцем, сказал брату: «И я пойду с тобой». И вышли вместе. После сего просил он провожавшего брата: «Проводи меня и к авве Моисею, который был разбойником». Когда пришли к Моисею, он принял их с радостью и отпустил весьма ласково. После сего провожавший брат сказал страннику: «Вот я водил тебя и к чужестранцу, и к египтянину; который тебе из них понравился?». Он отвечал: «Мне понравился египтянин». Один отец, услышав об этом, помолился Богу так: «Господи! Открой мне дело сие, — один для имени Твоего убегает людей; а другой для Твоего же имени принимает их с отверстыми объятиями». И вот, ему были показаны два больших корабля на реке. На одном он видит авву Арсения и Духа Божия, плывущих в безмолвии; а на другом авву Моисея и Ангелов Божиих, которые питали его сотовым медом.

Однажды пришли к авве Арсению старцы и усиленно просились войти к нему. Он отворил им дверь, и они просили его сказать им что-нибудь о пребывающих в безмолвии, которые никого не принимают к себе. Старец говорит им:

«Пока девица живет в доме отца своего, многие желают иметь ее своей невестой, но когда выйдет замуж, не всем уже нравится. Одни хвалят ее, а другие унижают; ей нет уже такой чести, как прежде, когда жила она в сокровенности. Так бывает и с душой: как скоро она становится открытой для всех — не может всем угождать».

|| Когда необходимо быть с людьми, не оставляя святой стражи над собой пред свиданием с ними, во время свидания и после свидания. ||

Авва Пимен говорил: «Если придет к тебе брат и ты увидишь, что посещение его не принесло тебе никакой пользы, то испытай сердце свое и узнай, какие мысли были у тебя перед его приходом, и тогда увидишь причину, почему ты не получил пользы. Если ты сделал это со смирением и внимательностью, то, чувствуя тяжесть грехов своих, не станешь жаловаться на ближнего своего. Если человек благоговейно будет беседовать с братом, то не преткнется. Ибо Бог всегда пред ним. И я знаю, что от такой беседы человек приобретает страх Божий».

Авва Пимен рассказывал: «Один брат говорил авве Симону: “Если выхожу я из келии своей

и застаю брата своего развлеченным, то и сам развлекаюсь с ним; и если застаю его смеющимся, и сам смеюсь вместе с ним. Почему, когда возвращаюсь в келию свою, не нахожу покоя?». Старец отвечал ему: «Хочешь ли, выходя из келии своей и встречаясь со смеющимися, и самому смеяться, и с говорящими и самому говорить, а возвращаясь в келию свою, находить себя таким, каким вышел?». Брат спрашивает: «Что же для этого надобно делать?». Старец отвечал: «Держи стражу над собой в келии, держи стражу и вне келии» ».

Брат говорил авве Петру, ученику аввы Лота: «Когда я сижу в келии своей, душа моя спокойна; но если приходит ко мне брат и начинает говорить о предметах внешних, то душа моя приходит в смущение». Авва Петр отвечал: «Авва Лот говаривал: “Ключ твой отпирает дверь мою” ». Брат спросил старца: «Что значат сии слова?». Старец отвечал: «Ежели кто приходит к тебе, ты спрашиваешь его: “Здоров ли? Откуда пришел? Здоровы ли братия? Хорошо ли приняли тебя или нет?». И тогда ты отпираешь дверь брата и слушаешь то, чего бы не хотел». — «Правда, — говорит брат, — что же должен делать человек,

ежели придет к нему брат?»). Старец отвечает: «Плач всему научает; а где нет плача, там нельзя уберечься от искушения». Брат говорит: «Когда я бываю в келии, плач всегда со мной; но если приходит кто ко мне или я сам выхожу из келии, то уже не нахожу слез». Старец отвечает: «Если человек приложит посильный труд к известному делу, он найдет, чего ищет для своей пользы. Неверный слуга — сын незаконный; истинный сын не оставляет отца своего».

Некоторые отцы пришли к авве Иосифу в Панефос спросить у него, как принимать братьев, приходящих издалека. Должно ли из снисхождения к ним беседовать с ними свободно? Еще они не успели спросить его, как старец сказал своему ученику: «Смотри, что я теперь буду делать, и не мешай». Старец поставил два тростниковых стула, один с правой стороны, а другой с левой, и сказал: «Садитесь». Потом вошел в свою келию, надел на себя рубище и, выйдя из келии, прошел посреди них. Потом опять вошел в келию, надел обыкновенные свои одежды, опять вышел и сел между ними. Отцы с изумлением смотрели на его действия. Тогда он сказал им: «Видели ли вы, что я делал?».— «Видели»,— отвечали

они.— «Переменился ли я от рубища?».— «Нет»,— говорили они. Тогда старец сказал им: «Ежели я одинаков и в рубище и в своем платье, так что ни то не изменило меня, ни другое не повредило мне, то так же должны мы вести себя, принимая странников, как говорит и Святое Евангелие: *воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22, 21). Итак, когда приходят к нам братия, будем принимать их с радушием. А когда останемся одни, нам нужно плакать и плакать постоянно». Услышав это, отцы удивились тому, что старец сказал им, что у них на сердце, еще прежде, нежели они спросили его,— и прославили Бога.

Сказывали об авве Иоанне Колове, что когда возвращался он с жатвы или из собрания старцев, то молился, размышлял и пел псалмы дотолѣ, пока ум его не приходил в прежнее состояние.

|| Умерь любовь свою к окружающим тебя, к благодетелям и друзьям своим, к отцу и матери, к жене и детям. ||

Авва Агафон говорил: «Если бы я сильно любил кого и узнал бы, что он вводит меня в грех, я отверг бы его от себя».

Авва Марк сказал авве Арсению: «Для чего ты бегаешь от нас?». Старец отвечал ему: «Бог видит, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом и с людьми. На небе тысячи и мириады имеют одну волю, а у людей воли различны. Нельзя же мне оставить Бога и идти к людям».

Рассказывали, что у аввы Аполлона был ученик по имени Исаак, который в совершенстве научился всякому делу благому и снискал безмолвие, какое должно соблюдать во время приношения Святой Жертвы. Когда выходил в церковь, то старался избегать всяких встреч. Обыкновенно он говорил: «Все хорошо в свое время; ибо *время всяцей вещи под небесем* (Еккл. 3, 1)». Когда же оканчивалась служба, то, как будто гонимый огнем, спешил он уйти в келию. Часто после службы раздавали братии сухари и по чаше вина, но Исаак не брал никогда, не потому, чтобы отвергал благословение братии, но чтобы удержать то же безмолвие, какое соблюдал во время службы. Случилось ему слечь в болезни. Братия, узнав об этом, пришли посетить его. Сидя у него, они спросили: «Авва Исаак! Почему ты после службы бегаешь от братий?». Он отвечал: «Я не братий бегаю, но козней

демонских. Если кто с зажженным светильником долго будет стоять на открытом воздухе, светильник погасает. Так если и мы, просветившись Святым Духом во время Святого Приношения, долго будем вне келии, ум наш помрачится».

Рассказывали, что авва Сисой Фивейский имел обычай бегом бежать в свою келию по окончании церковного служения, и говорили: «В нем бес». А он дело Божие делал.

Рассказывали об авве Исидоре, пресвитере: когда пришел к нему один брат, он убежал от него во внутреннюю свою келию. Братия спросили его: «Авва! Что ты это делаешь?». Он отвечал: «И звери спасаются, убегая в свои логовища». Это говорил он для пользы братий.

Однажды мать аввы Марка пришла в Скит видеть его. Пришла она с большой пышностью. К ней вышел авва Силуан, учитель аввы Марка. Она сказала ему: «Авва! Вели моему сыну выйти, я хочу посмотреть на него». Старец взошел в келию и сказал Марку: «Пойди, мать твоя хочет видеть тебя». Марк носил одежду, сшитую из разных лоскутков, и весь был измазан сажей. Он вышел из послушания к старцу, закрыл глаза свои и сказал: «Здравствуйте, здравствуйте,

здравствуйте!» — и не видал никого. Мать также не узнала его. Она в другой раз посылает просить старца: «Авва, пошли ко мне сына моего, я хочу видеть его». Старец сказал Марку: «Или я не говорил тебе? Пойди, пусть посмотрит на тебя мать твоя». Марк отвечал ему: «Я выходил по приказанию твоему, авва! Но теперь прошу тебя, не посылай меня в другой раз, чтобы мне не послушаться тебя». Старец сам вышел к матери и сказал ей: «Сын твой тот самый, который выходил к тебе и говорил: “Здравствуйте!”». Он утешил ее и отпустил.

В другое время авва Силуан, выйдя из Скита, пошел в Синайскую гору и там остался. Мать Марка послала к нему и со слезами умоляла его отпустить сына ее, чтобы ей посмотреть на него. Старец отпустил Марка. Но когда Марк приготовил милоть, чтобы идти к матери, и пришел проститься со старцем, вдруг начал плакать и не пошел.

Один отец рассказывал об авве Пимене и братьях его. Когда жили они в Египте, мать их желала увидеться с ними и никак не могла. Заметив, когда они пошли в церковь, она вышла им навстречу. Но увидев ее, они бросились назад и заперли дверь перед ее глазами. Мать за дверью

горько плакала и кричала им: «Дайте посмотреть на вас, дети мои любезные!». Услышав это, авва Анувий вошел к авве Пимену и сказал: «Что нам делать с этой старицей, плачущей у дверей?». Пимен, став близ двери и услышав, что она горько плачет, сказал ей: «Что ты так кричишь, старица?». Мать, услышав голос сына, начала рыдать еще громче и кричала сквозь слезы: «Хочу вас видеть, дети мои! Что будет из того, что я посмотрю на вас? Не мать ли я ваша? Не я ли вскормила вас? Я уже вся седа. Но услышав голос твой, пришла я вся в смятение». Старец говорит ей: «Здесь ли хочешь видеть нас или в том мире?». Она отвечала: «Если не увижу вас здесь, точно ли увижу там?». Старец сказал: «Если решишься не видеть нас здесь, то там непременно увидишь». Тогда с радостью мать пошла от детей своих: «Если в самом деле увижу я их там, — говорила она, — то не хочу видеть их здесь».

Некогда правитель египетский пожелал видеть авву Пимена, но старец не принял его. Правитель после того взял сына сестры его будто бы за какое-то преступление и посадил в тюрьму, сказав: «Если придет старец и попросит за него, я отпущу его». Сестра Пименова со

слезами пришла к дверям келии его, но старец ничего ей не отвечал. Она начала поносить его и взывала: «Медное сердце! Сжался надо мной, у меня один только сын и есть!». Старец послал сказать ей: «Пимен не родил детей». Сестра так и ушла от него. Правитель, узнав об этом, послал сказать старцу: «Пусть он попросит хоть в письме, и я отпущу юношу». Но старец отзывался так: «Исследуй по законам: если он достоин смерти, пусть умрет, а если нет, то делай, что хочешь». Правитель, услышав такой отзыв, освободил заключенного.

|| Любя святое ѳединенне, люби и святое общенне ||
с людьми.

Рассказывали об авве Сисое: однажды, сидя в келии, он громким голосом закричал: «О, беда!». — «Что с тобой, отче?» — спросил ученик. Старец отвечал ему: «Ищу одного человека, чтобы поговорить с ним, и не нахожу его».

Авва Исаак жил вместе с аввой Авраамом. Однажды авва Авраам, войдя в келию, застал авву Исаака плачущим и говорит ему: «О чем ты плачешь?». Старец отвечал: «Как нам не плакать? Куда мы пойдём? Отцы наши почили. Рукоделия

нашего мало для платы за наем судна, которую прежде давали мы, отправляясь для посещения старцев. Итак, мы теперь осиротели. Об этом-то я и плачу».

Когда авва Арсений жил в Нижнем Египте и народ беспокоил его, вздумалось ему оставить келию. Ничего не взяв из нее, он пришел к ученикам своим — Александру и Зоилу Фараиским. Александру сказал: «Ступай на корабль и плыви вверх». Он так и сделал. Потом Зоилу сказал: «Пойдем со мной до реки, там същи мне судно, плывущее вниз к Александрии, а потом и ты плыви вверх к брату своему». Зоил, смущенный сими словами, молчал. Так разлучились они друг с другом. Старец пришел в Александрию и занемог тяжкой болезнью. Прислужники же его рассуждали между собой: «Не огорчил ли кто из нас старца, и потому он удалился от нас?». Но не находили в себе никакой вины, ибо никогда не ослушались его. Старец, по выздоровлении, сказал: «Пойду к моим отцам», — и, отплыв вверх, пришел в Петру, где были прислужники его. Когда находился он близ реки, какая-то служанка, эфиопянка, подойдя, прикоснулась к его милоти. Старец обличил ее. Служанка же сказала ему: «Если ты монах, то иди в гору». Старец, пораженный сим словом, говорил сам в себе: «Арсений!

Если ты монах, то иди в гору». Между тем встретились с ним Александр и Зоил. Когда они пали к ногам его, повергся и старец, и все плакали. Старец спросил: «Ужели не слышали вы, что я был болен?» Они отвечали: «Слышали». — «Что же вы не пришли навестить меня?» — сказал старец. Авва Александр отвечал: «Горько для нас было твое разлучение с нами, и оно не на пользу послужило многим, которые говорили о нас: “Если бы не ослушались старца, он не удалился бы от них”». Старец сказал им: «Теперь опять будут говорить люди: “Не нашла голубица покоя ногам своим, возвратилась к Ною в ковчег”». Таким образом они примирились, и старец пребыл с ними до смерти своей.

Авва Даниил, ученик аввы Арсения, рассказывал: «Пришли однажды из Александрии некоторые отцы видеть авву Арсения. Один из них был дядя старшего Тимофея, архиепископа Александрийского, прозванного нестяжательным, и имел с собой одного из племянников по брату. Старец был тогда болен и не хотел видаться с ними, дабы и другие также не пришли и не стали беспокоить его. В то время находился он в Петре Тройской. Отцы возвратились с печалью. После того случился набег варваров, и старец пошел и захотел

остаться в нижних пределах Египта. Услышав о сем, отцы опять пришли посетить его. Старец с радостью принял их. Брат, бывший с ними, сказал ему: “Не помнишь ли, авва, мы приходили в Трою посетить тебя и ты не принял нас?”. Старец отвечал ему: “Вы ели хлеб и пили воду; а я, сын мой,— истину скажу тебе — не отведывал ни хлеба, ни воды и даже не садился, наказывая сам себя, пока не узнал, что вы возвратились в свое место, потому что из-за меня и вы утомились, но простите мне, братия!”. Братия пошли от него утешенные».

Для снискания пищи и одежды делай сколько можешь, но спокойно

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

Мф. 6, 25—32

Трудами снискай себе необходимое для здешней жизни, но в трудах соблюдай покой, необходимый для молитвенного настроения духа и прочих дел благочестия.

Не будь неверен: Отец Небесный даровал душу и тело, которые больше пищи и одежды, — лишит ли Он меньшего? Рука Его питает и одевает земных тварей малых — тем более человека! Язычники,

не и мѹщине ѹповання, сосредотачивают внимание и заботы на пищу, питии и одежде. Отец Небесный знает, что пища и одежда нужны нам.

Рассказывали об авве Иоанне Колове: сказал он однажды старшему своему брату: «Я решил не иметь никаких забот, как не имеют их Ангелы, которые ничего не работают, а непрестанно служат Богу», — и, скинув с себя одежду, пошел в пустыню. Прожив там одну неделю, возвратился к своему брату. Когда постучался в двери, брат узнал его, но, не отворяя дверей, спрашивает его: «Кто ты?». Он сказал: «Я Иоанн, брат твой». Брат отвечал ему: «Иоанн стал уже Ангелом, и его нет между людьми». Иоанн упрашивал его и говорил: «Это я». Но тот не отворял ему, а оставил его скорбеть до утра. После, отворив ему двери, сказал: «Ты человек, и тебе нужно опять работать, чтобы пропитать себя». Иоанн поклонился ему и сказал: «Прости мне».

Один брат пришел к авве Силуану в гору Синайскую. Увидев, что братия работают, он сказал старцу: *Делайте не брашно гнблющее* (Ин. 6, 27), *Мария же благуу часть избра* (Лк. 10, 42). Старец сказал своему ученику: «Захария! Подай брату книгу и отведи его в пустую келию». Когда

наступил девятый час, брат прислушивался у двери, не посылают ли звать его в трапезу. Но как никто его не звал, он сам, встав, пошел к старцу и говорит ему: «Авва! Ужели братия сегодня не ели?» — «Ели», — отвечал старец. «Почему же не позвали меня?» — опять спросил брат. «Потому, — отвечал старец, — что ты человек духовный и не имеешь нужды в такой пище, а мы, как плотские, хотим есть и потому работаем. Ты избрал благую часть, читая целый день, и не хочешь вкушать плотской пищи». Брат, выслушав сие, поклонился старцу и сказал: «Прости меня, авва!». Тогда старец говорит ему: «Так и Мария имеет нужду в Марфе, ибо и Мария похвάζεται из-за Марфы».

Авва Аммой рассказывал: «Пришли мы однажды, я и авва Витим, к авве Ахиле и услышали, что он рассуждает о сих словах: *не убойся, Иакове, изыти во Египет* (ср.: Быт. 46, 3). Долго он рассуждал о сем. Наконец мы постучались. Он отворил нам и спросил: «Откуда вы?». Боясь сказать: «Из Келлий», мы отвечали: «Из горы Нитрийской». Он спросил опять: «За каким делом вы пришли ко мне из такой дали?» — и ввел нас. Мы увидели, что он ночью ви́л большую веревку, и

просили его сказать нам что-нибудь. Он сказал: «С вечера и до сего времени я свил двадцать локтей и, право, не имею нужды в них! Но как бы не прогневался на меня Бог и не осудил меня за то, что, будучи в силах работать, не работаю, потому тружусь и делаю по силам моим». И мы, получив пользу, удалились от него».

Один брат спросил авву Пистамона: «Что мне делать? Тяжело мне продавать свое рукоделие!». Старец отвечал: «И авва Сисой, и другие продавали свои рукоделия. В этом вреда нет. Но когда ты продаешь, сразу назначь цену вещи, а после в твоей власти будет, если захочешь, немного и сбавить цены. Таким образом, ты будешь спокоен». Брат опять спросил его: «Если я имею все нужное для себя, откуда бы то ни было, то велишь ли заниматься рукоделием?». Старец отвечал: «Хотя бы ты имел все нужное, не оставляй своего рукоделия. Делай сколько можешь, только спокойно».

Авва Сисой говорил: «Будь смирен, отвергай свою волю, ни о чем (земном) не заботься — и ты будешь спокоен».

Некто спросил авву Виара: «Что мне делать, чтобы спастись?». Он отвечал: «Пойди уменьши

чрево свое и рукоделие свое, живи безмятежно в своей келии — и ты спасешься».

Авва Павел Великий, галатянин, говорил: «Если кто имеет некоторые удобства в своей келии и выходит из келии с заботой, то подвергается посмеянию от демонов. Я сам терпел это искушение».

Сказывали об авве Агафоне, что он был мудр по уму, не ленив по телу, во всем знал меру — в рукоделии, пище и одежде.

Авва Пимен говорил: «Три телесных подвига замечаем мы у аввы Памво: ежедневный пост до вечера, молчание и большое рукоделие».

Рассказывали об авве Агафоне и об авве Аммуне, что, когда они продавали какую-либо вещь, однажды назначали цену и, когда давали им ее, принимали молча и спокойно. Также, когда хотели что-либо купить, молча платили назначенную цену и брали вещь, не говоря ни слова.

Авва Исаак рассказывал: «В молодости жил я с аввой Кронием. Он никогда ничего не приказывал мне делать. И хотя уже был стар и весь трясся, но сам вставал и подавал сосуд с водой и мне, и всякому. Жил я и с аввой Феодором Фермейским; и тот никогда не заставлял меня

ничего делать, но сам приготавливал трапезу и говорил мне: “Брат! Ежели хочешь, иди — ешь”. Я говорил ему: “Авва! Я пришел к тебе, чтобы получить пользу; почему же ты не приказываешь ничего делать?” Но старец всегда молчал. Я пошел и сказал об этом старцам. Они пришли к авве и сказали ему: “Авва! Брат пришел к твоей святости, чтобы получить для себя пользу; почему же ты ничего не заставляешь его делать?”. Старец отвечал им: “Разве я начальник общежития, чтобы ему приказывать? Конечно, я ничего не говорю ему, но если хочет, пусть делает то, что на его глазах делаю я”. С того времени я предварял старца и делал то, что он хотел делать. Сам же он, если что делал, то делал молча, и таким образом научил меня делать молча».

Рассказывали об Иоанне Колове, что он однажды плел две корзины и уже окончил одну корзину, но не заметил сего, пока не приблизился к стене, ибо ум его занят был созерцанием.

Авва Макарий Великий пришел однажды к авве Антонию в гору. Когда он постучался в дверь, Антоний вышел и спросил: «Кто ты?».— «Я Макарий»,— отвечал он. Антоний затворил дверь и ушел, оставив старца. Увидев терпение

Макария, отворил ему дверь, приветствовал его и сказал: «Слышав о твоих делах, я давно желал видеть тебя». С любовью принял его и успокоил, ибо Макарий очень утомился. Когда наступил вечер, авва Антоний намочил для себя пальмовых ветвей. Авва Макарий сказал ему: «Позволь и мне намочить для себя». — «Намочи», — отвечал Антоний. Макарий, сделав большую связку ветвей, намочил их. Сев с вечера, они плели корзинки, беседуя между тем о спасении душ. Корзинки через отверстие спускались в пещеру. Блаженный Антоний поутру вошел в пещеру и, увидев много корзинок аввы Макария, сказал: «Великая сила выходит из рук сих».

Брат спросил авву Моисея: «Что помогает человеку во всяком труде его?». Старец отвечал: «Бог помогает. Ибо написано: *Бог нам прибежище и сила* (Пс. 45, 2)».

Авва Серин говорил: «Во всю жизнь мою жал я, шил и плел, но при всем том, если бы рука Божия не питала меня, не мог бы я прокормиться».

Прежде и больше всего ищи Царствия Божия и оправдания

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

Мф. 6, 33

Помни, что если дело Божие будешь почитать главным делом, то легко и удобно будет делать все нужное для себя.

Авва Иоанн-евнух еще в молодости спросил одного старца: «Как вы могли совершать дело Божие так спокойно; а мы и с трудом не можем?». Старец отвечал: «Мы могли потому, что дело Божие почитаем главным делом, а нужды телесные — последним, а вы нужды телесные почитаете главным делом, дело же Божие не слишком необходимым, от того вам и трудно. Посему-то и Спаситель сказал ученикам: *маловери ... ищите же прежде Царствия Божия ... и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 30, 33)*».

Авва Феодор Фермейский пришел однажды к вышеупомянутому Иоанну и между разговором сказал: «Когда мы жили в Скиту, занятия души

были для нас делом, а рукоделие почитали мы как бы прибавлением к делу, а ныне занятие души сделалось как бы прибавлением к делу, а прибавление — и самим делом».

Один брат спросил авву Феодора: «Что это за дело души, которое ныне почитаем мы как бы прибавлением к делу, и в чем состоит это прибавление, которое почитаем ныне за дело?». Старец отвечал: «Все, что бывает по заповеди Божией, есть дело души; а что работаем и собираем по собственному рассуждению — это должны мы почитать прибавлением к делу». — «Объясни мне сие дело», — сказал брат. Старец отвечает: «Вот, например, слышишь ты, что я болен и ты должен посетить меня, но говоришь сам в себе: “Оставить ли мне свое дело и теперь же идти к нему? Нет, я прежде окончу свое дело, а потом пойду”. А между тем тебе представится случай к другому делу, и ты, может быть, вовсе не придешь. Еще, другой брат говорит тебе: “Помоги мне, брат!”. Но ты рассуждаешь: “Должно ли мне оставить свое дело и идти работать с ним?”. Если же ты не пойдешь, то оставляешь заповедь Божию, то есть дело души, и делаешь прибавление, то есть рукоделие».

Не заботься много о завтрашнем дне

Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

Мф. 6, 34

Не малодушествуй, говоря: что будет завтра? Лучше думай и ежедневно говори о том, что сегодня, что в настоящий день и час; и начинай делать нужное для себя, почитая дело Божие главным делом.

Помни, что неумеренная забота о завтрашнем дне осуетит тебя.

Спросили авву Пимена: «К кому относится слово Писания: *Не пецуйтесе убо на утрей* (Мф. 6, 34)?». Старец отвечал: «Оно идет и к человеку, который находится в искушении и малодушествует, чтобы он не заботился и не говорил: «Сколько времени я пробуду в сем искушении?». Но лучше ему думать и ежедневно говорить о том, что сегодня».

Не суди ближнего, не осуждай его

Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

Мф. 7, 1–2

Не осуждай никого, ни делом, ни словом, ни в душе ни внутренно.

Случится слышать осуждение, отврати слух.

Помни: осуждение брата есть следствие и действие гордости, зависти и злобы; судящий ближних, не быв призван особенной должностью к тому, чтобы обличать их, восхищает суд Божий; не судящего ближних и Бог не осудит — напротив, судящего и Бог осудит чрез святых Своих (с.м.: 1 Кор. 6, 2).

Авва Макарий пришел однажды к авве Пахомию Тавеннисийскому. Пахомий спросил его: «Если братия не соблюдают порядка, хорошо ли учить их?». Авва Макарий отвечает ему: «Учи и строго суди своих подчиненных, а из посторонних не суди никого, ибо сказано: *Не внутренних ли вы судите? Внешних же Бог судит* (1 Кор. 5, 12–13)».

Авва Моисей говорил: «Не укоряй никого, но говори: “Бог знает каждого”; не соглашайся с

клеветником, не забавляйся его злоречием, но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего своего».

Авва Иосиф Панефосский сказал авве Пимену: «Если хочешь найти покой здесь и там, то при всяком деле говори: “Кто я?” — и не осуждай никого».

Авва Пафнутий, ученик аввы Макария, сказывал: «Просил я отца моего: “Дай мне наставление”. Он сказал мне: “Никого не обижай, никого не осуждай; соблюдай сие и спасешься”».

Брат спросил авву Пимена: «Если я увижу падение брата моего, хорошо ли скрыть это?». Старец отвечал: «Когда мы покроем падение своего брата — и Бог покроем наше падение, а когда обнаруживаем падение брата — и Бог обнаружит наш грех».

Некоторые отцы спрашивали авву Пимена: «Позволишь ли нам обличать брата, когда мы увидим, что он грешит?». Старец отвечал: «А когда мне нужно бывает идти через то место и я вижу его во грехе, прохожу мимо и не обличаю его».

Брат пришел к авве Пимену и при некоторых тут бывших хвалил одного брата за то, что он ненавидит зло. «А что значит ненавидеть зло?» — спросил у

него авва Пимен. Брат смутился и не нашел, что ответить. Потом встал, поклонился и говорит: «Скажи мне: что есть ненависть к злу?». Старец отвечал: «Вот ненависть к злу: если кто возненавидит свои грехи, а ближнего своего почитает праведным».

Брат говорил авве Пимену: «Если увижу брата, о падении коего слышал я, то мне не хочется принимать его в свою келию; если же увижу брата доброго, то принимаю с радостью». Старец отвечал ему: «Если ты делаешь немного добра для брата доброго, то для падшего сделай вдвое более, ибо он слаб».

В обители аввы Илии с одним братом случилось искушение. Его выгнали оттуда, и он пришел в гору к авве Антонию. Авва Антоний, поддержав брата несколько времени у себя, послал его в обитель, из которой он вышел. Но братия, увидев его, опять погнала. Брат снова пришел к авве Антонию и сказал: «Не захотели принять меня, отче!». Тогда старец послал его с такими словами: «Буря застигла корабль на море, он потерял груз свой и с трудом сам спасся. А вы хотите потопить и то, что спаслось у берега». Братия, услышав, что авва Антоний послал брата к ним, тотчас приняли его.

Однажды авва Исаак Фивейский при посещении киновии увидел там брата, впавшего в грех, и осудил его. Когда возвратился он в пустыню, пришел Ангел Господень, стал пред дверьми его келии и сказал ему: «Не пущу тебя». Исаак с покорностью спросил: «За какую вину?». Ангел отвечал: «Бог послал меня к тебе с повелением спросить — куда велишь поместить падшего брата, которого ты осудил?». Авва тотчас раскаялся и взывал: «Согрешил, прости меня!». Ангел сказал ему: «Встань, Бог простил тебя, но впредь берегись осуждать кого-либо прежде, нежели сам Бог осудит его».

Авва Пимен говорил: «Жил в киновии один отшельник, по имени Тимофей. До настоятеля дошел слух, что один брат подвергся искушению, и он спросил Тимофея: “Что делать с падшим братом?”. Отшельник присоветовал выгнать его. Когда же выгнали брата, искушение, бывшее с ним, постигло и Тимофея, так что он находился в опасном положении. Тимофей начал со слезами взывать к Богу: “Согрешил я, прости мне!”. И был к нему глас: “Тимофей! Знай, что Я послал тебе искушение именно за то, что ты презрел брата своего во время искушения его”».

Рассказывали: в Скиту пали в грех два брата, и авва Макарий Городской отлучил их. Некоторые пошли и сказали об этом авве Макарию Великому, Египетскому. Старец сказал им: «Не братья отлучены, а Макарий отлучен», — а авва Макарий Великий любил его. Авва Макарий, услышав, что старец отлучил его, ушел к озеру. К нему пришел авва Макарий Великий и, увидев его всего искусанного комарами, сказал: «Ты отлучил братьев, и вот они ушли в село; я отлучил тебя, и ты убежал сюда, как красная девица в свою внутреннюю горницу. Впрочем, я призывал к себе падших братьев, спрашивал их, и они говорили: “Ничего сего не было”. Смотри же и ты, брат, не посмеялись ли над тобой демоны? Ты сам ничего не видал. Проси прощения в своем согрешении». Макарий отвечал: «Если хочешь, наложи на меня епитимью». Старец, видя смирение его, сказал: «Иди и постись три недели, принимая пищу только раз в неделю». А это был обыкновенный образ его жизни — поститься по целой неделе.

Авва Пафнутий рассказывал о себе: «Однажды, путешествуя, сбился я с дороги, ибо был туман, и очутился близ селения. Там увидел я

некоторых, бесстыдно разговаривавших между собой. Остановившись, начал я молиться о грехах своих. И вот явился мне Ангел с мечом и говорит: “Пафнутий! Все, осуждающие братьев твоих, погибнут от меча сего! Но ты не осудил, а смирился пред Богом, как бы виновный в грехе. Посему имя твое вписано в книгу живых”».

Рассказывали об авве Марке Египетском: он прожил тридцать лет, ни разу не выходя из своей келии. К нему обыкновенно приходил пресвитер и приносил ему Святое Причащение. Дьявол, видя столь крепкое терпение Марка, злоумыслил искутить его осуждением. Он внушил одному бесноватому идти к старцу будто бы для молитвы. Одержимый духом, не говоря еще ни слова, закричал старцу: «Пресвитер твой имеет гнусные грехи; не позволяй ему более входить к тебе». Боговдохновенный муж сказал ему: «Сын! Все выбрасывают нечистоту вон, а ты принес ее ко мне. В Писании сказано: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1). Впрочем, если пресвитер и грешник — Господь спасет его, ибо сказано: *молитесь друг за друга, яко да изцелеете* (Иак. 5, 16)». После сих слов старец сотворил молитву, изгнал из человека беса и отпустил его

здоровым. Когда по обыкновению пришел пресвитер, старец принял его с радостью. И благий Бог, видя незлобие старца, явил ему чудо. «Ибо, когда пресвитер приступил к Святой Трапезе, я увидел, — рассказывал сам старец, — что Ангел Господень сошел с неба и положил руку свою на пресвитера и пресвитер сделался как бы огненным столпом. Когда же я с изумлением смотрел на сие видение — услышал глас, говоривший мне: “Человек! Что ты удивляешься сему? Если и земной царь не позволяет вельможам своим предстать пред собой нечистыми, а требует от них великолепия, то тем паче Божественная сила. Ужели она не очистит служителей Святых Таин, предстоящих пред небесной славой?”». Таким образом, мужественный подвижник Христов Марк Египетский, сделавшись великим, удостоился сего дара за то, что не осудил пресвитера.

Авва Агафон, когда видел какое-нибудь дело и помысл побуждал его к осуждению, говорил самому себе: «Агафон! Не сделай сам того же», — и помысл его таким образом успокаивался.

Сказывали об авве Аммоне следующее: пришли к нему какие-то люди судиться. Старец притворился дураком. И вот одна женщина, стояв-

шая близ него, сказала: «Старец этот юродствует». Старец, услышав слова ее и подозвав ее, сказал: «Сколько употребил я трудов в пустынях, чтоб приобрести это юродство; и для тебя я ныне должен потерять оное!».

Некогда авва Аммон пришел в одно место обедать. Там был человек, о коем носилась худая молва. Случилось, что шла одна женщина и зашла в келию брата, о котором была худая молва. Жители места того, узнав об этом, произвели тревогу и собрались выгнать его из келии. Но, узнав, что епископ Аммон находится тут, пришли и просили его пойти с ними. Брат, как узнал об этом, скрыл женщину в большую бочку. Когда народ пришел, авва Аммон узнал тут бывшее, но для Бога скрыл дело: войдя, сел на бочку и велел обыскать келию. Когда же обыскали и не нашли женщины, авва Аммон сказал: «Что это значит? Бог да простит вам!». И, помолившись, велел всем выйти, а брата взял за руку и сказал ему: «Брат, внимай себе!» — и, сказав сие, удалился.

Авва Антоний предсказывал авве Аммону, говоря: «Ты успеешь в страхе Божиим!». Потом вывел его из келии, указал ему на камень и сказал: «Брани этот камень и бей его». Аммон сделал

это. Авва Антоний спросил его: «Что, камень ничего не сказал?». — «Ничего», — отвечал Аммон. «В сию меру придешь и ты», — сказал ему тогда авва Антоний. Что и исполнилось. Авва Аммон так усовершенствовался, что от множества доброты не знал зла. Когда сделался он епископом, привели к нему девицу, зачавшую во чреве, и сказали ему: «Такой-то сделал это; наложи на них епитимью». Аммон, знаменовав крестом чрево ее, велел дать ей шесть пар полотен и сказал: «Когда придет время родить, не умерла бы она сама или дитя ее и было бы в чем похоронить их». Обвинявшие девицу сказали ему: «Для чего же ты это сделал? Наложил на них епитимью». Но он отвечал им: «Смотрите, братия, она уже близка к смерти; что же я должен сделать?» — и отпустил ее. Так старец не осмеливался осуждать кого-либо.

Об авве Иоанне Персиянине сказывали: однажды пришел мальчик для исцеления от беса; пришли также братия из киновии Египетской. Старец, выйдя из своей келии, увидел, что один брат грешит с мальчиком, и не стал обличать его, но сказал: «Ежели и Бог, создавший их, видит их и не истребляет огнем, то кто я, чтобы обличать их?».

Однажды авва Иоанн Колов шел из Скита с другими братьями. Проводник их сбился с дороги, ибо была ночь. И говорят братья авве Иоанну: «Что нам делать, авва: брат сбился с дороги, как бы нам не умереть, блуждая?». Старец отвечает им: «Если скажем ему об этом, он опечалится и будет стыдиться; но вот я притворюсь больным и скажу: не могу продолжать пути, а останусь здесь до утра». И сделал так. А прочие сказали: «И мы не пойдем, но посидим с тобой». Так просидели до утра — и брата не обличили.

Брат спросил авву Сисоя: «Если во время путешествия проводник наш собьется с пути, нужно ли сказать ему об этом?». — «Нет», — отвечал старец. «Так оставить его водить нас туда и сюда?» — сказал брат. «Что же, — отвечал старец, — ужели взять палку и бить его? Я знаю братьев, которые блуждали, потому что проводник их сбился ночью с дороги. Их было двенадцать, и все они знали, что заблудились, но каждый старался не говорить об этом. С наступлением дня проводник их, заметив, что они сбились с дороги, сказал им: “Простите меня, братья! Я заблудился”. Они все говорили ему: “И мы знали это, но молчали”. Услышав сие он удивился, и

сказал: “Братия не дадут воли языку, хотя бы пришлось умирать”, — и прославил Бога. Расстояние же от пути, с которого они сбились, было на двадцать миль».

Об авве Макарии Великом утверждали, что он был, как сказано в Писании, бог земной, потому что как Бог покрывает мир, так и авва Макарий прикрывал согрешения, которые он и видя как бы не видел, и слыша как бы не слышал.

**Будь внимателен к себе самому,
к своим грехам, а не к грехам других**

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Мф. 7, 3—5

Помни, что от наблюдения за другими, а не за собой, грехи наши собственные умножаются и усиливаются. Ещё: кто внимателен к себе, тот не осуждает других и не имеет даже времени к тому.

Брат спросил у аввы Пимена: «Что мне делать?». Старец отвечал: «В Писании сказано: *Яко беззаконие мое аз возведу и попекуся о гресе моем (Пс. 37, 19)*».

Брат спросил авву Матоя: «Дай мне наставление». Авва Матой, между другими наставлениями, сказал ему: «Будь всегда внимателен к грехам своим, не осуждай других и себя почитай ниже всех».

Авва Моисей говорил: «Кто чувствует тяжесть своих грехов, тот не смотрит на грехи ближнего своего».

Авва Пимен сказал одному брату: «Мы и братья наши как бы две картины. Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем он видит совершенства; а когда сам он кажется совершенным, тогда, сравнивая с собой брата, находит его худым».

Один брат говорил авве Пимену: «Меня смущают помыслы, не дают мне подумать о своих грехах, а заставляют замечать только недостатки брата моего». Старец рассказал ему об авве Диоскоре. Он в келии плакал о себе, а ученик его жил в другой келии. Когда сей приходил к старцу и заставлял его плачущим, то спрашивал: «О чем ты, отец, плачешь?». Старец отвечал: «Плачу о грехах моих». Ученик говорил: «Ты не имеешь грехов». Но старец отвечал: «Уверяю тебя, сын мой! Если бы можно было мне видеть свои грехи, то мало было бы еще троих или четверых, чтобы оплакать оные».

Авва Моисей говорил: «Безумно оставлять своего мертвеца и идти плакать над мертвецом ближнего, а умереть для ближнего своего то же значит, что чувствовать свои грехи и не думать ни о ком другом, хорош ли он или худ».

Он же говорил: «Когда рука Господня убивала всякого первенца в земле Египетской, там ни одного не осталось дома, в котором бы не было мертвого (всякий дом был занят своим мертвецом). Так если будем внимательны к своим грехам, мы не будем смотреть на грехи ближнего».

Некогда Паисий, брат аввы Пимена, завел знакомство с кем-то из другой келии. Авве это не нравилось. Он прибежал к авве Аммону и говорит ему: «Брат мой Паисий завел с кем-то знакомство, меня беспокоит это». Авва Аммон отвечал ему: «Пимен! Разве ты еще жив? Пойди, сиди в своей келии и положи в сердце своем, что уже год, как ты в могиле».

Один брат, живший в киновии, пал в грех. В тех местах жил один отшельник, который долгое время никуда не выходил. Авва киновии пошел к сему старцу и рассказал ему о падшем брате. «Изгоните его», — сказал старец. Брат, выйдя из киновии, поселился в пещере и плакал там. Случилось проходить тут братьям к авве Пимену и слышали, как он плачет. Они вошли в пещеру и нашли его в большой скорби. Советовали ему идти к старцу, но он не хотел, а сказал: «Я здесь

умру». Братия, придя к авве Пимену, рассказали ему об этом. Авва упросил их идти к брату и сказать ему: «Авва Пимен зовет тебя». Падший брат пришел к нему. Старец, видя скорбь его, встал, приветствовал его, обращаясь с ним ласково и попросил вкушать пищи. Между тем авва Пимен послал одного из братьев сказать отшельнику: «Давно уже слыша о тебе, я желал видеть тебя, но по лености нашей мы не видались друг с другом. А теперь по воле Божией и ради одной нужды потрудись придти сюда, и повидаемся». Отшельник никуда не выходил из своей келии. Но, выслушав сие, сказал: «Если бы не Бог внушил старцу, то он не послал бы за мной». Он встал и пошел к авве Пимену. Радостно они приветствовали друг друга и сели. Авва Пимен сказал старцу: «В одном месте жили два человека, и оба имели у себя по мертвецу. Один из них оставил своего мертвеца и пошел плакать над мертвецом другого». Сии слова привели в сокрушение старца: вспомнил он, что сам сделал, и сказал: «Пимен высоко-высоко на небе, а я низко-низко на земле».

Однажды в Скиту было собрание по случаю падения одного брата. Отцы говорили, авва Пиор молчал. Потом он встал и вышел, взял суму,

наполнил ее песком и носил на плечах своих. Насыпал также немного песку в корзинку и носил ее пред собой. Отцы спросили его: «Чтобы это значило?». Он сказал: «Эта сума, в которой много песку, означает мои грехи; много их, но я оставил их позади себя, чтобы не болезновать и не плакать о них; а вот это — немногие грехи брата моего; они наперед у меня; я рассуждаю о них и осуждаю брата. А не должно бы так делать! Лучше бы мне свои грехи носить наперед, скорбеть о них и просить Бога о помиловании меня!». Отцы, выслушав сие, встали и сказали: «Вот истинный путь спасения!».

Один брат в Скиту пал в грех. Братия собрались и послали за аввой Моисеем, но он не хотел идти. Пресвитер опять послал звать его таким образом: «Иди, тебя ожидает собрание». Авва Моисей встал и пошел. Взяв корзину с дырами и наполнив песком, он нес ее с собой. Братия, вышедшие к нему навстречу, спрашивают его: «Что это такое, отец?». Старец отвечал им: «Это грехи мои сыплются позади меня, но я не смотрю на них, а пришел теперь судить чужие грехи». Братия, услышав это, ничего не стали говорить согрешившему брату, но простили его.

Однажды пресвитер Пелусиотский, услышав, что некоторые братья часто бывают в городе, ходят в баню и ведут себя беспечно, пришел в собрание и снял с них монашеские одежды. Но после больно стало сердцу его и раскаялся. Волнуемый помыслами, пришел он к авве Пимену, неся с собой и левитоны братий, и рассказал старцу о деле. Старец спросил его: «Нет ли и в тебе еще чего-нибудь от ветхого человека? Совлекся ли ты его?». Пресвитер отвечал: «И во мне есть еще ветхий человек». Старец сказал ему: «Вот и ты таков же, как и братья! Если и немного имеешь ветхости, уже подлежишь греху». Тогда пресвитер пошел от старца и, призвав к себе братий, просил у них прощения (их было одиннадцать), облек их в монашеские одежды и отпустил.

Один брат за какой-то грех высылаем был пресвитером из церкви. Авва Виссарион встал и вышел вместе с братом, говоря: «И я также грешник».

**Прежде себя самого исправь,
потом уже других исправляй**

|| Помни, что в противном случае ты будешь в ||
|| тягость брату своему и даже еще поведишь ему. ||

Авва Исидор Пелусиот говорил: «Жизнь без слова обыкновенно приносит более пользы, нежели слово без жизни. Ибо жизнь назидает и молча, а слово без жизни, несмотря на все возгласы, служит только в тягость. Если соединяются слово и жизнь, то они составляют красоту всего любомудрия».

Мать Синклитикия говорила: «Опасно учить тому, кто неопытен в деятельной жизни. Если кто живет в ветхом доме, то, принимая к себе странников, может погубить их в случае падения его дома. Так и те, которые сами прежде не научились добру, погубляли приходивших к ним за наставлением. Ибо словами они призывали ко спасению, а худой жизнью более вредили своим последователям».

Брат спросил авву Пимена: «Что такое лицемер?». Старец отвечал ему: «Лицемер тот, кто

учит ближнего своего тому, чего сам не достиг. В Писании сказано: *Что же видиши суща, иже во оце брата твоего ... и се, бервно во оце твоём (Мф. 7, 3—5)*».

Его же спросил брат: «Со мною живут братия: позволишь ли мне давать им приказания?». Старец отвечал ему: «Нет! Но ты сам сперва сделай дело, и если они хотят жить по-твоему, то увидят, что должно им делать».

Когда авва Иоанн, игумен великой киновии, был при смерти и отходил к Богу охотно и радостно, его окружили братия и просили вместо наследства оставить им какое-нибудь краткое и спасительное наставление, как им достигнуть совершенства во Христе. Авва, вздохнув, сказал: «Я никогда не творил своей воли, никого не учил тому, чего сам прежде не исполнил».

Один брат сказал авве Феодору: «Дай мне наставление; я погибаю». Старец с прискорбием отвечал ему: «Я сам в опасности; что же могу сказать тебе?».

Авва Пимен сказывал: «Пришел однажды брат к авве Аммою и просил у него наставления; пробыл с ним семь дней, но старец не отвечал ему. Уже провожая его, сказал ему: “Иди, внимай

себе; а мои грехи сделались мрачной стеной между мной и Богом”».

В одной обители оклеветали брата в блудодеянии, и сей пришел к авве Антонию. Пришли также и братия из обители, чтобы уврачевать его и опять к себе взять. Они стали обличать его, зачем он так сделал; а брат защищался, говоря, что ничего такого не сделал. Случилось тут быть и авве Пафнутию Кефалу. Он сказал им такую притчу: «На берегу реки видел я одного человека, который увяз по колена в грязи. Некоторые пришли подать ему помощь и по самую шею погрузили его». А авва Антоний сказал братии об авве Пафнутии: «Вот истинно такой человек, который может врачевать и спасать души!». Братия, тронутые словами старцев, поклонились брату и по совету отцов приняли его в обитель.

Некоторые из отцов спросили авву Пимена: «Как авва Нистерой мог терпеть ученика своего?». Авва Пимен отвечал им: «Если бы я был на его месте, то и подушку клал бы ему под голову». — «Что ж бы ты стал отвечать Богу?» — спросил его авва Анувий. Авва Пимен отвечал: «Я скажу Ему: “Ты Сам повелел: *Изми первое*

бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Мф. 7, 5)».

Мать Феодора говорила: «Учитель должен быть чужд властолюбия и тщеславия, далек от надмения, не должен быть игралищем лести, не должен ослепляться дарами, поработаться чреву и увлекаться гневом. Он должен быть великодушен, кроток, особенно смиренномудрен, терпелив, любвеобилен и попечителен о душах».

Не давай святыни псам

Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

Мф. 7, 6

Не открывай святых истин таким людям, которые не хотят принимать их по причине озлобления своего в неправдах и погружения в нечистые похоти, чтобы не поругались они над святыней и потом над тобой.

Однажды пришли к авве Пимену какие-то еретики и начали клеветать на архиепископа Александрийского, будто бы он принял рукоположение от священников. Старец молчал; потом позвал брата своего и сказал: «Предложи им трапезу, накорми их и отпусти с миром».

Проси Бога, ищи, толцы у дверей милосердия Его

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

Мф. 7, 7—11

С верой и упованием в непреложность обещаний Божиих проси Бога о ниспослании благопотребной помощи в своих кровных нуждах; ищи у Него защиты и покоя; толцы у дверей милосердия Его о всем, для тебя нужном.

Помни, что Бог беспредельно милосерд и, если можно так сказать, не может зреть болезнующих и беспомощных, только бы приходили пред Него с изъявлением Ему своей покорности.

Авва Миос Киликийский говорил: «Послушание бывает за послушание. Если кто слушает Бога, и Бог того послушает».

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать? Меня тревожат сильные возмущения». — «О

всякой скорби своей,— отвечал старец,— будем плакать пред благим Богом, пока Он сотворит с нами милость Свою».

Авва Иоанн Колов говорил: «Я подобен человеку, который сидит под большим деревом и видит, что к нему приближается множество зверей и змей. Если он не может стоять против них, влезает на дерево и спасается. Так и я: сижу в своей келии и вижу злые помыслы, восстающие на меня; и когда у меня не достает сил против них, прибегаю к Богу посредством молитвы и спасаюсь от врага».

Авва Арсений говорил: «Если взыщем Бога, Он явится нам».

Один брат из Скита пришел к авве Аммуну и говорит ему: «Отец мой посылает меня на послушание, но я боюсь блуда». Старец отвечал ему: «В то самое время, как придет к тебе искушение, говори: “Боже сил, молитвами отца моего избавь меня!”». И так в один день девица заперла за ним дверь; но он громко закричал: «Боже отца моего, избавь меня!» — и тотчас очутился на пути в Скит.

Авраам, ученик аввы Сисоя, был однажды искушен от демона. Старец, увидя его падение, встал,

простер руки к небу и сказал: «Боже! Угодно ли Тебе или не угодно исцелить, но я не отступлю от Тебя, пока Ты не исцелишь его!» — и ученик тотчас исцелился.

Авва Фока, из киновии аввы Феогния Иерусалимского, рассказывал: «Когда жил я в Скиту, в Келлиях был некто авва Иаков-младший, у которого отец его по плоти был и отцом духовным. В Келлиях две церкви — одна для православных, к которой и он принадлежал, а другая апосхистов. Авва Иаков имел благодать смиренномудрия, за что был любим всеми, как православными, так и апосхистами. Православные говорили ему: “Смотри, авва Иаков, чтобы не обольстили тебя апосхисты и не увлекли в общение с собой!”. И апосхисты также говорили ему: “Знай, авва Иаков, что ты, сообщаясь с дифизитами, губишь душу свою, ибо они несториане и клеветают на истину”. Авва Иаков, как человек простой, находился в затруднении, слушая, что говорили ему с обеих сторон. Наконец овладело им беспокойство, и он пошел молиться Богу. Заключился в келии, которая была в уединении вне Лавры, и надел на себя погребальные одежды, как бы перед смертью. Ибо отцы египетские

имеют обыкновение до смерти сберегать свой левитон и куколь, в которых принимают монашеский образ, и в них погребаться; в продолжение жизни надевают их только по воскресным дням для приобщения Святых Таин и тотчас же после снимают. Итак, авва Иаков, удалившись в помянутую келию и стоя на молитве пред Богом, столько изнурил себя постом, что наконец пал на землю и лежал распростертым. Сказывал он, что в эти дни много пострадал от демонов, особенно в уме. По прошествии сорока дней Иаков видит, что к нему входит Отрок с веселым лицом и говорит ему: “Авва Иаков! Что здесь ты делаешь?”. Иаков вдруг осиян был светом и, почувствовав в себе силу от видения Отрока, отвечал Ему: “Господи, ты знаешь что со мною делается! Одни говорят мне: не оставляй Церкви (православных); другие говорят: дифизиты тебя прельщают. Недоумевая и не зная что делать, я решился на такой подвиг”. Господь отвечает ему: “Хорошо там, где ты”, и тотчас при сем слове авва Иаков увидел себя пред дверьми святой Церкви православных последователей Халкидонского Собора».

Авва Антоний, проникая в глубину судов Божиих, спросил Бога так: «Господи! Для чего

одни умирают в молодости, а другие живут до глубокой старости? Для чего одни бедны, а другие богаты? Для чего нечестивые богаты, а благочестивые бедны?». Тогда пришел к нему глас: «Антоний! Себе внимай! А то суды Божии, и тебе нет пользы испытывать их».

Некоторые братья пришли к авве Антонию и предложили ему слова из книги Левит. Старец пошел в пустыню, а за ним тайно последовал авва Аммон, знавший его обыкновение. Старец отошел на далекое расстояние, стал на молитву и громким голосом воззвал: «Боже, пошли Моисея, и он изъяснит мне слова сии!». И пришел к нему голос, говоривший с ним. Авва Аммон сказывал о себе, что он хотя слышал голос, говоривший с Антонием, но силы слов не понял.

Об авве Макарии Египетском рассказывали: однажды шел он из Скита и нес корзины; в утомлении сел и так молился: «Боже! Ты знаешь, что я изнемогаю», — и тотчас очутился у реки.

Один из отцов рассказывал об авве Ксое Фивейском: ходил он однажды на гору Синайскую. Когда возвращался оттуда, встретился с ним брат и сказал ему со вздохом: «Авва! Мы страдаем от бездождия». Старец говорит ему: «Почему же вы

не молитесь и не просите Бога?». Брат отвечал ему: «И молимся, и просим — а дождя все нет». Старец говорит ему: «Верно, не усердно молитесь? Хочешь ли знать, что это так?» — и, простерши руки к небу, начал молиться. Тотчас пошел дождь. Видя это, брат ужаснулся, пал на лицо свое и поклонился старцу. А старец убежал. Брат рассказывал всем о случившемся. Все слышавшие прославили Бога.

В Скиту рассказывали об авве Моисее: шел он однажды в Петру, утомился на пути и говорил с самим собой: «Где мне достать себе здесь воды». И был к нему голос, говорящий: «Иди и не заботься ни о чем». Авва пришел в Петру. И пришли к нему некоторые отцы, а у него была одна только кружка воды, и та вся вышла, когда сварил он немного чечевицы. Старец скорбел. Он входил и выходил из келии и молился Богу. И вот взошло дождевое облако над самой Петрой, и дождь наполнил все сосуды его. После этого спросили у него старцы: «Скажи нам, для чего ты то входил, то выходил из келии?». Старец отвечал им: «Я судился с Самим Богом: для чего Ты привел меня сюда, и у меня нет и воды, чтоб напились рабы Твои. Оттого я входил и выходил, и молил Бога, доколе Он не послал нам дождя».

Авва Дула, ученик аввы Виссариона, рассказывал следующее: «Шли мы однажды по морскому берегу; мне захотелось пить, и я сказал авве Виссариону: “Авва! Мне хочется пить”. Старец, сотворив молитву, говорит мне: “Пей из моря”. Вода сделалась сладкой, и я напился. После налил я воды в сосуд на случай, если бы на пути опять

захотелось пить. Старец, увидев это, сказал мне: “Для чего ты налил?”. Я отвечал ему: “Прости мне, — как бы на пути еще не захотелось пить”. Тогда старец сказал: “И здесь Бог и везде Бог”».

Тот же ученик аввы Виссариона рассказывал: «Пошли мы в пустыню. Почувствовав жажду, я сказал ему: “Авва, хочу пить!”. Старец, взяв мою милоть, отошел на вержение камня и, сотворив молитву, принес мне милоть, полную воды».

Была нужда Виссариону переправиться через реку Хризорою. Сотворив молитву, он перешел ее пешком и вышел на берег. Ученик его авва Дула в удивлении поклонился ему и спросил: «Каково было ногам твоим, когда ты шел по воде?». Старец отвечал: «По пяты я чувствовал воду, а прочее было сухо».

Старцы говорили авве Илии в Египте об авве Агафоне, что он добрый авва. Старец отвечал им: «Он добр в своем роде». Они опять спрашивают его: «Что же скажешь о древних отцах?». Авва Илия отвечал: «Я сказал вам, что он добр в своем роде; а что касается до древних, то я видел в Скиту одного человека, который мог остановить солнце на небе, подобно Иисусу Навину». Услышав сие, старцы изумились и прославили Бога.

Авва Дула рассказывал об авве Виссарионе: «Некогда шли мы к одному старцу; солнце начало заходить; старец сотворив молитву, сказал: «Молю Тебя, Господи! Да стоит солнце, пока я приду к рабу Твоему!». Так и было».

Однажды авва Аммон пошел посетить авву Антония и сбился с пути. Присев, он немного соснул; потом, встав от сна, молился Богу так: «Молю Тебя, Господи Боже мой, не погуби создания Твоего!». И явилась ему как бы человеческая рука, с неба показывающая ему путь до тех пор, пока он пришел и стал у пещеры аввы Антония.

Рассказывали об авве Зеноне, что он, живя в Скиту, пошел однажды ночью из своей келии к озеру; но, заблудившись, он ходил три дня и три ночи. Усталый и изнеможенный, он пал как бы умирающий. Но вот стал пред ним отрок, держа в руках хлеб и сосуд с водой и сказал ему: «Встань, ешь!». Старец, встав, помолился, думая, что это призрак. Юноша сказал ему: «Хорошо ты сделал». Старец еще молился в другой и в третий раз; а юноша опять сказал: «Ты хорошо сделал». Тогда старец встал, взял и поел. После сего говорит ему юноша: «Сколько ты ходил —

на столько удалился от своей келии; но встань и иди за мной», — тотчас старец увидел себя у своей келии и сказал юноше: «Войди, сотвори у нас молитву». Когда старец взошел в келию, юноша стал невидим.

Однажды пришел в Пелузию какой-то правитель и хотел требовать с монахов, так же, как с мирян, поголовной дани. По этому случаю все братия собрались к авве Аммонафу и решили, чтобы некоторые отцы шли к императору. Авва Аммонаф говорит им: «Нет нужды в таком труде; а лучше сохраняйте безмолвие в своих келиях и поститесь две седмицы, и по благодати Христа я один сделаю сие дело». Братия разошлись по своим келиям, и старец сохранял безмолвие в своей келии. Когда прошли четырнадцать дней, братия сетовали на старца, ибо они не видали, чтобы он когда-нибудь выходил. Они говорили: «Старец оставил без внимания наше дело». В пятнадцатый день братия собрались вместе, как прежде условились. И старец пришел к ним, имея в руках грамоту за царской печатью. Видя сие, братия изумились и спросили старца: «Когда ты принес ее, авва?» Старец отвечал: «Поверьте мне, братия, что в сию ночь

ходил я к царю, и он написал мне сию грамоту. От него пошел я в Александрию и записал ее у управителей, и потом возвратился к вам». Выслушав это, братия объаты были страхом и поклонились ему. Так дело их было сделано, и правитель более не тревожил их.

Однажды к авве Пимену собралось много старцев. Один из родственников аввы Пимена имел сына, у которого, по действию диавола, лицо поворотилось назад. Отец мальчика, увидев множество старцев, взял сына, сел подле монастыря и плакал. Случилось проходить тут одному старцу. Увидев его, старец спросил: «Что ты плачешь?».— «Я родственник аввы Пимена, — отвечал тот, — вот какая беда случилась с сыном моим! Мы желали бы привести его к старцу, но боимся, ибо он не хочет видеть нас. И теперь, если узнает, что я здесь, пошлет прогнать меня. Узнав о том, что вы здесь, осмелился и я прийти. Авва! Как хочешь, сжался надо мной, возьми мальчика с собой в монастырь, и помолитесь о нем!». Старец взял мальчика и пошел в монастырь. Он сделал дело благоразумно. Не тотчас представил его авве Пимену, но начал с меньших братий и каждому из них говорил:

«Осени мальчика крестом». Когда же все по порядку перекрестили его, старец подвел его, наконец, и к авве Пимену, но авва не хотел его допустить к себе. Братия стали просить его и говорили: «Как все, так и ты, отец!». Авва Пимен вздохнул и так начал молиться: «Боже! Исцели творение Твое, да не обладает им враг!». Потом, осенив мальчика крестом, тотчас исцелил его и отдал отцу здоровым.

Многие из учеников аввы Геласия рассказывали о нем следующее: «Однажды принесли братии рыбу; повар, изжарив оную, отнес ключнику монастырскому. Ключник по какой-то нужде шел из келии; оставив рыбу в сосуде на полу, он велел мальчику, прислужнику блаженного Геласия, стеречь ее до того времени, как он возвратится. Мальчик разлакомился и без пощады начал есть рыбу. Ключник, войдя и увидя, что мальчик сидит на полу и ест рыбу, в негодовании неосторожно толкнул его ногой. По какому-то действию мальчик поражен был смертельно и, испустив дух, умер. Ключник, объятый страхом, положил его на свою постель и покрыл, а сам, прибежав, пал к ногам аввы Геласия и рассказал ему о случившемся. Старец, запретив

сказывать о том кому-либо другому, велел ему вечером, когда все успокоятся, принести мальчика в предалтарие, положить пред жертвенником, а самому уйти. Старец пришел в предалтарие и стал на молитву. Когда настал час ночного псалмопения и собрались братья, старец вышел, а за ним шел мальчик. О деле сем никто не знал при жизни старца, кроме его самого и ключника.

Рассказывали: у аввы Спиридона была дочь, девица, именем Ирина, так же благочестивая, как отец ее. Один из родственников отдал ей на сохранение какое-то драгоценное украшение. Девица, чтобы лучше сберечь вверенную ей вещь, зарыла ее в землю. Через несколько времени она скончалась. Когда же пришел вверивший вещь и не нашел в живых девицы, стал приставать к отцу ее, авве Спиридону, то оскорбляя его, то умоляя. Старец, в потере родственника видя свое собственное несчастье, пошел на могилу дочери и там просил Бога прежде времени показать ему обетованное воскресение. Надежда не обманула его. Девица тотчас является отцу живой, указала место, где сокрыто было украшение, и опять стала невидима. Старец взял поклажу и отдал ее хозяину.

Авва Сисой рассказывал: «Когда я был в Скиту с Макарием, пошли нас семеро с ним жать. И вот одна вдова позади нас собирала колосья и непрестанно плакала. Старец, подозвав владельца поля, спросил его: “Что сделалось с этой старухой, что она непрестанно плачет?”. Он отвечает: “Муж ее взял у кого-то поклажу и нечаянно помер, не сказав, где положил оную. Хозяин поклажи хочет взять в рабство ее и детей ее”. Старец говорит ему: “Скажи ей, чтобы она пришла к нам, когда мы будем отдыхать во время жара”. Когда женщина пришла, то старец сказал ей: “О чем ты все так плачешь?”. Она отвечала: “Муж мой взял у одного человека поклажу и умер, а при смерти не сказал, где положил ее”. Старец сказал ей: “Пойди, укажи мне, где ты похоронила его”. И взяв с собой братию, он пошел с ней. Когда же пришли на то место, старец сказал ей: “Ступай ты домой”. Помолившись вместе с братией, старец воззвал к мертвому: “Такой-то! Где положил ты чужую поклажу?”. Мертвый в ответ сказал: “Она спрятана в доме моем, в ногах постели”. Старец говорит ему: “Спи опять до дня воскресения!”. Видя это, братия от страха пали к ногам старца, а он сказал им: “Не

ради меня сие, ибо я ничто. Бог сделал сие дело для вдовицы и сирот ее; а главное в том — Бог хочет, чтобы душа не грешила, и, о чем она ни попросит, получает”. Потом пошел он ко вдовице и сказал ей, где лежит поклажа, и она, взяв ее, отдала хозяину ее и освободила детей своих. Все слышавшие о сем прославили Бога».

Авва Милисий, проходя через некоторое место, увидал одного монаха, которого схватил кто-то как убийцу. Старец подошел и расспрашивал брата. Узнав, что это клевета на брата, он спросил державших: «Где убитый?». Ему указали. Старец, приблизившись к убитому, велел всем молиться. Когда же сам он простер руки свои к небу, мертвый встал. Авва спросил его пред всеми: «Скажи мне: кто тебя убил?». Он отвечал: «Я вошел туда-то и отдал деньги тому-то, а он взял меня и зарезал; потом вынес и бросил в монастырь аввы. Но прошу вас, возьмите у него мои деньги и отдайте их моим детям». Тогда старец сказал ему: «Пойди и спи, доколе придет Господь и возбудит тебя».

Сказывали, что один старец просил у Бога, чтобы ему увидеть отцов; и увидел их, кроме аввы Антония. Он спросил того, кто показывал ему:

«Где же авва Антоний?». Тот отвечал: «Антоний там, где Бог».

Некто спросил авву Феодора: «Если вдруг что-нибудь упадет, испугаешься ли ты, авва?». Старец отвечал: «Если небо столкнется с землей, Феодор и тогда не устрашится». Ибо он молил Бога, чтобы Он освободил его от боязливости. Поэтому тот и спросил его о сем.

Шел однажды авва Макарий из Скита в Теренуф и на пути зашел в капище уснуть. В капище находились древние языческие трупы. Старец взял один из них и положил его к себе под голову, как подушку. Демоны, видя такую смелость его, позавидовали и, желая устрашить его, кликали будто бы женщину, называя ее по имени: «Такая-то, иди с нами в баню!». А другой демон из-под Макария, как будто мертвец, отвечал им: «На мне лежит странник, и не могу идти». Но старец не устрашился, а смело ударил труп и сказал: «Встань, если можешь, ступай во тьму». Демоны, услышав сие, громко закричали: «Победил ты нас!» — и со стыдом убежали.

Авва Макарий рассказывал: «Однажды, проходя пустыней, нашел я череп какого-то мертвеца, валявшийся на земле. Когда ударил я череп

пальмовой палкой, он что-то проговорил мне. Я спросил его: “Кто ты?”. Череп отвечал мне: “Я был главным жрецом идолов и язычников, которые жили на этом месте, а ты — Макарий духоносец. Когда ты, сжалившись о страждущих в мучении, начинаешь молиться за них, они чувствуют некоторую отраду”. Старец спросил его: “Какая это отрада? И какое мучение?”. Череп говорит ему: “Насколько небо отстоит от

земли, настолько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Нельзя никому из нас видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. Но когда ты помолишься о нас, то каждый несколько видит лицо другого. Вот в чем наша отрада!”. Старец заплакал и сказал: “Несчастный день, в который родился человек!”. Старец спросил далее: “Нет ли еще более тяжкого мучения?”. Череп отвечал ему: “Под нами мучение еще ужаснее”. Старец спросил: “А кто там находится?”. Череп отвечал: “Мы, как не знавшие Бога, еще несколько помилованы; но познавшие Бога и отвергшиеся Его,— те под нами”». После сего старец взял череп и зарыл его.

Чего хочешь себе от людей, то делай им

Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

Мф. 7, 12

Ты хочешь, чтобы люди были в самых хороших отношениях к тебе. В таких же отношениях будь и к ним. Помни, что сия добродетель есть первоначальная или основная.

Авва Моисей говорил: «Человек, прежде разлучения с телом, должен умереть для всякого злого дела, дабы не сделать кому зла».

Пресвитер Нитрийский спросил авву Памво: «Как должны жить братия?». Он сказал: «В великом подвижничестве и храня совесть неукоризненной перед ближним».

Авва Пимен сказывал: «Если какой брат приходил к авве Иоанну Колову, то авва внушал ему любовь, о которой говорит Апостол: Любы долготерпит, милосердствует (1 Кор. 13, 4)».

Авва Антоний говорил: «От ближнего зависит и жизнь, и смерть. Ибо если мы приобретаем

брата, то приобретаем Бога, а если соблазняем брата, то грешим против Христа».

Авва Иоанн Колов сказал: «Нельзя выстроить дома сверху вниз, но надобно строить с основания кверху». Спрашивают его: «Что значит это изречение?». Авва отвечал: «Основание есть ближний; его ты должен приобретать и с сего начинать. Ибо на нем *висят* все заповеди Христовы (см.: Мф. 22, 40)».

Авва Феодор Фермейский говорил: «Превосходнейшая из добродетелей добродетель — никого не презирать».

Авва Пимен говорил: «Не исполняй своей воли; гораздо полезнее смириться перед своим братом».

Сказывали, что авва Агафон, когда входил на лодку, сам первый принимался за весло. Когда приходили к нему братия, то тотчас после молитвы своими руками предлагал им трапезу, ибо исполнен был любви Божией.

Рассказывали, что когда братия приходили к авве Пимену, он отсылал их прежде к авве Анувию, потому что Анувий был старше его летами; но авва Анувий говорил им: «Идите к брату моему Пимену, он сам имеет дар слова».

Если же где находился авва Анувий вместе с аввой Пименом, то авва Пимен совсем не говорил в присутствии его.

Авва Иосиф Панефосский сказал: «Святое Евангелие говорит: *воздадите убо кесарева кесареви. и Божия Богу* (Мф. 22, 21). Итак, когда приходят к нам братия, будем принимать их с радушием».

Однажды авва Памво с братьями проходил по стране Египетской. Увидев мирян, сидевших на пути, он сказал им: «Встаньте и приветствуйте монахов, чтобы принять от них благословение, ибо они непрестанно беседуют с Богом и уста их святы».

Авва Исидор, пресвитер, говорил: «Ученики должны и любить своих истинных учителей, как отцов, и бояться, как начальников. Ни любовь не должна изгонять страха, ни страх не должен погашать любви».

Авва Миос рассказывал об одном старце, который жил в Скиту. Старец этот был из рабов, отличался рассудительностью, ежедневно ходил в Александрию и носил оброк своим господам. Встречая его, они кланялись ему. Старец же наливал воду в умывальницу и умывал ноги их.

Господа говорили ему: «Отец! Зачем ты заставляешь нас принимать такую тяжелую услугу от тебя?». Он отвечал им: «Через это свидетельствую, что я раб ваш. В благодарность за то, что вы дали мне свободу служить Богу, я обмываю ноги ваши, и вы примите от меня мой оброк». Господа спорили, не принимая оброка, а старец говорил им: «Если не хотите принять оброка, я остаюсь здесь служить вам». Господа, уважая его, оставляли его делать, что он хотел, и отпускали с великой честью и со многими пожертвованиями для раздаяния за них милостыни. Вот за что он был славен и всеми любим в Скиту.

Авва Даниил говорил: «В один день призвал меня авва Арсений и сказал мне: “Успокой отца своего, дабы он, когда отойдет ко Господу, помолился о тебе, и благо ти будет”».

Авва Пимен говорил: «Приручай язык свой говорить то, что у тебя на сердце».

Авва Нистерой говорил: «Христианину должны быть чужды клятва и клятвопреступление, ложь, проклятие, обида и смех».

Авва Анувий говорил: «С того времени как наречено на мне имя Христа (см.: Иак. 2, 7), ложь не выходила из уст моих».

Авва Агафон, когда было собрание в Скиту по какому-то делу и уже сделано было определение, придя после всех, сказал монахам: «Неправо решили дело». Они сказали ему: «Кто ты такой, что так говоришь нам?» Он отвечал: «Сын человеческий, ибо написано: *Аще воистинну убо правду глаголете, правая судите, сынове человечестии* (Пс. 57, 2)».

Авва Антоний говорил: «Я никогда не предпочитал свою пользу пользе брата своего».

Брат сказал авве Пимену: «Во время крайней нужды попросил я у одного святого мужа некоторой вещи для своего употребления, и он дал мне то в милостыню. Если же Бог устроит мое состояние, то раздать ли мне взятое в милостыню или лучше отдать тому, кто дал мне это?» Старец отвечал: «Справедливость пред Богом требует, чтобы вещь отдана была тому, у кого взята, ибо она его».

Авва Вениамин сказывал: «Когда после жатвы возвратились мы в Скит, принесли нам из Александрии подаяние, на каждого по алебастровому сосуду чистого масла. При наступлении следующей жатвы братия приносили, если что оставалось у них, в церковь. Я не открывал своего

сосуда, но просверлив его иглою, вкусил немного масла, и было у меня на сердце, будто я сделал великий проступок. Когда же братия принесли свои сосуды, как они были, а мой был просверлен, то я устыдился, как бы обличенный в блуде».

Некто из отцов рассказывал об авве Иоанне Персиянине: «Приходит к нему заимодавец и требует своей златницы. Старец сказал ему: “Я схожу и принесу тебе”. Не имея чем отдать долг, он пошел было к авве Иакову, раздаятелю милостыни, просить его, чтобы он отдал брату монету. На пути увидел он златницу на земле, но не прикоснулся к ней и, сотворив молитву, возвратился в свою келию. Брат пришел в другой раз и настоятельно требовал у него денег. “Я очень забочусь об этом”, — отвечал ему старец и опять пошел к авве Иакову, нашел монету на прежнем месте и снова, сотворив молитву, возвратился в келью. Между тем брат в третий раз пришел докучать ему. Старец сказал сам себе: “Нечего делать, отнесу ему ту златницу”. Он встал и опять пошел к тому месту и нашел златницу там же. Сотворив молитву, старец взял ее, пришел к авве Иакову и говорит ему: “Авва! Идя к тебе, я нашел на дороге эту златницу; сделай милость объяви в

окрестности, не потерял ли кто ее? И если найдется хозяин, отдай ему”. Старец ходил три дня объявлять, но не нашлось ни одного, кто бы потерял златницу. Тогда старец сказал авве Иакову: “Ежели никто не потерял сей златницы, то отдай ее такому-то брату: я должен ему. Я нашел ее, когда шел к тебе просить милостыни для уплаты долга”. Авва Иаков дивился, как старец, будучи в долгу и найдя деньги, не взял их тотчас и не отдал».

Один брат, придя к авве Агафону, сказал: «Позволь мне жить с тобой». Идя же к нему, нашел он немного селитры и принес с собой. Старец спросил: «Где ты взял селитру?». — «Я нашел ее на дороге, когда шел сюда, и взял ее». Старец сказал ему: «Если ты шел жить со мной, то для чего взял то, чего не клал?». И послал его отнести селитру туда, где он взял ее.

Авва Агафон шел однажды со своими учениками. Один из них, найдя на дороге небольшой зеленый чечевичный стручок, говорит старцу: «Отче! Велишь ли мне взять его?». Старец с удивлением посмотрел на него и сказал: «Разве ты положил его тут?». Брат отвечает: «Нет». Старец сказал: «Как же ты хочешь взять то, чего не клал».

Авва Пафнутий, ученик аввы Макария, рассказывал, что старец говорил о себе: «Когда был я отроком, вместе с другими детьми пас я коров. Сверстники мои пошли воровать смоквы, и когда бежали назад, уронили одну. Я поднял ее и съел. Ныне, когда вспомню об этом, сажусь и плачу».

Авва Исаак говорил: «Я знаю брата, который, когда жал на поле и захотел съесть пшеничный колос, спросил хозяина поля: “Позволишь ли мне съесть пшеничный колос?”. Хозяин, услышав это, удивился и сказал ему: “Твое поле, отец, и ты меня спрашиваешь!”. Так был осторожен брат».

Однажды Павел, ученик аввы Ора, пошел купить пальмовых ветвей, но другие уже предупредили его и дали задаток. Авва Ор никогда не давал ни за что задатка, но в свое время посылал деньги и покупал. И так ученик его пошел в другое место за ветвями. Садовник сказал ему: «Однажды кто-то дал мне задаток и до сих пор еще не приходил; возьми ты ветви». Павел взял их и, придя к старцу, рассказал ему о случившемся. Старец как скоро услышал о том, всплеснув руками, сказал: «Ор не работает в этот год!» Он не позволил внести ветви в келию, и ученик принужден был отнести их обратно в свое место.

Рассказывали некоторые, что однажды Пимен с братией делал свечи. Работа остановилась, потому что им не на что было купить нитей. Доброжелатель их рассказал об этом одному честному купцу. Авва Пимен не хотел принимать ни от кого ничего, боясь беспокойства. Но купец, желая доставить работу старцу, показал вид, будто ему нужны свечи, привел верблюда и взял их. После того один брат, услышав, что сделал купец, пришел к авве Пимену и, думая похвалить купца, сказал старцу: «Знаю наверное, авва, что купец взял у нас свечи без всякой нужды, желая только доставить нам работу». Авва Пимен, услышав, что купец взял свечи, не имея в них нужды, сказал брату: «Пойди, найми верблюда и привези свечи, а если не привезешь их, то Пимен не будет жить с вами. Не хочу обижать никого, не хочу, чтобы человек без нужды брал нашу работу и терпел от сего убыток». Брат пошел и после многих хлопот успел привезти свечи, в противном случае старец ушел бы от них. Авва, увидев свечи, обрадовался, как будто нашел великое сокровище.

Ученик аввы Феодора рассказывал: «Однажды пришел к нам продавец лука и насыпал мне целую чашу. Старец сказал: “Насыпь пшеницы и

дай ему”. У нас было две кучи пшеницы: одна куча чистой, а другая нечистой; я насыпал ему нечистой. Старец посмотрел на меня пристально и печально; я упал от страха, разбил чашу и пал пред старцем, прося прощения. Но старец сказал мне: “Встань, не твоя вина, а я согрешил, поручив тебе это дело”. Старец пошел, насыпал полную пазуху чистой пшеницы и отдал продавцу вместе с его луком».

Некоторые старцы, бывая в Скиту, обедали вместе. С ними был и авва Иоанн. Один пресвитер, муж великий, встал подать чашу воды, но никто не решился принять от него чаши, кроме одного Иоанна Колова. Все удивились и сказали ему: «Как ты, младший из всех, осмелился принять услугу от пресвитера?». Авва отвечал им: «Когда я встаю, чтобы подавать чашу, радуюсь, если все примут ее, дабы получить мне награду. И сам я теперь принял чашу для того, чтобы доставить ему награду, и да не опечалится он, что никто не принял от него чаши». Все удивились и получили наставление от его рассудительности.

Случилось некоторым отцам зайти в дом одного христоролюбивого человека; в числе их был и авва Пимен. За столом предложили им мясо.

Все стали есть, кроме аввы Пимена. Старцы, зная его рассудительность, дивились, почему не ест он. Когда встали из-за стола, сказали ему: «Ты Пимен, а что сделал?»». Старец отвечал им: «Простите мне, отцы! Вы ели и никто не соблазнился; но если бы я стал есть, то многие приходящие ко мне братья соблазнились бы и стали бы говорить: “Пимен ест мясо; почему же и нам не есть?”». Старцы подивились его рассудительности».

Брат спросил у аввы Пимена: «Если за братом будет несколько моих денег, позволишь ли мне просить их у него?»». Старец отвечал ему: «Попроси у него однажды». Брат сказал ему: «Что же мне делать? Я не могу преодолеть своего помысла». — «Пусть помысл твой волнуется, — отвечал старец, — только ты не оскорбляй брата своего».

Один брат спросил авву Пимена: «Я нашел место, в котором есть все удобства для братьев. Позволишь ли мне жить там?»». Старец отвечал: «Живи там, где ты не будешь вреден для брата своего».

Когда братья говорили о любви, авва Иосиф сказал: «Знаем ли мы, что такое любовь?» — и рассказал об авве Агафоне следующее: «Имел он

ножичек; брат пришел к нему и похвалил ножичек. Авва Агафон не дал ему выйти от себя, пока тот не взял ножичка».

Один отец спрашивал авву Сисоя: «Если я живу в пустыне и придет ко мне разбойник, желая убить меня, а я одолею его, то позволишь ли мне убить его?». — «Нет, — отвечал старец, — но предай его Богу. Какое бы искушение ни постигло человека, он должен говорить: “Так случилось по грехам моим”, а если будет ему благо, он должен говорить: “Это по милости Божией”».

Иди путем тесным и прискорбным, а не широким и веселым

Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Мф. 7, 13—14

Не позволяй себе беспечности, дерзости, вольности, распущенности, произвола во влечениях и действиях, наслаждения мирскими утехами и удовольствиями.

Авва Вениамин говорил: «Ходите царским путем, измеряйте версты и не будете беспечны».

Авва Агафон говорил: «Дерзость есть мать всем страстям».

Авва Пимен говорил: «Начало зол — рассеянность».

Он же говорил: «Похотение, услаждение и привычка к ним погубляют человека».

Обуздывай свои помыслы, отсекай для Бога собственные пожелания; во всем, хотя с насилем, управляй собой.

Авву Аммона спросили: «Какой путь есть путь тесный и прискорбный?». Он отвечал: «Тесный и прискорбный есть обуздание своих помыслов и отсечение собственных пожеланий для Бога. Сие значит: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идом*» (Мф. 19, 27).

Авва Алоний говорил: «Если бы я не разрушал всего, то не мог бы и созидать самого себя».

Авва Дула говорил: «Отсекай мирские привычки, чтобы борьба твоя с помыслами не затрудняла тебя и не нарушала правила твоего безмолвия».

Авва Пимен говорил: «Повергаться пред Богом, смиряться и отвергаться своей воли — вот работные орудия души».

Еще говорил: «Воля человека есть медная стена между им и Богом, и камень отражающий. Если человек оставит волю свою, то говорит себе: *Богом моим преиду стену* (Пс. 17, 30). Но если правда его основывается на собственной воле, он изнемогает».

Брат просил авву Крония: «Скажи мне слово назидания». Кроний говорит ему: «Когда Елисей пришел к сонамитянке, то нашел ее не знающей мужа. Но пришествие Пророка дало ей

силу зачать и родить сына (см.: 4 Цар. 4, 12—17)». — «Что же это значит?» — спросил брат. Старец сказал: «Если душа бодрствует, удерживается от рассеяния, отвергается своих пожеланий, к ней приходит Дух Божий, и тогда она может рождать, поелику сама по себе она неплодна».

Авва Ор сказал авве Сисою: «Бог с тем пребывает, кто владеет собой или во всем, хотя бы с насилем, управляет собой».

Авва Макарий спросил авву Захарию: «Скажи мне, какое дело доброго воина Христова?» — «Тебе ли спрашивать меня, отец?» — сказал Захария. Авва Макарий говорит: «Я хорошо знаю тебя, сын мой Захария! Но есть кто заставляет меня спросить тебя». Тогда Захария говорит ему: «По мне, отче, тот добрый воин Христов, кто во всем делает себе принуждение».

|| Возлюбен внутренние и внешние скорби. ||

Авва Пимен говорил: «В Евангелии написано: *кто имеет ризу, да продаст ее и купит нож* (ср.: Лк. 22, 36), то есть кто живет в удовольствиях, тот должен оставить их и избрать тесный путь».

Мать Феодора говорила: «Старайтесь входить тесными вратами. Ибо как деревья не могут

приносить плодов, если не вытерпят зимних бурь и дождей, так и для нас сей век есть зима, и мы не можем иначе сделаться наследниками Царствия Небесного как через многие скорби и искушения».

Авва Антоний говорил авве Пимену: «Великий подвиг для человека — раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последнего издыхания».

Он же говорил: «Никто без искушений не может войти в Царствие Небесное. Ибо не будь искушений — никто и не спасется».

Авва Евагрий также говорил: «Не будь искушений — никто бы не спасся».

Авва Пимен говорил: «Отличительный признак воина Христова открывается в искушениях».

Он же рассказывал об авве Иоанне Колове: «Молился он Богу и был избавлен от страстей и стал спокоен. Пошел он к одному старцу и сказал ему: “Вот я теперь спокоен и не имею никакого искушения”. Старец отвечает ему: “Пойди, молись Богу, чтобы пришло к тебе искушение и то сокрушение и смирение, которые ты имел прежде, ибо посредством искушений душа усовершенствуется”. Он стал молиться, а когда пришло искушение, уже не молился об освобождении его

от искушения, но говорил: «Дай мне, Господи, терпение в искушениях!»».

Рассказывали о матери Сарре: тринадцать лет мужественно боролась она с демоном блуда и никогда не молилась о прекращении сей брани, но только взывала: «Боже, дай мне силу!».

Брат просил авву Матоя: «Дай мне наставление». Авва Матой сказал ему: «Пойди, моли Бога, чтобы Он ниспослал в сердце твое скорбь и смирение».

Авва Илия говорил: «Если душа не поет вместе с телом — напрасный труд. Если кто любит скорбь, впоследствии она доставит ему радость и успокоение».

Мать Синклитикия говорила: «Много подвигов и трудов сначала предстоит приходящим к Богу, но потом ожидает их неизглаголанная радость. Желаящие воспламенить огонь сперва задыхаются от дыма и проливают слезы, а потом уже достигают, чего ищут. Так и мы должны воспламенять в себе Божественный огонь со слезами и трудами. Ибо Писание говорит: *Бог наш огонь поядая есть* (Евр. 12, 29)».

Авва Антоний говорил: «Бог в нынешние времена не допускает таких искушений, какие

были прежде, ибо знает, что ныне люди слабы и не перенесут их».

|| Возлюби размышление о смерти, суде, рае и аде.

Брат спросил авву Крония: «Что делать мне с забывчивостью, которая пленяет ум мой и не дает мне помнить себя, доколе не приведет меня к самому греху?». Старец сказал ему: «В наказание за злые дела сынов Израилевых иноплеменники взяли кивот Господень и влачили его, пока не принесли во храм бога своего Дагона. И тогда идол пал на лицо свое». — «Что же это значит?» — спросил брат. Старец отвечал: «Когда враги успеют пленить ум человека по собственной вине его, то тайно влекут его, доколе не приведут к невидимой для него страсти. Если здесь ум обратится, взыщет Бога, вспомнит о вечном суде, то страсть тотчас падает и исчезает. Писание говорит: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешия и уразумеши, где еси был* (Ис. 30, 15)».

Брат спросил авву Крония: «Чем человек достигает смиренномудрия?». — «Страхом Божиим», — отвечал старец. Брат снова спросил его: «Как же человек приходит в страх Божий?». —

«По моему мнению, — сказал старец, — человек должен отрешиться от всего, предать тело свое труду и всеми силами держаться памятования о смерти и о суде Божиим».

Авва Евагрий говорил: «Сидя в келии, собери свой ум, вспомни о дне смерти; посмотри потом на умерщвление тела, подумай о бедствиях, примись за труд, презри суету мира, чтобы мог ты постоянно пребывать в любви к безмолвию и не ослабевать. Вспомни о настоящем состоянии душ во аде, подумай, каково им там! В каком они страшном молчании! Как горько стенают! В каком страхе, мучении и ожидании! Подумай об их непрестанной скорби, о душевном нескончаемом плаче! Вспомни также и о дне воскресения и явления пред Богом. Вообрази страшный и ужасный оный суд. Представь то, что приготовлено грешникам, — стыд пред Богом и Ангелами, и Архангелами, и всеми людьми, наказания, вечный огонь, червь неусыпающий, ад, мрак, скрежет зубов, ужасы, муки. Представь и блага, приготовленные праведникам, их общение с Богом Отцом и Его Христом, с Ангелами, Архангелами и всем ликом святых. Представь Небесное Царство, его блага, радость и наслаждение.

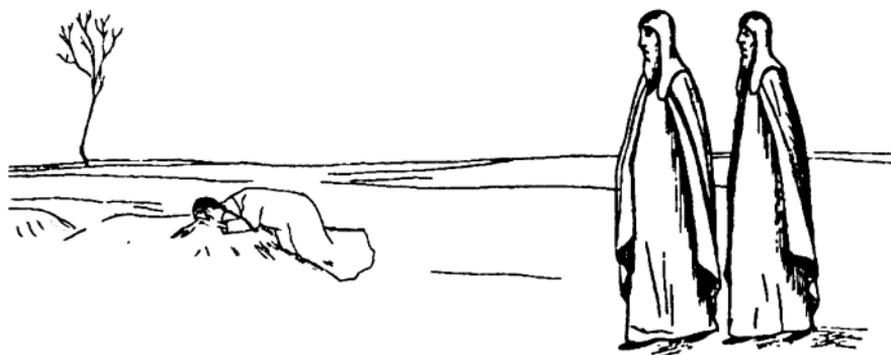
Приводи себе на память то и другое. Скорби́, плачь, об осуждении грешников, страшись, чтобы и тебе не быть между ними, но радуйся и веселись о благах, уготованных праведникам. Старайся сделаться причастником сих благ и избегнуть оных мучений. Смотри, чтобы это никогда не выходило у тебя из памяти, будешь ли в келии или вне оной, чтобы, хотя таким образом, избегать тебе нечистых и вредных помыслов».

|| Возлюби сокрушение и слезы о грехах. ||

Брат просил авву Пимена: «Дай мне наставление». Старец сказал ему: «Отцы начинали всякое дело плачем».

Однажды авва Пимен, идя в Египет, увидел женщину, которая сидела на могиле и горько плакала. Он сказал: «Если бы явились здесь все удовольствия мира, не освободили бы души ее от скорби. Так и мы должны всегда плакать».

Некогда он же шел с аввой Анувием в пределы Диолка. Проходя мимо кладбища, видят они женщину, которая страшно терзалась и горько плакала. Они остановились и смотрели на нее. Отошедши немного, встретились с одним человеком. Авва Пимен спросил его: «О чем эта

женщина так горько плачет?». Тот отвечал: «У нее умерли муж, сын и брат». Авва Пимен, оборотясь к авве Анувию, говорит: «Уверяю тебя, если человек не умертвит всех вожделений плоти и не будет так плакать, не может быть истинным делателем или воином Христовым. Вся душа и жизнь этой женщины погрузилась в скорбь».

Авва Иосиф рассказывал, что авва Исаак говорил ему: «Сидел я однажды у аввы Пимена и

увидел, что он был вне себя. Имея к нему большой доступ, я поклонился ему и спросил: “Скажи мне, авва, где ты был?”. Он с принуждением отвечал: “Ум мой был там, где Святая Мария Богородица стояла и плакала при Кресте Спасителя, и я желал бы всегда так плакать”».

|| Возлюби частые и долгие молитвословия, соединенные с коленопреклонением и падением ниц. ||

Братия спросили авву Агафона: «Какая, отец, добродетель в подвижничестве труднее других?». Он отвечал им: «Простите мне, я думаю, нет еще такого труда, как молиться Богу. Всегда, когда только захочет человек молиться, враги стараются отвлечь его, ибо знают, что ничто так им не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ни предпринял человек, после усиленного труда получает он успокоение, а молитва до последней минуты жизни требует борьбы».

Один брат сказал авве Антонию: «Помолись обо мне». Но старец отвечал ему: «Ни я, ни Бог не сжалятся над тобой, если ты не будешь заботиться сам о себе и молиться Богу».

Мать Синклитикия говорила: «Не отказывайся от поста под предлогом болезни, ибо и не постящиеся часто подвергались таким же болезням. Начал ты доброе дело? Не отступай же назад. Пусть враг силится воспрепятствовать тебе, но он падет пред терпением твоим. Предпринимающие плавание сперва пользуются попутным ветром, а потом, распустив паруса, встречают и противный ветер. Но, несмотря на противный ветер, плователи не разгружают корабля, а или останавливаются на короткое время, или вступают в борьбу с бурей и продолжают плавание. Так и мы, когда враждебный дух станет нападать на нас, распрострем крест вместо паруса и будем безопасно совершать наше плавание».

Брат спросил авву Моисея: «Для чего соблюдаются посты и бдения?». Старец отвечал ему: «Все это смиряет душу нашу».

Авва Иперхий говорил: «Пост есть узда греха. Кто сбросит сию узду, тот делается конем неистовым».

Авва Феодор говорил: «Воздержание в пище изнуряет тело». А другой старец сказал: «Бодрствование еще более изнуряет тело».

Авва Дула говорил: «Если враг принуждает нас оставить безмолвие, не будем слушать его, ибо нет ничего равного безмолвию и посту. Пост и безмолвие вместе помогают против врага, ибо они внутренним взорам доставляют остроту зрения».

Брат спросил авву Руфа: «Что такое безмолвие?». Старец отвечал ему: «Безмолвствовать — значит пребывать в своей келии в страхе Божиим и в размышлении о Боге и воздерживаться от памятозлобия и высокоумия».

Авва Антоний пришел однажды к авве Аммону в гору Нитрийскую, и когда они увиделись друг с другом, авва Аммон говорит: «Молитвами твоими умножилась братия, и некоторые из них желают построить себе келии в отдалении, чтобы пребывать в безмолвии. В каком расстоянии велишь ты строить келии?». Авва Антоний отвечал: «Вкусим пищи в час девятый и пойдем походим по пустыне и посмотрим место». Они шли по пустыне до самого захождения солнца. Тогда авва Антоний говорит: «Сотворим молитву и поставим здесь крест, чтобы здесь строили желающие строить. Тамошние, ежели захотят посетить здешних, пусть приходят сюда, съевши свой малый кусок в девятом часе, а здешние пусть то же

делают, отходя туда; и они не будут развлекаться при взаимном посещении». Расстояние же было на двенадцать верст.

Авва Иоанн Киликийский, игумен Раифский, говорил: «Будем подражать отцам нашим, в какой строгости и безмолвии они жили здесь!».

Один брат пришел взять корзин у аввы Иоанна. Авва вышел и говорит ему: «Чего ты, брат, хочешь?».— «Корзин, авва»,— отвечал он. Старец вошел в келию, чтобы вынести корзин, но позабыл и сел за плетение. Брат опять постучался. Когда вышел авва, он говорит ему: «Принеси, авва, корзин». Авва, войдя в келию, опять сел плести, а брат опять начал стучаться. Старец, выйдя к нему, говорит: «Чего ты хочешь брат?».— «Корзин, авва»,— отвечал он. Авва, взяв его за руку, ввел в келию и сказал: «Если хочешь корзин, возьми и ступай, а мне недосуг».

Однажды погонщик верблюдов пришел к авве Иоанну, чтоб взять у него корзин и пойти в другое место. Авва вошел в келию, чтобы вынести ему своего плетения, и забыл об этом, ибо ум его устремлен был к Богу. Погонщик опять просил и стучал в двери. Авва Иоанн, войдя в келию,

опять забыл о нем. Когда же погонщик застучал в третий раз, то авва, входя в келию, твердил: «Плетение — верблюд, плетение — верблюд». Это твердил для того, чтобы не позабыть.

Брат пришел к авве Пимену на второй неделе Четыредесятницы, открыл ему свои помыслы и, получив утешение, сказал ему: «Едва было я не оставил намерение быть здесь сегодня». — «Почему же?» — спросил его старец. — «Я думал, что мне не отворят дверей по причине Четыредесятницы». — Авва Пимен сказал ему: «Мы учились запирать не деревянную дверь, а более дверь языка».

Однажды авва Исаак сидел у аввы Пимена. Послышался голос петуха. Исаак спросил: «Ужели здесь есть петухи, авва?» — Старец отвечал: «Исаак! Зачем заставляешь меня говорить об этом? Ты и подобные тебе слышат это, а кто бодрствует, тому нет нужды до сего».

Авва Пимен сказывал: «Когда авва Захария приближался к смерти, авва Моисей спросил его: “Что ты видишь?”». Захария отвечал ему: “Не лучше ли, отец мой, молчать?” — “Так, — сказал Моисей, — молчи, сын мой!”. В самый час смерти его бывший при нем авва Исидор, подняв взор

к небу, сказал: “Радуйся, сын мой Захария, ибо отверзлись тебе врата Небесного Царствия!”».

|| Возлюбил труд и послушание ради Господа. ||

Спросили авву Агафона: «Что важнее — телесный труд или хранение сердца?». На это старец отвечал: «Человек подобен дереву: труд телесный — листья, а хранение сердца — плод. Поскольку же, по Писанию, *всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо* (Мф. 3, 10), то очевидно, что должны мы иметь все попечение о плоде, то есть о хранении ума. Впрочем, для нас нужно и лиственное одеяние и украшение, то есть труд телесный».

Брат спросил одного старца: «Что мне делать? Я скучаю за рукоделием; люблю плести корзины, но не умею делать их». — «Авва Сисой сказал, — отвечал старец, — что нам не надобно заниматься таким делом, которое приятно нам».

Авва Кроний говорил: «Если бы Моисей не привел овец к горе Синайской, то не увидел бы он огня в купине». Брат спросил старца: «Что разумеется под купиной?». Старец отвечал:

«Под купиною разумеется телесное упражнение. Ибо написано: *подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровену на селе* (Мф. 13, 44)». Брат спросил старца: «Следовательно, без изнурения тела трудом человек не достигнет никакой почести?» — «О сем, — отвечал старец, — так говорит Писание: *Взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащая Ему радости претерпе крест* (Евр. 12, 2). И пророк Давид также говорит: *Аще дам сон очима моима и веждама моима дремание* (Пс. 131, 4)».

Авва Пимен рассказывал об авве Исидоре: «Всякую ночь плел он пальмовые корзины. Братия просили его, говоря: “Успокойся немного, ибо ты уже стар”. Но он отвечал им: “Если бы сожгли Исидора и развеяли прах его по ветру, и тогда я не заслуживал бы еще никакой милости, ибо для нас сходил на землю Сын Божий”».

Сказывал авва Пимен: «Авва Исидор, пресвитер Скита, говорил однажды к народу так: “Братия, не для труда ли мы пришли в это место? А ныне здесь уже нет труда. Потому, взяв милоть свою, пойду я туда, где есть труд, и там найду покой”».

Авва Илия сказывал: «Один старец жил в капище. Демоны пришли и говорят: “Выйди из нашего места”. Старец отвечал: “Вы не имеете места”. Демоны начали разбрасывать его ветви. Старец терпеливо собирал их. После сего демон, схвативши его за руку, повлек вон. Когда же старец подошел к двери, то другой рукой ухватился за дверь и воскликнул: “Иисусе, помоги мне!”. Демон тотчас убежал, а старец начал плакать. Господь сказал ему: “О чем ты плачешь?”.— “О том,— говорит старец,— что демоны дерзают владеть человеком и это делать ему”. Господь сказал ему: “Ты был нерадив, а когда взыскал Меня, ты видел, как скоро Я помог тебе”. Говорю это к тому, что надобно много трудиться, а кто не будет трудиться, не может иметь Бога с собой, ибо Он был распят за нас».

Кто-то из старцев спросил авву Иоанна Колова: «Что есть воин Христов?». Он отвечал: «Труженик, ибо воин Христов всегда работает до утомления».

Авва Коприй говорил: «Блажен, кто переносит труд с благодарением».

Сказал некто блаженному Арсению: «Отчего мы, при всем нашем образовании и мудрости,

никаких добродетелей не имеем, а сии простолюдины и египтяне имеют столь великие добродетели?»». Авва Арсений отвечал ему: «Мы не имеем добродетелей по причине светского образования, а сии простолюдины и египтяне приобрели добродетели своими трудами».

Спрашивал некогда авва Арсений одного египетского старца о своих помыслах. Другой брат, увидя его, сказал: «Авва Арсений! Как ты, столь сведущий в науках греческих и римских, спрашиваешь о своих помыслах у этого простолюдина?»». Арсений отвечал ему: «Римские и греческие науки я знаю, но азбуки этого простолюдина еще не выучил».

Авва Еперхий говорил: «Драгоценное украшение для человека есть послушание; кто имеет послушание, тот будет услышан Богом и с дерзновением предстанет пред Распятым, ибо распятый Господь *послушлив быв даже до смерти* (Флп. 2, 8)».

Авва Иосиф Фивейский говорил: «Три подвига драгоценны пред Богом. Во-первых, когда человек, впав в болезнь и подвергаясь новым искушениям, принимает их с благодарением. Во-вторых, когда кто старается, чтобы все дела его

были чисты пред Богом и не имели ничего человеческого. В-третьих, когда кто пребывает в послушании своему духовному отцу и отказывается от всех своих желаний. Последний получает один лишний венец против прочих; а я избрал для себя немощь».

Авва Руф говорил, что живущий в послушании духовному отцу своему получает бóльшую награду, нежели тот, кто по своей воле живет в пустыне отшельником. При этом рассказывал он об одном отце, который видел четыре чина на небе. В первом чине стоял человек, который болен и благодарит Бога; во втором чине — человек, который с любовью принимает странных и с терпением служит им; в третьем — отшельник, который живет в пустыне и никого не видит; в четвертом — человек, живущий в послушании духовному отцу своему и повинующийся ему ради Господа. Сей последний за послушание свое носил золотую цепь и щит и имел бóльшую славу в сравнении с другими. «Я, — сказывал старец, — спросил своего путевода: “Почему этот меньший имеет бóльшую пред другими славу?”». Он отвечал мне:

«Страннолюбивый все делает по своей воле; кто живет в пустыне, удалился туда также по своей воле; а сей, живущий в послушании, отказывается от своих желаний и во всем зависит от Бога и отца своего. Потому он и получил бóльшую славу в сравнении с другими. Итак, дети, доброе дело — послушание ради Господа! Дети! И вы слышали уже несколько о сей добродетели. О послушание! Ты спасение всех верных, ты мать всех добродетелей! Ты находишь Царство, ты отверзаешь небеса и возводишь людей от земли на небо! Ты питательница всех святых: они питались твоими сосцами и возрастали в совершенствах! Ты сожительница Ангелов!».

Авва Антоний говорил: «Покорность с воздержанием покоряет зверей».

|| Возлюби бедность и лишения, сколько можешь. ||

Авва Пимен говорил: «Нищета, скорбь, теснота и пост — вот работные орудия доброго воина Христова. В Писании сказано: *еще будут сии трие мужие... Ное и Даниил и Иов ... живу Аз, глаголет Адонаи Господь ... тии же во правде своей спасутся...* (Иез. 14, 14, 20). Ной изображает

собой нестяжательность, Иов — терпение, Даниил — рассудительность. Если сии три добродетели есть в человеке, то Господь обитает в нем».

Один брат спросил авву Евпрепия: «Как жить?». Старец отвечал: «Ешь траву, коси траву и спи на траве, то есть все презирай и сделай сердце свое твердым, как железо».

Брат спросил авву Сисоя Петрейского об образе жизни. Старец сказал ему в ответ: «Даниил говорил: *хлеба вожделеннаго не ядох* (Дан. 10, 3)».

|| Возлюбни терпение колезней и ран. ||

Мать Синклитикия говорила: «Когда болезнь тяготит нас, не надобно скорбеть нам о том, что от боли и язв мы не можем воспевать псалмы устами. Ибо болезни и раны служат к истреблению похотений, а и пост, и земные поклоны предписаны нам для побеждения страстей. Если же и болезни исторгают сии страсти, то не о чем заботиться. Великий подвиг — терпеливо переносить болезни и среди них воссылать благодарственные песни к Богу».

Она же говорила: «Испросив себе позволение, диавол поражает тяжелыми болезнями с

тем, чтобы люди малодушные ослабели в любви к Богу. Посему-то тело иногда страдает сильной горячкой и томится несносной жаждой. Если ты грешник, то, страдая в болезнях, вспоминай о будущем наказании, о вечном огне, о мучениях после суда, не малодушествуй в настоящих страданиях, но радуйся, что Бог посетил тебя, и повторяй сие прекрасное изречение: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Пс. 117, 18). Ты — железо, и огонь очистит твою ржавчину. Если ты праведник и подвергаешься болезням, то чрез сие от великого переходишь ты к большему. Ты — золото, и чрез огонь делаешься чище. *Плоти твоей дадеся аггел* (2 Кор. 12, 7) — торжествуй, смотри, кому ты уподобился? Ты удостоился части Павловой. Ты искушаешься горячкой? Наказуешься простудой? Но Писание говорит: *проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Достиг ты первого — ожидай и второго. Успевая в добродетели, повторяй слова праведника: *Нищ и боляй есмь аз* (Пс. 68, 30). Сия двоякая скорбь соделает тебя совершенным. Ибо Псалмопевец говорит: *в скорби распространил мя еси*

(Пс. 4, 2). В сих училищах нужд и страданий будешь образовывать свою душу подвигами. А враг у нас пред глазами».

По словам аввы Пимена, авва Коприй достиг такого совершенства, что хотя был болен и лежал в постели, но благодарил Бога, отвергнув собственную волю.

Авва Исаак заболел тяжелой болезнью и долго страдал от нее. Один брат приготовил для него немного варенья, в которое положил слив, но старец не хотел отведать. Брат просил его, говоря: «Поешь немного, авва, ради немощи». Старец отвечал ему: «Поверь, брат, тридцать лет желал бы я провести в этой болезни».

|| Подвижничество иногда ведет к высокомерию; ||
|| всеми мерами противостой последнему. ||

Мать Синклитикия говорила: «Живя в кино-вии, мы должны предпочитать послушание подвижничеству, ибо последнее научает высокомерию, а первое смиренномудрию».

|| Соблюдай в подвижничестве умеренность и благоразумие. Неумеренность и нерассудительность ||
|| всегда пагубны. ||

Авва Антоний говорил: «Есть люди, которые изнурили тело свое подвижничеством — и однако же удалились от Бога, потому что не имели рассудительности».

Авва Пимен говорил: «Хранение себя, внимание к самому себе и рассудительность, вот три добродетели — путеводительницы души».

Он же сказывал, что авва Аммой говорил: «Иной человек всю жизнь свою ходит с секирой и не может срубить дерева; а другой, искусный в рубке, и немногими ударами сваливает дерево». Секирою он называл рассудительность.

Мать Синклитикия говорила: «Надобно с рассуждением управлять своей душой».

Она же говорила: «Писание говорит: *будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. 10, 16). Мудрость змииная заповедана нам, чтобы не скрывались от нас нападения и хитрости дьявола. Ибо подобное из подобного легко познается. А незлобие голубя внушает нам чистоту в делах наших».

Еще говорила: «И враг установил свое подвижничество, и его ученики подвизаются. Чем же различить нам божественное и царское подвижничество от демонского и мучительного? Ясно — умеренностью».

Авва Исаак пришел к авве Пимену и увидел, что он льет воду на ноги свои. Будучи близок к нему, спросил его: «Почему же некоторые весьма строго обращались со своим телом, не щадя его?». Авва Пимен отвечал: «Мы учились умерщвлять не тело, а страсти».

Некто в пустыне, ловя диких зверей, увидел, что авва Антоний шутил с братьями, и соблазнился. Старец, желая уверить его, что нужно иногда давать послабление братии, говорит ему: «Положи стрелу на лук свой и натяни его». Он сделал так. Старец говорит ему: «Еще натяни». Тот еще натянул. Опять говорит: «Еще тяни». Охотник отвечает ему: «Если я сверх меры натяну лук, тот он переломится». Тогда старец говорит ему: «Так и в деле Божиим: если мы сверх меры будем напрягать силы братий, то они скоро расстроятся. Посему необходимо иногда давать хотя некоторое послабление братии». Охотник, услышав это, пришел в сокрушение и пошел от старца со многой пользой. А братия, подкрепившись, возвратились в свое место.

Однажды авва Арсений сказал авве Александру: «Когда обрежешь прутья свои, приходи обедать со мной, а если придут странники, обедай с ними». Авва Александр работал спокойно и не спеша, так

что, когда настал час обеда, у него еще оставались необрезанные прутья. Желая выполнить слово старца, он остался за делом, доколе не обрезал всех прутьев. Между тем авва Арсений, видя, что он замедлил, и думая, что у него странники, пообедал. Но авва Александр, как скоро окончил свое дело уже к вечеру, пришел к нему. Старец спрашивает его: «Были у тебя странники?». Он отвечает: «Нет!». Старец продолжает: «Почему же ты не приходил ко мне?». Александр отвечает: «Ты сказал мне: “Приходи, когда обрежешь прутья”. Исполняя слово твое, я не приходил, ибо теперь только окончил дело». Старец удивился точности его и говорит ему: «Скорее разреши пост, соверши свое молитвословие, выпей воды, иначе тело твое скоро может ослабеть».

Однажды авва Аммон, намереваясь переехать через реку, нашел готовое судно и сел в него. К этому же месту шло другое судно, перевозившее известных людей. Сии говорят ему: «Поди и ты, авва, переправляйся с нами». Аммон отвечал им: «Я не взойду на судно, если оно не общественное». Он имел у себя связку пальмовых ветвей и во все время, пока был на лодке, плел веревку и опять расплетал ее, доколе переправился. Братия,

поклонившись ему, спросила: «Для чего ты это сделал?». Старец отвечал им: «Для того, чтобы мысль не была у меня в постоянном напряжении». Вот пример, с какой осторожностью надобно нам идти по пути Божию!

Не соблазняйся примером сынов погибельных, хотя бы их было величайшее множество. Напротив, чем более худых людей и соблазнов, тем строже будь к себе. Помни: Господь затем и объявляет о множестве сынов погивели, чтобы предостеречь от увлечения их множеством. Несчастливая погивель многих не спасет тебя. На суде Божием не защитит тебя то, что большая часть людей шла путем вольности и распущенности. Если действием лукавого, по причине множества сынов погивели, тесный и прискорбный путь Евангелия представляется твою сердцу грустным, тяжким, непроходимым, то, пока собственным опытом не познал ты сладости и легкости сего пути, внимай свидетельству Господа, что тесный и прискорбный путь дает жизнь, радость и покой и что он благ и легок (см.: Мф. 11, 28—30), и свидетельству последователей Господа, что заповеди Его не тяжки (1 Ин. 5, 3).

Рассказывали об авве Нетре, ученике аввы Силуана. Когда жил в своей келии в горе Синайской, он в известной мере исполнял требования своего тела, когда же сделался епископом в Фаране, начал жить гораздо строже. Ученик его

сказал ему: «Авва! Когда мы жили в пустыне, ты не так строго жил». Старец отвечал ему: «Там была пустыня, безмолвие и бедность, и я поддерживал тело мое, дабы не изнеможь мне и не искать того, чего я не имел. Но здесь мир, тут есть все удобства. Здесь если случится и заболеть мне, то есть кому помочь. Здесь боюсь я, как бы не погубить в себе монаха».

|| Не соблазняйся никогда никем и ничем. ||

Сказывали об авве Арсении: однажды, когда он сделался болен в Скиту, пошел пресвитер и перенес его в церковную больницу; положил его на постели, и небольшая подушка была у него под головой. И вот один старец пришел посетить авву Арсения; увидев его на постели и под головой у него подушку, соблазнился и сказал: «Таков-то авва Арсений! Вот на чем он поживает!». Пресвитер отвел его в сторону и спросил: «Какая у тебя была работа в деревне?». Он сказал: «Я был пастухом». — «Как ты жил?» — спросил еще пресвитер. Он отвечал: «В больших трудах жил я». Пресвитер спросил его: «А ныне как живешь ты в келии?» Старец отвечал: «Ныне живу я гораздо спокойнее». Тогда пресвитер говорит: «Видишь

ли ты сего авву Арсения? В мире был он отцом царей (Аркадия и Онория, коих отцом был назван потому, что был их наставником и восприемником при крещении); тысяча слуг, опоясанных золотом, все в ожерельях, все в шелку, предстояли ему, и драгоценные ковры были под ногами его! Ты, будучи пастухом, не имел в мире того успокоения, которое теперь имеешь; а он имел в мире все удовольствия, теперь же не имеет их. Итак, ты теперь покоишься, а он терпит нужду». Услышав это, старец пришел в сокрушение, поклонился и сказал: «Прости мне, авва! Согрешил я. Совершенная правда, что авва Арсений смиряется, а я покоюсь». И, получив пользу, старец удалился.

Один монах, римлянин, бывший некогда знаменитым при царском дворе, пришел в Скит и поселился близ церкви. Он держал при себе и раба, который прислуживал ему. Настоятель, заметив его немощь и узнав, в каком довольстве жил он прежде, посылал к нему, если что сам приобретал или другие приносили для братии. Прожив двадцать пять лет в Скиту, римлянин сей получил дар прозрения и сделался славным. Один из великих египетских подвижников, услышав о нем, пришел посмотреть на него, надеясь

найти у него какой-нибудь необыкновенный образ внешней жизни. Войдя к римлянину, египтянин приветствовал его, и, помолившись, они сели. Вот египтянин видит, что он одет довольно роскошно, под ним рогожа, покрытая кожей, и небольшая подушка; ноги у него чисты, обуты в сандалии. Видя сие, он соблазнился, потому что в этом месте прежде не так жили, но гораздо строже. Старец, по дару прозрения, понял, что посетитель его соблазнился, и говорит своему прислужнику: «Сделай нам ныне утешение ради аввы». Служитель взял немного овощей и сварил их. Когда пришло время, они встали и ели. Ради немощи своей старец имел у себя несколько вина, и они пили. Когда же наступил вечер, прочитали двенадцать псалмов и легли. То же сделали и ночью. Вставши утром, египтянин говорит старцу: «Помолись о мне»,— и пошел от него, не получив желаемой пользы. Когда он несколько отошел, старец, желая доставить ему пользу, послал за ним и воротил его. Когда тот пришел, старец опять принял его с радостью и начал спрашивать: «Из какой ты стороны?».— «Я египтянин»,— отвечал он.— «Из какого города?».— «Я не городской житель»,— отвечал египтянин.— Старец спросил:

«Что же ты работал в своей деревне?».— «Я был сторожем».— «Где ты спал?».— «На поле».— «Имел ли постель под собой?».— «В поле какую постель мог я подстилать под себя?» — отвечал египтянин.— «Как же ты спал?».— «На земле». Далее спрашивает его старец: «Какую имел ты пищу в поле и какое пил вино?».— «Какая в поле пища и какое вино?» — отвечал опять египтянин.— «Как же ты жил?».— «Ел сухой хлеб с малым количеством соли, если удавалось найти ее, а пил воду».— «Великий же ты нес труд! — сказал старец.— А была ли в деревне баня, где бы вам можно было мыться?».— «Нет, — отвечал египтянин, — но когда хотели, купались в реке». Выслушав все это и узнав, как бедна была прежняя жизнь египтянина, старец в назидание ему рассказал о своей прежней жизни в мире: «Я, смиренный, — говорил он, — которого ты видишь перед собой, из великого города Рима и был знаменитым человеком при царском дворе». Египтянин, выслушав сие начало рассказа, пришел в умиление и внимательно слушал, что далее говорил ему старец. Тот продолжал: «Оставил я город и пришел в сию пустыню. Я, которого видишь перед собой,

имел великолепные чертоги и великое богатство. Презрев все это, пришел я в эту малую келию. У меня были кровати из чистого золота, с драгоценными покрывалами, а теперь вместо них Бог дал мне сию рогожу с кожей. У меня были драгоценные одежды — вместо них ношу я это недорогое одеяние. На стол мой издерживалось много золота — вместо сего Бог дает мне несколько овощей и небольшую чашу вина. Мне служило множество отроков — и вот вместо всех них Бог внушил этому старцу прислуживать мне. Вместо бани я лью на свои ноги понемногу воды, а по немощи своей ношу сии сандалии. Вместо музыки и пения я прочитываю по двенадцать псалмов с вечера. То же малое мое служение в тишине совершаю я и ночью, за соделанные мной грехи. Итак, прошу тебя, авва, не соблазняйся моей немощью!». Выслушав это, египтянин из глубины души сказал: «Увы мне! От mnogой нужды мира перешел я сюда на покой и имею теперь то, чего не имел, живя в мире, а ты от такого довольства пришел к скорбям, от великой славы и богатства пришел к унижению и бедности!». Египтянин пошел от старца, получив великую пользу, сделался ему другом и часто

посещал его ради пользы. Ибо старец отличался рассудительностью и исполнен был благоуханием Святаго Духа.

Помни: Царствие Небесное нудится, и нудни-
цы восхощают є (Мф. 11, 12). Тесный и прискорб-
ный пүть вводит в жизнь и радость. Напротив,
широкий и веселый пүть вводит в пагүбү и мүче-
ние. Другого пүти к приобретению Царствия Бо-
жия, кроме тесного и прискорбного, не было, нет и
не бүдет: Аз єсмь пүть (Ин. 14, 6), — сказал Исүс
Христос, — и иже хощет по Мне ити, да отвержет-
ся себе, — должен обуздать свои помыслы и отсець
для Бога собственные пожелания, — и возмет крест
свой, — должен возлюбить внүтренние и внешние
скорби, — и по Мне грядет (ср.: Мф. 16, 24; Мк. 8,
34; Лк. 9, 23) — должен отобразить в себе Христа
Господа, дабы представить себя Богу святым.

**Берегись ложных учителей,
являющихся в одеждах овчих,
внутри же волков хищных,
и узнавай по жизни их**

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их.

Мф. 7, 15—20

Не только не беседуй, но и не желай встречаться с людьми, которые под видом приязни обольстительными словами ослабляют веру и благочестие и чрез то затворяют вход в Царствие Небесное. Узнавай их по страстям или похотям их.

Авва Пимен говорил, что учить ближнего может только человек здравомыслящий и бесстрастный.

Некогда авва Сисой пришел из горы аввы Антония в ближайшую гору Фивайдскую и поселился там. Были там и мелетиане, живущие в

Каламоне Арсеноитском. Некоторые братия, услышав, что он пришел в ближайшую гору, желали видеть его, но говорили между собой: «Что нам делать? В горе живут мелетиане. Знаем, что старцу они не могут сделать вреда, но нам, ходя к старцу, как бы не впасть в искушение еретиков». Посему, чтобы не встретиться с еретиками, они не пошли и к старцу.

Будь исполнителем обязанностей христианина, а не только читателем или слушателем их

Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И то да объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие. Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

Мф. 7, 21—27

Помни: если будешь только слушать заповеди, но не исполнять, то не войдешь в Царствие Небесное. Как слушающий, так и исполняющий — оба строят себе храмину спасения; но исполняющий есть строитель мудрый: при нападении искушений и бед храмнина его не падает, потому что он углубляет

|| основание ее исполнением или делом. Слушающий ||
же только, но не исполняющий, есть строитель без-
рассудный, глупый: при нападении искушений и бед
храмина его разрушается, потому что он не углуб-
ляет основания ее исполнением или делом. ||

Авва Евпрепий говорил: «Зная, что Бог верен и силен, веруй в Него — и будешь участником блага Его! Если же ты беспечен, то и не веруешь. Все мы веруем, что Бог силен, и веруем, что для Него все возможно, но ты и в своих делах имей веру в Него — и в тебе Он творит чудеса».

Об авве Исааке рассказывали: «Когда он был при смерти, собрались к нему старцы и говорили: “Что нам делать после тебя, отче?”». Старец отвечал: “Вы видели, как я вел себя пред вами. Если и вы хотите последовать мне и хранить заповеди Божии, то Бог пошлет вам благодать Свою и сохранит сие место, а если не будете хранить заповедей, то не останетесь на месте сем. И мы скорбели, когда умирали отцы наши, но, храня заповеди Господни и завещания отцов, прожили мы так, как бы они еще были с нами. Так делайте и вы и спасетесь”».

Рассказывали об авве Исаии: «Однажды он взял зеленую ветвь, пошел на гумно и говорит владельцу земли: “Дай мне пшеницы”. — “А жал

ли ты, авва?» — спросил он. “Нет”, — отвечал старец. Тогда владелец говорит ему: “Как же ты хочешь получить пшеницы, когда сам не жал?”. А старец говорит: “Неужели не получает награды тот, кто не жал?”. — “Не получает”, — сказал владелец. Так старец и ушел от него. Братия, которые видели, что он делал, поклонившись, просят его объяснить им, для чего он сие сделал. Старец говорит им: “Это я сделал для примера: так, если кто не будет работать, не получит награды от Бога”».

Содержание

Благочестивому читателю	3
Будь нищим духом	15
Будь плачущим	41
Будь кротким	53
Будь алчущим и жаждущим правды	57
Будь милостивым	59
Будь чист сердцем	78
Будь миротворцем	101
Будь готов претерпеть гонение за правду	109
Будь готов претерпеть всякую обиду и даже смерть за имя Христово и за истинную Православную веру	112
Ищи света истины и животворной соли для души, заблуждениями помраченной и грехом растленной, в переданном миру апостолами слове Божиим	117
Да просветится пред человеками, по примеру апостолов и преемников их, и твой свет, заимствованный тобой от света Божественной истины	119
Исполни до малейшей черты и потом других также научи исполнить открытую Сыном Божиим волю Отца Небесного, как Он Сам исполнил Его волю до малейшей черты	127

Не гневайся на брата своего всеу	135
Не злословь брата своего	142
Сперва, лично ли или заочно, примиришь с оскорбленным тобой братом своим и потом приступай к Богу с чем-либо Ему благоугодным; примиришь скорее, дабы смерть не постигла тебя непримирившимся	144
Не любодействуй и душой своей, не только телом	146
Избегай в обыкновенных разговорах своих божбы и клятвы, хотя бы ты и правду говорил	154
Злу не противься злом, не воздавай злом за зло	155
Плати за зло добром так, что хотящему судиться с тобой отдай более, чем он хочет	164
Плати за зло добром так, что если кто тебя принуждает потрудиться, сделай для него больше, чем принуждает	168
Просящему у тебя дай и хотящему у тебя взять взаймы не откажи	171
Люби врагов своих, благословляй клянущих тебя, делай добро ненавидящим тебя и молись за обижающих тебя	175
Когда творишь милостыню, не желай себе за сие славы от людей и сам не хвали себя в душе своей за милостыню, не любуйся ею как своим будто собственным делом или произведением	177

Когда совершаешь молитву, не желай за сие славы от людей и не развлекайся помыслами о чем бы то ни было стороннем	179
Молясь, не многословь	181
Молись молитвою Господней, которую Он даровал нам в образце всех прочих молитв	183
Когда совершаешь пост, не желай себе за сие славы от людей, являйся постящимся Богу, а не людям	186
Не будь тщеславен	193
Не будь любостяжательен	206
Не будь плотоугодлив	221
Не имей пристрастной любви к людям	251
Для снискания пищи и одежды делай сколько можешь, но спокойно	280
Прежде и больше всего ищи Царствия Божия и оправдания	287
Не заботься много о завтрашнем дне	289
Не суди ближнего, не осуждай его	290
Будь внимателен к себе самому, к своим грехам, а не к грехам других	301
Прежде себя самого исправь, потом уже других исправляй	307
Не давай святыни псам	311
Проси Бога, ищи, толцы у дверей милосердия Его	312

Чего хочешь себе от людей, то делай им	330
Иди путем тесным и прискорбным, а не широким и веселым	342
Берегись ложных учителей, являющихся в одеждах овчих, внутри же волков хищных, и узнавай по жизни их	375
Будь исполнителем обязанностей христианина, а не только читателем или слушателем их	377

СКИТСКИЙ ПАТЕРИК

О СТЯЖАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ
ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

СКАЗАНИЯ
ОБ ИЗРЕЧЕНИЯХ И ДЕЛАХ
СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ОЦЕВ
ХРИСТОВОЙ ЦЕРКВИ

Редактор: Татьяна Петрова
Корректор: Вера Лобанова
Оформление обложки: Ольга Стацевич
Компьютерная верстка: Дмитрий Зимин,
Вера Королёва

Подписано в печать 19.10.2001

Формат: 70x100/32. Гарнитура «Академическая».
Печать офсетная. Объем 12 печ. л. Тираж: 10 000 экз.
Заказ: 18407

Издание Московского Подворья
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
129090, Москва, 2-й Троицкий пер., д. 6^а, строение 9

Лицензия ИД № 03146 от 30.10.2000

Отпечатано в типографии
ОАО «Молодая гвардия»
103030, Москва, Сушевская ул., 21

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
САМОУПРАВЛЯЕМОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ЦЕРКОВНОГО УЧЕНИЯ
САМОУПРАВЛЯЕМОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ЦЕРКОВНОГО УЧЕНИЯ
САМОУПРАВЛЯЕМОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ЦЕРКОВНОГО УЧЕНИЯ

